

ИНГА АРТАМОНОВА

Я
УЧУСЬ
ХОДИТЬ
ПО
ЗЕМЛЕ

ИНГА
АРТАМОНОВА

■ ДОКТОР БЫЛ ПРАВ, К СОЖАЛЕНИЮ

Это началось в солнцеворот.
Была одна минута до войны.

В ту ночь мне еще не исполнилось пяти лет, но я отчетливо помню ее — ведь это была последняя ночь моего детства. И сейчас я вижу цветные глаза ракет, которые впились в небо, и без того исполосованное лучами прожекторов. Я помню все. Я ничего не забыла.

Грустным был день моего рождения. Я не могла понять: почему нет праздничного стола, вафель, «мишек в сосновом бору», как-никак, а мне исполнялась совершенно круглая дата — пять лет. Она бывает только один раз...

На столе стоял жидкий чай, несколько черных сухариков, селедка и начатый еще до войны шкалик водки.

Мама не пила водку. Над ней колдовала бабушка. На все мои вопросы мама отвечала загадочно:

— Мне пить нельзя, я пойду тебе братика покупать, чтобы ты не скучала. Хочешь братика?

По правде говоря, мне хотелось братца, но меня смущало, что все уже решено без меня.

Я **чуть** даже не расплакалась.

«Если, — подумалось мне, — если уже сейчас со мной не считаются, то про Ингу совсем забудут, когда купят маленького. Хорошо, что мама догадалась насчет

мальчика, а то нас уже и так три женщины: мама, бабушка и я».

Но это я все про себя думала, а вслух произнесла другое:

— Как знаешь...

Володька родился в сентябре. Несколько дней мама не отходила от него ни на минуту. Только и слышалось: «Инга, дай мне ползунки. Куда делась марганцовка? Что ты вертишься под ногами? Не обнимай его так сильно — это же человек!»

Мама учила меня пеленать братца, правильно давать ему соску и даже стирать его пеленки. Все это я делала с интересом. И этот интерес был понятен — многие из моих сверстников эвакуировались из Москвы. Не с кем стало гулять, да и мама запрещала выходить на улицу без старших. Братец заменял мне куклу. Когда мамы не было дома, я по десятку раз заворачивала и разворачивала его, играла с ним в «дочки-матери», играла самозабвенно до тех пор, пока однажды мама не сказала:

— Ты уже стала такая большая, Инга. И сейчас можешь оставаться одна с братиком — ты ведь у нас заботливая, ласковая. Меня на работе теперь будут отпускать все реже — тебе одной придется смотреть за Володькой. Понимаешь, ты, Инга, пятилетняя мама.

Так стала я нянькой месячного ребенка... С того дня я ни разу не видела маму без слез, она никак не могла поверить, что я могу стать отличной нянькой, — я стирала пеленки, разогревала суп, играла с Вовкой, а один раз даже во время бомбежки завернула его в одеяло и отнесла в бомбоубежище. Мне ужасно хотелось поиграть с ним, поиграть свободно, не чувствуя, что надо мной висят домашние заботы — супы, пелен-

ки, очереди за молоком в консультации и постоянное недосыпание. Я, как Варька из чеховского рассказа «Спать хочется», пробуждалась утром ото сна с одним желанием: быстрее бы наступил вечер, когда снова можно будет беззаботно и безмятежно уснуть.

Скрываясь во время тревоги в бомбоубежищах, я играла с Вовкой, забывая, что он — живой человек, а не кукла.

В ноябре в Москве стояли крепкие морозы.

Сорок первый год! Никто из переживших тебя не забудет свирепых закатов, расстрельных, сбивающих с ног ветров и улиц, где ледяные стояли дома, где по молчаливым тротуарам неуверенно, сгибаясь под тяжестью маленькой вязанки дров, двигались люди...

Однажды я гуляла с Вовкой. Ребенок сладко спал на морозе. Мне стало скучно: от ребенка нельзя было отойти ни на шаг, а оставаться наедине с собой — значит мучительно ощущать отвратительное чувство голода.

Неожиданно взрыв потряс землю и вцепившиеся в нее коробки домов. Охнули стекла окон, вылетели из рам и заплакали на асфальте. Тетя Поля раздирающим душу голосом возвестила населению двора, что в Охотном ряду упала бомба. Пятилетняя мама, нянька, или просто маленькая трусливая девчонка, я очень испугалась воя сирен, мечущихся людей, букетов огня, разорвавших купол неба. Я, движимая только чувством страха, побежала в бомбоубежище. Впопыхах забыла про Володьку, оставив ребенка в коляске во дворе, под холодным и бескрайним, истерзанным и недобрым небом.

В бомбоубежище меня окликнула мамина подруга — тетя Аня.

— Ты почему одна, Инга?

— И вовсе не одна, — ответила я.

— Как же не одна? — не отставала тетя Аня.

— Так и не одна, — грубо сказала я, — Володька на улице лежит.

— Как лежит? — тетя Аня схватила меня за плечо и затрясла.

— Спит, — ответила я, — он у нас маленький-маленький. Он ничего не боится.

Как ни пыталась тетя Аня выбраться из подвала, ее не выпустили до отбоя военной тревоги.

Прибежав во двор, мы увидели, что Володька тоже испугался и плакал на морозе.

— Его могли убить, — сказала тетя Аня. И в ту минуту я представила, что Володеньку убили, что мне не с кем будет играть, и разревелась.

Узнав об этой истории, мама, конечно же, всплакнула: ей жаль было Вову, жалко меня, но она не знала, что придумать, как найти выход, да и есть ли он, этот выход, среди моря человеческого несчастья, которое захлестнуло половину планеты.

По-прежнему в семь утра мама будила меня, помогала одеваться, заставляла чистить зубы.

Уходя, напоминала:

— Дочка, вот тут на блюде я тебе хлеб положила. С чайком попей — и на обед оставь. Я придумам и принесу суп. Суп у нас можно купить, а вот хлеб не продают. Ты поешь хлебушек и мне оставь половинку.

За день набегаешься — с Володей, в консультацию, за дровами, — и есть захочется к обеду. Но стараешься не унывать: знаешь — дома лежит на блюде хлеб! Домой прибегу — отрежу кусочек, сама его щупаю

пальчиками, измеряю, измеряю, чтоб маму не обмануть, чтоб не больше половины отрезать. Суну в рот — и снова по делам бегать. Через полчаса опять стою возле куска хлеба — смотрю, смотрю на него.

Отрежу, а потом сама забуду: какая она, половина?

Вечером снова прибегу и еще чуть-чуть отре-

Среди десятка домашних дел, которые жна была сделать за день, самым неприятным считала одно — сходить в консультацию и принести ребенку молоко, кашу или кисель.

Запру мальчика одного в комнате, а сама бегом-бегом в консультацию. Пробую нырнуть без очереди, меня стыдят: «А еще пионерка!» Это они по росту судили. Была я длинная и тощая.

Стою в очереди, показываю язык этим бабкам, а сама волнуюсь: «Как там Вовка?»

Получу, наконец, молоко, кашу или кисель и бегу домой, быстро бегу. Устану, останавлиюсь. Затем тихо иду, чтобы дыхание успокоить. Иду и сумкой размахиваю. А в сумке — молоко, каша и кисель. И есть мне хочется. Спрячусь где-нибудь в подворотню, отхлебну глоток молока и домой спешу.

А сумка мелькает перед глазами, и никуда эту сумку не спрячешь. Снова забегу в подъезд — выпью глоток, спрячу бутылку. А самой стыдно. Плачу, злюсь на себя, а руки так и тянутся к бутылке.

Пока приду домой — останется половина молока. Чтобы мама не ругалась, я возьму и воды долью, помешаю, помешаю — и поставлю в сумку.

Вечером мама кормит Вову и возмущается:

— Потеряли всякую совесть — даже молоко для ребенка разбавляют.

В такие минуты я предпочитала уходить из комнаты: у меня горели щеки и уши.

Вечерами я клялась себе, что не буду отпивать молоко. А днем снова пила. И ничего не могла сделать с собой.

Однажды маму отпустили с работы днем. Я этого не знала, а потому, прибежав из консультации, первым делом заскочила на кухню, взяла чайник с кипяченой водой и стала разбавлять молоко.

— Инга! — Кто-то окликнул меня. Я вздрогнула, обернулась, вижу — стоит мама и Вовку на руках держит. — Инга, Вовочка заболел, сейчас к врачу понесем. А молоко в другой раз не разбавляй, что же делать, если отпила. Ты ведь тоже у меня маленькая...

В тот день я сумела все-таки перебороть себя. Надсело краснеть перед собой, унижаться, прятать от мамы глаза. Это одна причина.

Вторая была страшнее. В тот вечер мы пошли с братцем к врачу, и он определил у малыша воспаление легких, а у меня — туберкулез.

Помню, как забилась в плаче сразу постаревшая лет на десять мама, как доктор налил ей воды и капнул в стакан что-то вонючее и резкое. Он успокаивал маму:

— Может быть, я ошибся? Не надо отчаиваться: у вас двое детей. Повторяю: я мог ошибиться.

Я не понимала слов «туберкулез» и «воспаление легких», но догадалась, что это очень страшные болезни, и, пока мама приходила в себя, я «агукала» над Володей и про себя повторяла: «А доктор ошибся! А доктор ошибся!»

Но он, к сожалению, оказался прав...

■ МНЕ ТАК НЕ ХОТЕЛОСЬ В ЗЕМЛЮ!

Я видела иву. В нее ударила молния. Толстый ствол раскололся пополам, ровно пополам. По обугленному, еще живому дереву бисером рассыпались капельки сока.

Прошла гроза. В душный июльский день она освежила жизнь, наполнила ее смыслом. Над самой гладью воды носились трясогузки. Мягко шелестел ветерок. Колька с Димкой босиком бегали по теплым лужам, смеялись.

А среди общего опьянения свежим воздухом, одинокая, умирала ива. Капельки сока стекали по черному стволу. Увидев эту иву через решетку, я уже в шесть лет поняла, что деревья умеют чувствовать...

Почему через решетку? А потому, что в сорок втором году меня устроили в санаторий, где лечились туберкулезники. Мне было очень скучно среди взрослых, занятых своими болезнями и не обращающих внимания на шестилетнюю девочку. Я просила маму, чтобы она забрала меня, но мама не соглашалась:

— Здесь, дочка, хорошо кормят. Попроси кого-нибудь — научат тебя читать. Время пройдет незаметно.

Через несколько дней ко мне приехали тетя Валя и бабушка. Я играла в беседке, а завидев их, захотела напугать, перелезть через забор, забежать сзади и закричать что-нибудь страшное.

Через забор я перелезала несколько раз в том месте, где лежали старые доски, разбитые двери и оконные рамы.

Итак, я решила напугать тетю Валю и бабушку. Влезла на забор, хотела прыгнуть, но в ту же секунду

одна из штакетин сломалась, я потеряла равновесие и упала на груды бревен, досок и оконных рам, в которых торчали острые зубья стекол.

Наверное, я испугалась. Сейчас уже не вспомню.

Все обошлось хорошо, платье не разорвалось, была счастлива, отделавшись легким испугом. В первую минуту я не почувствовала боли и, только пробежав несколько метров, заметила, что по ноге течет клейкая струйка крови. Увидев кровь, я сразу же почувствовала себя плохо, но подошла к бабушке, поцеловала ее. Обняла тетю Валю.

Родственники сразу же засыпали меня вопросами: как здесь кормят, хорошо ли я сплю, как температура, много ли бывает мокроты, скучаю ли по дому, научилась ли читать?

Рассказывая о санатории, я косила глаза на струйку крови, меня начинало тошнить от ее резкого запаха. Я закрыла коленки платьем и почувствовала, что в ноге что-то торчит. Это был ржавый гвоздь. Я попробовала незаметно для бабушки вытащить, но гвоздь торчал в ноге очень плотно.

Тетя Валя заметила, как я побледнела, и спросила: — Тебе плохо?

— Нет... — Говоря это, я яростно заталкивала гвоздь в ногу, боясь, что вдруг заметят кровь.

Боль жгла мне всю ногу, но я терпела, старалась улыбаться. И надо же беде случиться — я потеряла сознание. Бабушка и тетя подхватили меня, отнесли к врачу. Доктор, ругая завхоза, который оставил на территории санатория гнилые доски, сделал мне несколько уколов, зашил рану.

Я смотрела на него и молчала, искусала себе весь воротничок платья.

История с ржавым гвоздем осталась в моей памяти на всю жизнь. Позднее, в рассказах о том, как я стану четырежды чемпионкой земного шара, я не раз вернусь к этому ржавому гвоздю, к истории, которая научила меня одной житейской мудрости: любое недомогание, любую боль, даже душевную, человек может превозмочь. Для этого ему достаточно сделать немного — чуть-чуть, как говорили Поль Верлен и Юрий Власов, чуть-чуть «преодолеть себя».

И второй вывод — немного минорный — извлекла я из истории с ржавым гвоздем: раны рубцуются, заживают, но рубцы растут вместе с нами. Не только физические рубцы...

Если бы знал читатель, как мне не хочется хотя бы на несколько минут снова возвращаться в туберкулезный санаторий, где шестилетняя девочка первый раз один на один перенесла страшную весть о том, что тетя Валя, которая приезжала ко мне в санаторий, оказывается, приезжала проститься со мной, расцеловать меня. Тетя знала, что умирает, что ей осталось жить на земле считанные дни, и, прощаясь с миром, она все время думала о племяннице, которую съедала та же неумолимая болезнь. Увидев, как я заталкивала гвоздь в ногу, тетушка поняла, что я сумею победить туберкулез. Это была единственная мысль, которая успокаивала ее.

Когда я узнала о смерти тетушки, я убежала ночью из палаты и, придя на те злосчастные дрова, где я разодрала себе ногу, несколько часов просидела одна, ни о чем не думая, кроме одного — жить, жить, жить.

Было сказочно тихо. Я сидела на дровах и жадно читала небо. В августе падало много звезд. Я следила за ними и загадывала: останусь ли жить.

Наконец меня нашли сестры и врачи. Я спала на дровах.

Наверное, эта ночь была поворотной в истории моей болезни. Со следующего утра во мне проснулась неудержимая жажда жизни. На утреннем обходе я заявила профессору, что убегу из санатория. Я хочу гулять, смеяться, хулиганить, я соскучилась по детству. Все твердят: ты взрослая, большая, серьезная девочка. А я устала быть серьезной, мне надоело быть вежливой.

— Выпустите меня из больницы, — просила я, — иначе буду хулиганить, все равно ведь выгоните.

Профессор погладил меня по голове. Странная манера у этих взрослых — гладить маленьких по головке. Это, с одной стороны, приятно, а с другой — унижительно.

Ну, а сейчас не об этом. Сейчас я расскажу о детстве, о мальчишках и девчонках.

■ ДОРОГИЕ МОИ МАЛЬЧИШКИ

Из переулка вышел человек и направился ко мне.

Я почувствовала: он сейчас набросится на меня. Тень его в лучах прожекторов, которые висели на стадионе во дворе, удлинилась и спроектировалась на стенку дома. Я прибавила шаг. Человек не отставал. Я побежала. Он в три прыжка догнал меня. Рванул за пальто.

— Деньги и часы! — на меня глядели бесстыжие тупые ледяные глаза.

Закричи я сейчас — он ударит ножом, проведет по глазам бритвой, всадит в сердце шило.

Сняла часы, кольцо, браслет.

— Денег у меня всего двадцать копеек. Нужно?

— Гони! — ко мне протянулась пухлая грязноватокрасная рука.

— Только без рук!

— Я тебя не спрашиваю, — зарычал он.

Его рука потянулась к моему пальто, он отдернул воротник, тупые глаза впились в медаль.

— Снимай.

— Она тебе не нужна, — попробовала защищаться. — Тебя же с ней поймают. Ты ее никуда не спрячешь, не продашь. Выбросишь, а мне она очень дорога.

— Мне тоже, — отрубил бандит.

Он профессиональным жестом ощупал мое пальто, остался недоволен качеством и пробубнил:

— Чемпионка мира могла бы купить и шубу, денег небось хватает?

Я взбежала к себе на площадку. Ключ никак не попадал в замочную скважину. Отчаялась — и застучала в стенку.

Пока бабушка проснулась, пока она накинула халат, пока она допыталась: кто это? — я успела прийти в себя.

— Ты чего поздно, Инга? — спросила бабушка. — Хорошо выступала? Тебя хоть слушали?

Отказавшись от чая, я моментально разделась и юркнула в постель.

Утром встала, никому не сказала о том, что обокрали, ушла на тренировку. В закрытом теннисном корте я увидела друга своего детства — безногого Руслана. Он потерял ногу, сорвавшись с подножки трамвая. Я знала, что Руслан был когда-то связан с жульем, что даже сидел в тюрьме. Но я как-то не могла себе

представить Руслана вором, он остался в моей памяти тем шkodливым пареньком, который был грозой нашего района.

— Эй, Инга! — окликнул он меня.

Я дружески помахала ему теннисной ракеткой. Он улыбнулся и начал что-то объяснять своим друзьям. Те недоверчиво смотрели на Руслана.

После окончания очередного сета Руслан позвал:

— Поди-ка, Инга!

Я подбежала, Руслан представил меня своим друзьям:

— Познакомьтесь, Инга, дважды чемпионка мира.

Дружки Руслана почесали затылки и по очереди подали мне руки.

— Ну как? — спросили меня.

— Что как? — переспросила я.

— Как живешь? И вообще...

— А ты?.. Чем занимаешься?

— Воровать уже бросил, — признался Руслан. — Завязал.

— Уж так и завязал? — не поверила я.

— Ну, не совсем. Не все сразу, Инга! Так когда ты похвалишься своими медалями? Пригласила бы домой — бутылку с собой принесу.

— К сожалению, медали тебе не покажу.

— Это еще почему? — нахмурился Руслан.

— У меня вчера одну стащили.

— Где? — спросил Руслан.

— У нас во дворе, — ответила я.

— Не может быть! — Руслан покачал головой.

— Честно говорю. Шла вчера ночью с вечера. Меня просили выступить на одном заводе и показать медаль чемпионки. Возвращаюсь — возле подъезда сто-

ит бандит. Он отобрал часы, кольцо, браслет, медаль и даже двадцать копеек.

— Сволочь,— сказал Руслан.— Иди тренируйся и смотри, чтобы еще раз привезла золотую на Петровку. А Петровка тебя в обиду не даст.

На следующее утро, в воскресенье, когда все наши многочисленные соседи толпились возле газовой плиты на кухне — пекли блины, жарили пирожки, варили кофе и делились последними новостями, почерпнутыми утром в магазинах и на базаре, — раздался продолжительный звонок.

Соседка, открыв дверь, сразу же захлопнула ее, увидев на лестничной клетке Руслана: все во дворе знали, что он ворует.

Руслан, оставшись перед захлопнутой дверью, не растерялся — он ко многому привык в жизни. Он снова требовательно позвонил.

После короткого совещания на кухне дверь решили открыть.

— Что вам надо? — спросили у Руслана.

— Не что, а кого, — поправил Руслан. — Мне надо бы чемпионку мира.

Меня разбудили. Я накинула халат, кое-как причесалась и вышла на лестничную площадку. За дверью послышалось недовольное:

— Надо же!

Руслан тоже услышал эти слова и успокоил меня:

— Плюнь. Не обращай внимания.

Руслан полез в карман, достал часы, медаль, кольцо и браслет.

Я не знала, как благодарить парня:

— Спасибо. Я теперь твоя вечная должница.

— Ловлю на слове, — засмеялся Руслан.

Попрощались. Руслан заковылял по лестнице, глубоко засунув руку в карман. Вдруг он окликнул меня: — Можно на минутку?

Я сбежала к нему. Руслан достал из кармана двадцать копеек.

— Чуть не забыл.

Таковыми были ребята с нашего двора. Хорошими и плохими. Больше — хорошими. Мы жили весело, дружно. Нас объединяла гордость домом на Петровке двадцать шесть.

Этот старый длинный дом протянулся на весь переулок, соединяя Петровку и Неглинку. Во дворе нашего дома находился отличный, уютный стадион «Динамо».

Вот в этот-то двор я и приехала из туберкулезного санатория. Мне нужно было много бывать на свежем воздухе, и мама не очень ругала меня за то, что я целыми днями пропадала во дворе.

Дружила в основном с ребятами, потому что была выше ростом, чем девочки, и они дразнили меня «цап-лей» и «стропилами». Ребята же меня не дразнили.

Они уважали меня за смелость.

Примерно с шести лет я стала безумно непослушной, мне не нравилось соглашаться с общепринятыми нормами поведения. Ходила я всегда в рваном платье: мама просто не успевала следить за мной.

Иногда я надевала новое. Обычно это платье появлялось на мне в те дни, когда мы уезжали в гости к родным. Бабушка жила в те годы в Павлово-Посаде. У нее был свой огород. Я очень любила ездить к бабушке. Собираясь к ней в гости, я на две-три минуты чувствовала себя «королевой», тщательно примеряла бант на голове, расчесывала волосы.

Как я ни копошилась, но всегда успевала собраться раньше, чем мама. Глядя, как она одевает в дорогу Володьку, я гундела:

— Что вы все копаетесь? Я уже вспотела.

— Иди и подожди нас на улице, — командовала мама. — Только никуда не уходи и не пачкайся. Мы сейчас.

Я выбегала на двор. Мальчишки сразу же окружали меня и засыпали вопросами:

— Ты чего вырядилась?

Высокомерно глядя на них, отвечала с достоинством:

— Играть мы не будем.

— Почему?

— Мы едем на дачу. Мы вернемся ночью. Вот!

Мальчишки обижались, шушукались, решали, как лучше проучить меня.

Я стояла на страже, готовая кому угодно вцепиться в волосы и «дать в нос». Но ребята были хитрее. Ко мне подходил Левка Ковалев, которого мы звали «ржавым гвоздем», и «по секрету» сообщал мне, что на заднем дворе разгрузили трубы, широкие и длинные.

— В них еще можно прятаться, когда в прятки будем играть, — шептал он. Несколько минут во мне боролись два противоречивых желания — поехать к бабушке, полакомиться клубникой или побегать с мальчишками на заднем дворе, где разгрузили трубы?

Конечно же, побеждали трубы: они мне были дороже, чем новое платье, чем шифоновый бант.

На заднем дворе действительно лежали трубы. Мы подбежали к ним, моментально распределили, где чья труба, и каждый начал взбираться к своему участку.

Мне досталась верхняя. Я вскарабкалась к ней. От-

дышалась. Заглянула внутрь — и разозлилась: с другого конца трубы на меня смотрели синие глаза «ржавого гвоздя». Он смеялся и заводил меня:

— А ты в трубу не залезешь!

— Сам не залезешь, — обычно ответы у меня не задерживались.

— Я уже лазил. А ты не сможешь, — он показал мне язык.

Последний аргумент — красный язык, торчащий на лице, осыпанном веснушками, — был самым решающим:

— А вот и смогу, — с этими словами, забыв обо всем, я полезла в трубу.

Сначала было не страшно. Но потом я испугалась: каждое движение давалось с трудом, я безбожно прилипла к стенкам — они были внутри обмазаны варом.

Когда я доползла до середины, случилось страшное: кто-то толкнул трубу. Прыгая по другим, моя труба помчалась по наклонной плоскости. Мальчишки испугались, закричали:

— Инга разбилась!

Крик мальчишек был настолько оглушающим, что из всех окон высунулись головы матерей.

— Что вы наделали? Кто в трубе? Кто разбился?

Мама, почувствовав беду, не спрашивая ни о чем, побежала на задний двор. Мальчишки, увидев разъяренную маму, спрятались за свалкой и оттуда закричали:

— Тетя Аня, ваша Инга в трубе!

Попытались вытащить меня. Это не удавалось: я прилипла к вару.

К бабушке мы в этот день не попали. Весь вечер меня отмывали, пробовали расчесать волосы. Безнадежно. Повели меня к парикмахеру, и он привычным дви-

жением ножниц отхватил мои косы, отдал их маме на память.

Так стала я «полным мальчишкой»: озорная, неумная, заводила и фантазерка, сверкая бритой головой, которую местные юмористы называли «босой башкой».

■ А У НАС ПЕКУТ БЛИНЫ

Жила в нашей квартире соседка тетя Катя. Она работала в торговой сети, у нее всегда были вкусные вещи — и красная рыбка, и «невская» колбаса, крабы и даже черная икра.

По воскресеньям тетя Катя пекла блины. На весь район пахло печеным тестом, и у детей, конечно же, текли слюни. Мы, малыши, и не надеялись, что тетя Катя угостит нас. Не потому, что она была жадной, просто оттого, что слишком много полуголодных глаз смотрело на нашу соседку.

Единственное, о чем нам хотелось попросить соседку, чтобы она пекла свои блины ночью.

Но у тети Кати было мало свободного времени, и по ночам она, как и все, хотела спать и потому по-прежнему каждое воскресенье пекла на кухне блины.

Лично меня эти блины не раздражали. Еще с субботнего вечера я просила маму, чтобы она разбудила меня еще до начала «блинной эпопеи». Мама добросовестно будила меня, я на скорую руку умывалась, завтракала и убегала от искушения.

Когда я возвращалась домой, то на кухне уже пахло не блинами, а картошкой, которая варилась в мундире.

В то воскресенье, когда произошло событие, о котором я и сегодня не могу вспоминать без стыда, в то воскресенье мы играли с Русланом и другими мальчишками на заднем дворе. Там стоял транспортер, по которому в рабочие дни строители подавали на третий этаж кирпичи. Транспортер работал от электромотора. Мы уже давно заметили, куда строители прятали ключи от машины, а потому каждое воскресенье гоняли транспортер на полную мощность. Садились на его полотно, доезжали до вершины и прыгали на груды песка и гравия. Прыгали примерно с высоты второго-третьего этажа. В то воскресенье не успела я подняться из кучи песка после очередного прыжка, как ко мне подбежала моя подружка Рита и сказала:

— А у вас пекут блины.

— Ну и что? — спросила я. — У нас каждое воскресенье пекут.

— Угощают? — поинтересовалась Ритка.

— Не-а, — ответила я.

— Вкусные блины? — не отставала Рита.

Я возмутилась:

— Что ты пристала ко мне со своими блинами? Не знаю — ни разу не пробовала. И не хочу.

— Уж так и не хочешь! — Ритка скривилась.

Мне стало жаль Ритку: она была тощая, нескладная, беспомощная. Тогда я предложила Ритке план похищения блинов из кастрюли тети Кати.

План мой заключался в следующем: незаметно пробраться в коридор, спрятаться за громадным сундуком соседки тети Зори, выждать некоторое время, пока на кухне останется поменьше народу, потом вывернуть пробки или сделать короткое замыкание. В ту минуту, когда свет погаснет, все взрослые выбегут из

кухни, каждая женщина начнет гадать, почему погас свет:

— Наверное, я утюг не выключила?

— Это у меня плитка перегорела!

— Не дай бог пожар!

— Сколько раз говорили: не делать жучков!

Как мы и рассчитали, после того как погас свет, женщины наперегонки метнулись в свои комнаты.

Ни одного человека не осталось на кухне.

А возле плиты, румяные и толстые, все в масле, вкуснющие, стояли блины.

Боясь, что напрасно пропадут все результаты предварительной работы — отсиживание за сундуком, устройство короткого замыкания, — мы, не сговариваясь, бросились к кастрюле с блинами.

Рита успела раньше. Я еще тянула руку к плите, а возле моего уха уже слышалось чавканье подружки. Взяв оставшиеся блины, мы, как два колобка, скатились по лестнице и убежали в соседний подъезд.

Блинов было много. Мы вполне могли и сами наесться и угостить Руслана и мальчишек. Мы так и хотели сделать, но вовремя одумались, побоялись, что кто-нибудь из мальчишек выдаст нас, и тогда не миновать порки и публичного порицания. Давясь, мы сумели уничтожить все мучные изделия тети Кати.

— Как она там, бедная? — спросила я у Ритки.

— И не говори, — отозвалась она.

— Стыдно небось? — не отставала я.

— Конечно, — призналась Ритка.

...После того как были исправлены пробки и поставлен новый «жучок», соседи, придя на кухню, увидели удивленное лицо тети Кати.

— Кто своровал блины?

Вечером мама со смехом рассказывала, как у тети Кати пропали блины.

Этой ночью мне не спалось. Мучила совесть.

— Что с тобой, маленькая? — к моей кровати подошла мама. — Спи спокойно.

— Мама, но я ведь не воровала блины? — спросила я.

— Что ты, дочка! На кухне маленьких не было. Кто-то из взрослых. А кто?

Прошел год. В воскресенье уже мама пекла блины. Я ходила хмурая и неласковая.

— Ты что, с левой ноги встала? — спрашивала бабушка.

— Она у вас ремня захотела, — отвечал дядя. Он сидел брился и тоненьким голоском, таким смешным и писклявым, пел:

Синенький скромный платочек
Падал с опущенных плеч,
Ты говорила, что не забудешь...

Я уходила в коридор, садилась на сундук тети Зори, старалась не слышать слов этой песни. Но тоненький дядин голосок пролезал под дверь, настигал меня в коридоре и безжалостно напоминал:

Ты говорила, что не забудешь...
Ты говорила, что не забудешь...

Наконец я нашла выход. Подошла к маме.

— Сколько блинов приходится на меня?

Мама удивилась:

— Не знаю. Сядем за стол — выясним. Что с тобой, Инга? У тебя температура?

— Можно, я посчитаю блины? — попросила я.

— Можно, — ответила мама.

На мою долю пришлось семь блинов.

— Я не хочу есть со всеми. Отдай мои блины, — предложила я.

— Не говори глупостей, — отрезала мама.

— Тогда я вообще есть не буду... — Мама знала, что иногда я бываю упрямой и что в такие минуты лучше не связываться со мной. Она положила мне на тарелку семь моих блинов и пожелала приятного аппетита.

Я взяла свои блины, ушла за сундук и написала на листке бумажки: «Тетя Катя. Эти блины — ваши, которые я съела в прошлом году».

Войдя в комнату, где все ели блины, я похвалила маму:

— Вкусные получились...

Хотелось ли мне в школу?

Грохотал последний год войны. Наши солдаты уже подошли к границам фашистской Германии.

У нас, малышей, было много дел во дворе. Стоило кому-то услышать, что наши войска сбросят на Берлин парашютистов, как мы детально обсуждаем план предстоящей операции. Мы прыгаем с крыш — тренируемся. Играя в войну, репетируем сдачу Берлина, пленение Гитлера. У нас был один мальчик, у него можно было волосы зачесать налево, как у фрица. Этого мальчика мы связывали и водили перед портретом Сталина. Эти игры проходили на глазах пленных фашистов, которые работали на улице — рыли траншеи для газопровода. Они смотрели на наши игры с любопытством. Одни из них кривились, другие кричали «гут».

Конечно же, мне не хотелось идти в школу. Но годы брали свое: когда мне исполнилось восемь лет, меня отвели в школу.

Учительница у нас попалась злая.

Слава богу, что она всего год учила нас. Через год наш класс разогнали, рассортировали по другим параллельным классам.

Вообще первый класс мне запомнился на всю жизнь.

Посадили меня на последнюю парту. Кругом сидели одни мальчишки. Они начали щипать меня. Я незамедлительно била их по лицу. Учительница, заметив драку, выгоняла меня в коридор и стыдила:

— А еще девочка!

В одном из фильмов есть такой диалог:

— Ты сколько классов кончил?

— Пять коридоров, — отвечал парень. — Я в классах не сидел. Хулиган был — меня в коридор выгоняли...

Это, конечно, не очень смешно, но жизненно: я ведь тоже, можно считать, кончила девять классов плюс один коридор.

Не скажу, что мне нравились эти прогулки по коридорам. Однажды я взяла книжки и ушла домой.

Появляться дома в те часы, когда идут уроки, было неблагоразумно. Играть на заднем дворе? Тоже.

Тогда я направилась к подъезду, в котором был чердак. Так и просидела на чердаке до окончания уроков.

Целую неделю провела я на старом чердаке.

Все бы обошлось благополучно, но однажды учительница встретила на улице маму и спросила:

— Анна Михайловна, чем больна ваша Инга?

Мама вытаращила глаза:

— У нее туберкулез, но ей разрешили ходить в школу.

— Туберкулез?

— Уже три года, — ответила мама.

— Никогда бы не подумала! Она у вас такая озорная. А почему она целую неделю не ходила в школу?

Мама не стала выдавать меня и соврала для пользы дела:

— Завтра придет, нездоровится ей...

Вечером я категорически заявила, что не буду учиться.

Мама грозила.

Я улыбалась.

Мама злилась и выходила из себя.

Я сохраняла полное спокойствие.

Мама приказывала, умоляла.

Я плакала и не соглашалась.

Мама доказывала.

Я отказывалась понимать.

Мама просила: «Ну сделай это для меня!»

Я поплакала и обещала не прогуливать...

Весь первый год я проходила в школу в платье, которое мама соорудила мне из своего — цветастого, довоенного. Зимой я бегала в школу в телогрейке. Эта «фуфайка» была на двоих с бабушкой.

Во втором классе я училась с радостью. Мне не терпелось каждый вечер дожить до завтрашнего утра, чтобы важно войти в школу и внимательно отсидеть все четыре урока.

Причин для такой радости оказалось много. Важнейшая из них — у нас была новая учительница, умная, ласковая.

Вторая причина — бабушке купили новую телогрейку, а старой я могла распоряжаться, как хочу.

Третья причина — к Новому году мама обещала мне купить новую форму. И я не зря верила маме — после Нового года я гордо сидела за партой, занятая собой и своей формой.

Новое платье стало давить меня своей свежестью и броскостью. Сидящий за моей спиной Ромка дергал за крылышки фартука и выводил меня из себя. Собравшись с силами, чтобы проучить его, я резко повернулась — и сразу же услышала печальный треск: я вырвала огромный клоч на новом, в первый раз надетом платье.

Мое отчаяние трудно было выразить словами. Я не заплакала, спокойно досидела урок.

На перемене убежала в дальний угол коридора, чтобы осмотреть платье. Слезы начали душить меня, когда я увидела, что платье порвалось в нескольких местах.

А этот Ромка стоял за моей спиной и напевал идиотскую песенку:

Может быть, тебя щенок
Потрепал, как надо,
Коль из платья выдран клоч,
И второй с ним рядом?..

Вернувшись из школы, я незаметно повесила платье в гардероб. На вопрос, как меня встретили в новом платье, ответила лаконично:

— Очень хорошо!

Маму интересовали подробности. Я же отвечала сухо, с раздражением. Наконец выдавила из себя:

— Не буду носить новое платье. Пусть оно повисит в шкафу. Надену его в праздник.

Мама сразу же полезла в гардероб, нашла платье, осмотрела его — увидела клочья и...

Проговорила:

— Больше ты в школу в платье не пойдешь!

— А в чем же? — я играла в наивность.

— В чем хочешь, — огрызнулась мама.

— В штанах, что ли?

— В чем угодно, — повторила она, — меня это не касается.

Утром я надела мужскую рубашку — она была мне до колен, надела мамины штаны, присмотренные еще с вечера, натянула валенки и пришла в школу.

Я подошла к учительнице и сказала ей:

— Можно, я не буду снимать телогрейку? С утра забегалась по хозяйству, забыла надеть платье.

Учительница разрешила. Целый день я просидела за партой в телогрейке. Даже на перемену не выходила.

Мама удивилась, узнав, что я все-таки пошла в школу. Отложив все домашние дела, она весь вечер штопала мне платье. Когда было готово, отдала мне его и махнула рукой:

— Платье твое. Делай с ним, что хочешь. Только если еще разорвешь — зашивай сама.

■ А ВЫ НОКТЮРН СЫГРАТЬ МОГЛИ БЫ?

Однажды на большом и ужасно торжественном вечере Андрея Николаевича Туполева, академика и генерала, выдающегося авиаконструктора, спросили:

— Как вы пришли в авиацию?

Академик улыбнулся:

— Это было давно. Кажется, году в 1908-м. Я учился тогда в Высшем техническом училище. Один раз, когда я шел по коридору института, мне навстречу несли какую-то странную машину. Николай Егорович Жуковский, красный от напряжения, попросил меня:

«Уважаемый коллега, вы не смогли бы помочь донести самолет? Пожалуйста...»

Я взялся за ручку, взялся плотно, чтобы не выронить, — и вот до сих пор отпустить не могу...

И еще мне очень запомнилось предисловие Бабеля к сборнику рассказов одесских писателей. Это предисловие я нашла в «Книге скитаний» Константина Паустовского:

«В Одессе каждый юноша — пока он не женился — хочет быть юнгой на океанском судне. Пароходы, проходящие к нам в порт, разжигают одесские наши сердца жаждой прекрасных и новых земель...

Тут все дело в том, что в Одессе каждый юноша — пока он не женился — хочет быть юнгой на океанском судне. И одна у нас беда — в Одессе мы женимся с необыкновенным упорством...»

Меня тысячи раз спрашивали: «Как ты, Инга, стала четырежды чемпионкой мира?»

Я боюсь отвечать на этот вопрос. Всегда ведь, когда начинаешь говорить о себе, стараешься не все вспоминать из того, что случилось в твоей жизни. Хочешь или не хочешь, но ты выбираешь самое лучшее, самое смешное, самое трагичное. Мой любимый писатель Константин Паустовский, мудрый и закаленный жизнью человек, не раз предостерегал: писать о себе — не есть ли это маленькое бахвальство?

Не знаю. По-моему, нет; писать о себе вовсе не бахвальство.

В октябре 1960 года я разговаривала в Московском университете с Ильей Григорьевичем Эренбургом. Он тогда еще только начинал писать книгу «Люди. Годы. Жизнь». Он признавался:

— Я тороплюсь, я очень тороплюсь написать эту книгу. Она задумана на шесть томов. Я очень тороплюсь, потому как уже не молод, но я не слишком стар, чтобы писать воспоминания.

Глаза у него были усталыми и глубоко посаженными в глазницы. Он добавил:

— Я буду писать обо всем. Не знаю, будут ли печатать. Это не отчаяние позднего возраста.

Один из моих знакомых, оригинальный, но безбожно нетактичный человек, спросил писателя:

— Илья Григорьевич, вот у вас в книге на каждой странице видишь: «Я... я... я...» Писать о себе, право же, нескромно.

Эренбург, ни секунды не тратя на обдумывание ответа, повернул к моему знакомому седую, как у Эйнштейна, голову и улыбнулся:

— Писать о себе нескромно? Мне кажется, говоря это, человек лицемерит перед собой. Вы задумывались: о чем лирика Лермонтова? О его бабушке?..

Я не могу себя представить без зеркального льда, на котором уверенно побеждаешь всех — расстояние, время, скорость, подруг по команде, противников из-за границы, на котором ты побеждаешь своего главного противника — самое себя.

...Впервые я встала на коньки, когда мне было шесть лет. Жила в нашем дворе девочка Валя Рожкова. Мы считали ее богатой и интеллигентной, потому что у нее дома висел на стенке телефон. А еще у Вали были коньки «английский спорт». Она прикручивала

их к валенкам и носилась по утоптаным снежным дорожкам. Нам всем хотелось проехаться хотя бы на одном коньке. Не дожидаясь согласия Вали, мы установили очередь.

Валя у нас была за тренера. Она бегала рядом со счастливицами и давала указания:

— Не гнись! Тело не отклоняй!

Пока переодевался следующий, Валя объясняла:

— Назад нельзя отклоняться, потому что, если упадете, можете сотрясение мозга получить.

В начале декабря Валя дала мне два конька.

Пока очереди не было, я могла целый час одна кататься по темной улице.

В первый день я ни разу не упала. Когда в школе, не сдержавшись, похвалилась, что катаюсь лучше других, меня подняли на смех. Я передергивала плечами, ибо уже в то время знала поговорку, что смеется тот, кто смеется последним. И еще я знала, что теперь уже ничто не удержит меня: обязательно научусь кататься лучше всех во дворе.

«И может быть, даже на всей улице», — эту мысль я тщательно скрывала и сама старалась как можно реже думать об этом.

Мама обрадовалась, что я увлеклась коньками, — для моих легких был необходим свежий воздух.

Но где достать коньки?

Случайно мама вспомнила, что вместе с ней работает женщина, у которой на чердаке или в диване лежали коньки — до войны дети этой женщины были спортсменами, а после войны не вернулись домой. Женщина получила скупые «похоронки».

После детей осталось много игрушек, два велосипеда, несколько пар коньков, по которым можно было

проследить, как росли малыши, как они от толстых полозьев «снегурочек» и «английского спорта» переходили к «гагам» и «норвежкам». Эти коньки были бесконечно дороги тете Лизе. Однажды я сказала маме:

— Зайдем к тете Лизе, попросим коньки?

Тетя Лиза долго рассказывала нам о сыновьях, показывала коньки и велосипеды. Я глядела на них и потом не удержалась и брякнула:

— Дадите коньки на неделю? Научусь и принесу вам. А?

— Какой у тебя размер? — спросила тетя Лиза.

— Тридцать четвертый.

— Здесь самый маленький — сороковой, — ответила тетя Лиза и заплакала. — Они уже малы стали бы моим мальчишкам!

С того дня я стала обладательницей «английского спорта». Вечером, когда мама уже ушла гулять с Вовкой, я надела коньки на босу ногу и три часа ходила по паркету, подражая скороходам, за которыми я следила прямо из окна своей комнаты.

Вернувшись домой, мама увидела истерзанный паркет и, не сдержав своего гнева, наказала меня не лучшим образом:

— Неделю не будешь ходить на каток! Поняла?

Конечно же, ботинки сорокового размера безбожно болтались на ногах. Но я не терялась — доставала провода, прикручивала коньки так, что даже не могла пошевелить пальцами. Буквально за месяц исчерпала запас проводов и веревок — и своих и соседских. Проблема добычи веревок стала для меня самой существенной. Выход я, конечно, нашла: ночью срезала веревки для белья, которые болтались в кухне над плитой. Утром мама стыдила меня.

Мой братишка Володька, несмотря на то, что он был на пять лет моложе меня, в вопросах организации был гораздо умнее — он подсказал оригинальный выход из сложившейся ситуации. Как-то, придя из школы, я заметила на паркете тщательно зализанные следы от коньков.

Я подлетела к братцу и дала ему затрещину.

— Ты наследил, а мама меня на каток не пустит!

Вовка пообещал:

— Я сам признаюсь.

— Так она тебе и поверит!

Когда мама заглянула в комнату и увидела исполосованный пол, то подошла к моей кровати, под которой обычно лежали коньки. Мама наклонилась, чтобы спрятать их, но в ту секунду из другого угла выполз Володька — и мы услышали цоканье: братишка шел на коньках. Он сумел их натянуть на свои валенки. Видеть этого карапета, сами понимаете, было смешно. Мама рассмеялась и горестно призналась:

— Беда мне с вами!

С этого дня я стала натягивать коньки на валенки. Помню, неподалеку от нашего дома — тоже на Петровке — жил Игорь Ильинский. Замечательный мастер кинематографа очень увлекался спортом, он блестяще играл в теннис, много раз я видала его на нашем корте. Игорь Владимирович любил приходить на каток. Встанет где-нибудь в стороне, жадно этак смотрит на конькобежцев, потом вдруг засмеется. Мы подметили — он смеялся в самых несмешных местах. Позднее я прочитала у Мейерхольда, что Игорь Владимирович, слушая собеседников, наблюдал что-нибудь, параллельно уже видоизменял услышанное, переделывал его, усиливал, дополнял, вытаскивал юмористические возмож-

ности и радовался им. Он слушал, думал и воображал гораздо быстрее и эффективнее своих собеседников.

Игорь Владимирович смотрел на детвору, которая копошилась на льду. Особенно его поражал мой необыкновенный спортивный наряд — валенки плюс ботинки с коньками. Он весело и заразительно смеялся.

Весь этот сезон я докаталась на валенках. Правда, в середине зимы заметила, что валенки начинают протираться.

А ведь это были последние зимние деньки, уже стрекотала капель на улицах, уже на оттаявших «пятках» земли мальчишки играли в «пристеночку», а девчонки начинали прыгать через веревочку.

Горько мне было прощаться с коньками, но успокаивало лишь обещание мамы:

— К дню рождения я куплю тебе новые коньки!

Можно представить, как ждала я день своего рождения. Мои ожидания не оказались обманутыми — в день своего одиннадцатилетия — 29 августа 1947 года — я впервые держала в руках коньки. Свои! Собственные!

Я ловлю себя на том, что, вспоминая об этих коньках, говоря о своих чувствах, я непременно сбиваюсь на сочинение афоризмов типа: «Жизнь — это бухгалтерия надежд и ожиданий!» В самом деле, весной и летом я ждала, не могла дождаться осени, когда мне подарят коньки; пришла осень — я начала считать ее дни, страстно желая, чтобы скорей наступила зима, чтобы во дворах и на стадионах засверкал лед, чтобы горох разноцветных шапочек рассыпался по этому льду, передвигаясь в самых немыслимых направлениях.

Настанет зима, и я важно выйду на каток, радост-

ная и независимая, гордая сознанием того, что у меня есть собственные коньки.

«Быстрее бы зима! — Я засыпала с этой мыслью, я просыпалась с нею. — Быстрее бы зима!»

Чтобы подогреть в себе любовь к конькам, я, забившись в районную библиотеку, читала очерки про скороходов, изучала книгу Платона Ипполитова «Конькобежный спорт».

Изучая литературу, я узнала, что на моем родном катке «Динамо», во дворе нашего дома, на крохотном кусочке льда произошло событие, ставшее вехой в истории конькобежного спорта в нашей стране, — 19 февраля 1889 года московский речной яхт-клуб провел первые чемпионат России. Круг на стадионе был немногим более 200 метров, соревнования проводились на три версты. Первым победителем первенства России стал чемпион мира, прославленный скороход Александр Никитич Паншин.

Я и не подозревала раньше, что под окнами моего дома начинался русский конькобежный спорт. Узнав об этом, я преисполнилась чувством гордости за свой родной каток.

Лишь чуть-чуть приударили морозы, как все мы, мальчишки и девчонки с Петровки, начали поздними вечерами заливать каток. Наш энтузиазм передался рабочим, они, не щадя себя, переборов свою привычку к раскачке и тянучке, сумели за несколько дней и ночей залить каток. Мы первыми в Москве вышли на лед.

На каток пропускали только по членским билетам «Динамо», но нам эти запреты казались смешными. Перепрыгнув через забор в самом неожиданном для сторожа месте, мы попадали на лед и носились между

ног конькобежцев и фигуристов до одиннадцати часов вечера, рискуя попасть в руки милиционеров.

Режим дня не выдерживал ни малейшей критики. Домой я приходила счастливая, но истерзанная и уставшая. Лазила по кастрюлям, доедала, что осталось.

Мама просыпалась и ворчала.

— А завтра тебя не добудишься. Ты бы хоть меня пожалела. Ведь я не смогу спать,— говорила она.

Я забиралась под одеяло. Пробовала уснуть, но каток не давал покоя даже ночью. Машины чистили лед, а лучи прожекторов метались по сугробам, заглядывали в окна, снова и снова будоражили меня. Все попытки уснуть были тщетными. Чтобы хоть как-то устали глаза, я начинала читать книги. Если в руки попадалась веселая книга, то я смеялась, забыв про позднюю ночь. Мама не находила ничего лучшего, как заметить:

— Опять ночи в день превращаешь! Днем бездельничаешь, а ночью книги читаешь!

— А что остается делать? Любовь, мамочка, не вечна, — отвечала я.

— Какая любовь? — испуганная мама поднимала голову с подушки.

— Любая. В том числе и к конькам... Даже великий Пушкин писал:

Я помню чудное мгновенье —
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты...

Если любовь прочна — значит, это вовсе не любовь, я говорила словами, вычитанными в каких-то книжках, где их произносили отрицательные и циничные герои.

Мама, слушая меня, грозила:

— Если будешь целый день носиться на коньках, отберу шаровары и спрячу железки... Ты ведь потеряешь с этим катком последние силы.

— Не потеряю, — успокаивала я.

Ночью мне снилось: я стала взрослой, у меня родились дети, им понадобились коньки, я водила малышей по магазинам, находила для них «особый заказ», не ругала их за преданность конькам, не называла спорт баловством; одним словом, была образцовой и тактичной мамой.

...Я уже говорила, что мама не привыкла бросать слов на ветер. Наступил тот день, когда лопнуло ее терпение, и, проснувшись утром, я не нашла коньков. Пришлось экономить на школьных завтраках, чтобы можно было брать коньки на прокат.

Очень серьезной проблемой со временем стал для меня проход на каток. О том, чтобы я могла брать билет за два рубля пятьдесят копеек, не приходилось даже мечтать. Мама мне так и сказала:

— Как хочешь, так и занимайся, нету у меня таких денег!

Детский билет стоил пятьдесят копеек, но никто не верил, что мне всего одиннадцать лет. Я выглядела гораздо старше. Оставалось прыгать через забор с мальчишками. Но уже в одиннадцать лет мне стало стыдно делать это. Как ни пыталась я с метриками в руках доказывать, что мне полагается детский билет, кассиры не верили и говорили:

— Ты взяла чужую метрику. Знаем мы эти штучки. Не первый год замужем...

Меня очень волновал в те дни вопрос: «Где бы мне достать билет «Динамо», чтобы беспрепятственно и честно ходить на каток?»

В середине зимы, когда я проникла на лед, прыгнув через забор, меня окликнул высокий человек. Я почему-то решила, что это переодетый милиционер. А потому, не раздумывая, попробовала смыться. Но я заметила, что высокий человек шепнул какие-то слова молодому парню, который отлично катался на коньках. «Ага, сговариваются, — догадалась я. — Это вам даром не пройдет», — с этими словами я попыталась спрятаться в гуще спортсменов, скопившихся на «пятачке». Скороход, затянутый в черное трико, направился прямо ко мне. Я — от него. Прибавила скоростенку. Он почти догонял меня, но я успела увернуться и помчалась против движения. Скороход не рискнул рассеять эту kloкочущую людскую массу.

Наконец я подкатила к группе девочек.

— Выручайте, подружки, — успела шепнуть я и сразу же почувствовала в ладони своей руки несколько корешков от входных билетов. Теперь мне никто не был страшен.

Осмелев, я сама подъехала к высокому человеку.

— Что, поймали?

— Ты мне нравишься, — сказал он.

— Вы мне тоже, — отрезала я.

— Совсем хорошо, — сказал незнакомец.

— Я вас не понимаю!

— Так и должно быть!

— Не хватит ли загадок? — поинтересовалась я, стараясь быть ехидной.

— Хватит, — ответил незнакомец и протянул мне руку. — Будем знакомы — Павел Михайлович Санин, тренер «Юного динамовца».

— Старший тренер или просто тренер? — уточнила я.

— Старший, если это вас устраивает.

— Меня-то что? Устраивает ли это вас?

— А ты колючая!

— Какая уж есть! — засмеялась я. — А вы по конькам тренируете?

— Нет, по гребле, — ответил Санин.

— Значит, обратились не по адресу, — сказала я.

— Это почему же?

— Из спорта я люблю только коньки, — убежденно сказала я.

— Но ты же не знаешь других видов спорта. Попробуй — и тебе обязательно понравится академическая гребля, — настаивал тренер.

— Почему вы решили взять меня?

— Во-первых, я ничего не решил. Решать будешь ты. А во-вторых, если будешь заниматься у нас — получишь билет общества «Динамо», тебе не надо будет прыгать через заборы.

— А вы знаете и об этом? — спросила я.

— Я все знаю о тебе. И про туберкулез и про коньки. Знаю, что тебе необходимо заниматься греблей, морской воздух исцелит тебя. Договорились?

— Я хотела быть чемпионкой страны по конькам.

— Ты будешь дважды чемпионкой — по гребле и по конькам, — отшутился Павел Михайлович. — Я тебе обещаю, — уже серьезно ответил он.

— Боюсь, — сказала я.

— Надо не бояться, а начинать тренировки. У тебя все есть, чтобы вырасти в первоклассную спортсменку. Ты быстрая, смелая, сильная, высокая, умная. Я же не зря обращаюсь к тебе. Ходил всю зиму по московским стадионам, искал высоких и сильных девочек. Увидел тебя.

— Вы меня захвалите!

— А коли зазнаешься, грош тебе цена! — Санин развел руками.

— Я должна посоветоваться с мамой.

— Кстати, я тебя провожу домой и сам поговорю с ней.

Поднимаясь вместе со мной по лестнице, Павел Михайлович сказал:

— Я познакомлю тебя с Никитой Ивановичем Найденовым. Он тренирует конькобежцев в «Крыльях Советов».

Заслуженный мастер спорта! Он был чемпионом России еще в 1913 году. Потом через восемь лет вновь стал чемпионом РСФСР. Никита Иванович был первоклассным летчиком-спортсменом, отличным легкоатлетом, пловцом... И угадай, кем еще он был?

— Даже не представляю.

— Найденов был чемпионом России не только по конькам, но и по академической гребле. Так что, видишь, в истории были прецеденты. Теперь-то придешь ко мне в секцию?

— А куда же я денусь? — отшутилась я. — Когда приходить на занятия? И в какое место?

— В Химки, на водное «Динамо».

■ ВЕРШИНА — НАЧАЛО СПУСКА?

Зима прошла стороной, мимо. Как ни пыталась я пробиться в конькобежную секцию, не получилось. Предложили, правда, заниматься греблей. «На безрыбье и рак — рыба», — говорится в пословице.

Может быть, и стоит записаться в секцию Санина, начать тренироваться? Ведь и билет динамовский дадут? А?

Я решила заняться греблей. Пришла несколько раз на водную станцию «Динамо», посмотрела со стороны, как красиво, плавно и четко работают спортсмены, как взад и вперед снуют байдарки, каноэ, академические лодки, — и мне захотелось постигнуть секреты скорости, покорить голубые дорожки.

У меня с детства выработалась такая черта: если я за что-то берусь, то отдаюсь этому делу целиком, я не понимаю полумер, не умею работать вполсилы.

Меня посадили в четверку. Тренировались мы по тем временам очень много. По четыре раза в неделю после учебы собирались на Химкинском водохранилище и уходили на лодке в сторону затона, где на ремонте стояли пароходы и катера. Павел Михайлович заставлял нас грести по двое, с тем чтобы можно было изучать технику подруг, замечать их ошибки, поправлять. На первых порах основной задачей он считал совершенствование техники каждой из четырех спортсменок. Не менее важно было «сгребание» команды. За тренировку мы проходили по 20—30 километров, а после тренировки собирались возле бонов и удобных эллингов, обсуждали тренировку. Беседовали. Спорили.

После занятий шли по домам — делать уроки, ведь завтра неумолимые педагоги не примут во внимание, что ты отмахала 30 километров по волнам Химкинского водохранилища, что ты безмерно устала, а потому не могла выучить домашнее задание до конца. Придешь домой — неодолимо тянет к подушке, глаза слипаются. На помощь приходит упорство. Для меня это новая

черта характера. Я выработала ее на тренировках, чувствуя рядом локоть своих подруг и тренера.

Педагоги и журналисты, ученые и сами спортсмены давно уже заметили, что тренировки легкоатлетов-стайеров, велосипедистов-трековиков, конькобежцев и гребцов вызывают утомление не только мышц — и даже в первую очередь не только мышц и сердечно-сосудистой системы — а центральной нервной системы. Вся беда здесь кроется в том, что эти виды спорта связаны с монотонностью прохождения дистанции или по кругу или мимо давно уже заученных наизусть пейзажей — серых волн с белыми барашками, растянувшихся на десятки километров.

Особенно любили мы тренировки на суше — игры с мячом, кроссы, гимнастику. Не по дням, а по часам мы чувствовали, как наши мускулы наливались силой.

Санин предостерегал нас:

— Главное в гребле не абсолютная сила. Посадите в лодку боксера Королева — он не победит даже третьего разрядного гребца. Самое важное — техника, чувство товарищества...

Бывали такие часы занятий, когда вместе с нами начинали тренировку гребцы всемирно известной восьмерки «Крыльев Советов». Это были подлинные виртуозы, новаторы. Мы не видели их спокойными — они непрерывно спорили о правомерности «ортодоксального» стиля гребли, когда основное внимание уделяется внешним движениям и позе гребца.

Буквально на моих глазах произошла революция в гребле — сильнейшие советские гребцы порвали с «ортодоксальной» греблей, поняли, что посадка с «красиво» прогнутой спиной стала никому не нужной, ибо она не создавала естественности и свободы движений.

Мы особенно внимательно приглядывались к тому, как работают наши лучшие гребцы В. Крюков, Е. Самсонов, Е. Браго, А. Комаров, Л. Гиссен, затаив дыхание следили, как разрезает волну мощный и ажурный «скиф» короля одиночников Игоря Демьянова. Словом, нам посчастливилось — перед нашими глазами прошло становление послевоенной советской школы гребцов.

Павел Михайлович часто повторял слова австралийца Стива Фернберна, который в то время работал на Британских островах и тренировал восьмерку Кембриджского университета:

— Мили делают чемпионов!

К концу первого года занятий греблей я с радостью подсчитала, что общий пройденный путь составил у меня более тысячи километров.

Ребята во дворе не поверили в эту цифру. Они стали заводить меня:

— Говоришь — тысячу?

— Тысячу! — твердо отвечала я.

Павел Михайлович выдал нам многожданные голубенькие книжечки — членские билеты общества «Динамо». Вроде бы сейчас я могла бросить греблю: сбылась мечта, билет получен, теперь я могу запросто проходить на каток.

Санин подметил, как озорные чертики забежали в моих глазах, и предупредил:

— Ты можешь не тренироваться. Это твое дело. Но я обещал сделать тебя чемпионкой. Так что уж подожди первенства Москвы. А?

Мне стало стыдно перед тренером, и я запретила себе думать о прощании с греблей.

Первенство Москвы среди юношей и девушек было

разыграно в центре столицы, там, где когда-то высилась Бабьегородская плотина, на стрелке, в месте разветвления Москвы-реки и обводного канала.

Как сейчас помню тот день: около гранитной лестницы, бегущей к воде, причалены плоты для спуска академических судов, размеренно покачиваются катера.

Дается старт четверкам. Как много зависит от хорошо взятого старта! Вперед сразу же вырываются команды «Крылья Советов» и «Спартак». Мы тоже отлично приняли старт и не отстаем. Пройдено 250 метров. Мы уже впереди. А за нами, как на веревочке, мчатся лодки «Крыльев Советов» и «Спартака».

Небо над Москвой нависло низкое и водянистое. Но мы хорошо разогрелись перед стартом, оделись потеплее и сейчас гребем, все до предела напряженные и в то же время внутренне подобранные, уверенные в себе. Это чувство обостряет все остальные ощущения. Мы лучше чувствуем друг друга, лодку, свои гребки.

Поднявшийся ветер сносит лодки к гранитной набережной.

Выравниваемся. Короткими сильными гребками пробуем разогнать лодку, найти наиболее экономичный ход, оторваться от противников.

Удается. С каждым гребком мы увеличиваем скорость, при подходе к пятистам метрам усиливаем гребок — и оставляем соперниц на два метра сзади.

Но что это? Чувствуется, как начинает не хватать дыхания, воздуха. Неужели мы переборщили с темпом и теперь не выдержим до конца?

Нервничаю больше всех. Кажется, только мне одной не хватает воздуха, проклиная свой туберкулез, свои неокрепшие легкие и никак не могу подстроиться

к команде, меняю ритм гребка. Этого раньше со мной никогда не бывало.

Замечаю, как в близко идущем катере, который сопровождает заезд, нервничает Павел Михайлович. Ему видны все ошибки команды. Если бы он мог, он сделал бы одно лишь замечание, и сразу же его поправка улучшила бы ход. Но гребля не волейбол, не баскетбол. Здесь нельзя брать минуты отдыха. Тренер обязан молчать. Команда спортсменов сама должна решать тысячи вариантов, ежесекундно возникающих на дистанции гонки...

Не знаю, как получилось, но наша четверка вдруг обрела второе дыхание. Ничего внешне не произошло, но лодка сразу пошла быстрее. Это гребла команда, а не четыре, пусть сильные, но отдельно работающие спортсменки...

Мы первыми пересекли финишный створ.

В тринадцать лет я стала чемпионкой Москвы. Мне вручили грамоту и подарили фотоаппарат «Любитель».

Я отказывалась верить: совсем еще девочка получила такой отличный приз! Как приятно будет маме, бабушке, Вовке, как они будут гордиться мною!

От «Ударника» шла пешком. Аппарат повесила на ремне через плечо. Шла — и мне казалось, что вся Москва смотрит на меня и спрашивает: «Откуда у этой девочки фотоаппарат?»

И хотя «Любитель» не был заряжен, я наводила объектив на стены Кремля, на его башни, на мосты. Делала вид, что снимаю.

Когда я вошла в свой двор, с горечью обнаружила, что на улице никто из моих подруг и мальчишек не гуляет, значит, никто не увидит фотоаппарата.

«Зачем же я старалась?» — пронеслось в голове. И стало до того обидно, что я даже заплакала.

Слезы, правда, как нарочно, с трудом выкатывались из моих глаз. Поняв, что слезы — это уже перебор, ибо от них краснеют глаза, я развернулась и побежала к бульварам.

Там в течение трех часов я мерила их длину от Трубной площади до Пушкинской. Старички, которые, кряхтя, переставляли королей и коней на шахматном поле, просили меня:

— Сними нас, внучка, на память. Сестре в Конотоп пошлем, пусть посмотрит на нас...

Ни слова не говоря, я снимала крышечку с объектива и щелкала шахматистов.

Через три часа я вошла во двор.

Сделав умное и независимое лицо, я как будто случайно развернула грамоту и направилась к своему подъезду.

Меня окликнули:

— Эй, задавала, покажи фоту!

Я обернулась.

— И совсем не задавала. Вот грамоту получила!

— Покажи, — к грамоте протянулись десятки рук, испачканных землей, глиной и варом.

— «Настоящей награждается Инга Артамонова — чемпионка столицы...» — читали они и не верили: — Где взяла?

— Что-что? — переспросила я.

— Не злись, скажи лучше, кто подарил, — ответили ребята.

— Никто не подарил. Я ее в борьбе получила.

— Из тебя борчиха не выйдет. Не обманывай...

— А вот приходите на приз закрытия — сами по-

смотрите. Давайте я вас сфотографирую, — предложила я.

Ребята моментально прилизали волосы, вытерли грязь с лиц, а я раз десять нажала на спусковой крючок.

— По три рубля за фото, — предупредила я, — через пяток дней заходите.

— Так она миллионершей станет, — завистливо проскрипел Левка.

На соревнования, которые подводили итоги летнего сезона, прибыл весь мой двор. Я гребла на четверке и восьмерке.

Я выдержала, и мы победили в обоих заездах.

Можно представить, что творилось на трибунах, как радовались за меня ребята. Только в тот день они почувствовали, что я стала настоящей спортсменкой. Занятия греблей сделали меня взрослым человеком — я перестала играть в «салочки» и «колдунчики». Времени не хватало, чтобы учиться, тренироваться и играть во дворе. Я не торчала во дворе без дела ни единой минуты. Снова начала помогать матери, старалась следить за собой, бороться со своим характером — взбалмошным и вздорным. Я разучилась делать плохое людям.

В тот день, когда мальчишки с Петровки провожали меня на пьедестал почета, я знала: детство кончилось, начинается юность, трудовая и нелегкая, не прощающая ошибок и поверхностности.

Зимой я бегала на коньках, но уже меньше, чем в прошлый год. И не оттого, что разлюбила мелодии скорости, которые рождаются на льду. Ответ азбучен — не хватало времени. Я тренировалась в гребном бассейне. Бегала по глубокому снегу. Играла в волей-

бол. Мчалась на лыжах. Развивала силу, скорость, выносливость.

Тренер внимательно следил за мной, он ни на секунду не забывал, что я четыре года болела туберкулезом. Он сдерживал меня, не давал горячиться, напрягаться.

Тренировались мы самозабвенно, поэтично. А поэзия, как говорил Маяковский, любит «мозолистые руки». Правда, мы очень уставали. Некоторые начали поговаривать:

— Зачем нам тренировки? Кому это надо? Мы ведь самые сильные, самые техничные. Что нам?

Павел Михайлович в такие минуты вспоминал слова Алексея Максимовича Горького:

— Слава в лошадиных дозах действует убийственно!

А еще я выучила наизусть строки Блока:

И лететь,
Чтобы потом упасть!..

Тактичный человек, наш тренер равномерно увеличивал нагрузки в зале, вводил регулярные кроссы, обязательно занятия в гребном бассейне.

Перед началом каждого занятия мы бегали по улицам. В зале играли в баскетбол, занимались акробатикой, крутили «солнце» на перекладине, по 15—20 раз подтягивались на лесенке. Все это улучшало прыгучесть, подвижность и быстроту реакции.

Перед занятиями Павел Михайлович давал каждой из нас листочек с перечнем наших основных ошибок. Тренер советовал, как их исправить. Такой метод тренировки требовал от нас инициативы, старания, трудолюбия.

Я не чаяла, когда растает лед, когда, наконец, наши лодки врежутся в тугую холодную воду.

Уже в середине апреля мы начали свое «плавание» по настоящей реке. Нас не пугало ни быстрое течение, ни отдельные льдины. Мы соскучились по веслам. Силы, накопленные за зиму, требовали приложения.

Наша команда не знала себе равных среди юношеских коллективов. Дважды еще становились мы чемпионками столицы. А в 1954 году мы выиграли первенство Советского Союза, и нас включили кандидатами на поездку в Голландию, где должен был состояться чемпионат Европы по академической гребле.

В пятьдесят втором году, когда меня уже считали «восходящей звездой» гребли, в один из морозных дней февраля в зимний гребной бассейн пришел длиннорукий паренек лет четырнадцати-пятнадцати. Он подошел к знаменитому чемпиону-одиночнику:

— Слава я, Иванов, — сказал он, — хочу у вас заниматься. Очень мне нравится гребля...

Мне грустно кончать рассказ о гребле, о чудесном виде спорта, который воспитал во мне настоящую спортсменку.

А я ведь этому спорту изменила...

С греблей я рассталась после неожиданного несчастья. Не будь его, я, быть может, не ушла бы навсегда с голубых дорожек.

Дело было так. С шестнадцати лет я гребла в командах взрослых. Там я и стала мастером спорта.

И вот когда я достигла самых почетных вершин, о которых когда-либо могла мечтать, я задумалась.

— А дальше что? — спросила я своего учителя и друга Павла Михайловича Санина.

— Тренировки, тренировки плюс еще раз тренировки, — улыбнулся Санин.

— Что? — переспросила я.

— Ты меня не слушала, — обиделся тренер.

— Нет, отчего же? — ответила я. — Просто неубедительно.

— А чего же ты хочешь? — удивился Павел Михайлович. — Мечтала быть чемпионкой страны — стала ею! Мало этого? Поедешь на первенство Европы. Выиграешь... Станешь первой на континенте... Неужели недостаточно? — он явно горячился.

— Поймите меня правильно, — сказала я Санину. — Я стремилась превратить мечту в быль, кажется, такими словами поется в одной песне? Я стремилась к счастью. Счастьем своему. А это означает — счастьем других! Мы вместе шли вверх. Без ступеней. По горной тропинке. И даже без тропинки. Нас встречали пропасти и обвалы, лавины и камнепады. И все же мы достигли снежной вершины. А что такое вершина? — спросила я тренера.

— Вершина? Самая высокая точка, — сказал он.

— Вершина! Самое начало спуска! — дополнила я. Мы стояли на гранитных ступенях набережной Москвы-реки. Теплый ветерок шевелил волосы.

Санин рассмеялся:

— Я обещал сделать тебя чемпионкой — сделал! А дальше решай сама. Нужно будет — помогу... — Глаза тренера говорили больше, чем слова...

Тренируясь перед первенством Европы по гребле, я получила серьезную травму обеих ног. Все мысли об участии в первенстве Европы оказались напрасными. Я лежала в больнице, когда радио и газеты принесли радостную весть, что на чемпионате Европы по гребле

все наши лодки пришли первыми. Я не сомневалась в победе, но не ожидала, что мои подруги завоюют 22 золотые медали, что они обновят все рекорды голландских каналов.

Мне было приятно. Победила восьмерка, где я с полным правом могла грести, победила моя четверка. Все победили. В их победе была доля и моего труда, моих недоспанных ночей, когда приходилось разрываться между учебой в школе и тренировками, моих сомнений, поисков, уверенности.

Вернувшись из Голландии, чемпионки Европы навестили меня в больнице.

— Жаль, что тебя не было с нами... Это какой-то восторг, а не первенство!

Они смеялись, хвалились сувенирами, рассказывали о том, как Наташа Санина, сестра Павла Михайловича, уронила золотую медаль в воду, как она растерялась и чуть-чуть не расплакалась, как по радио объявили:

— Господа, кто хочет найти на дне канала медаль мадемуазель Саниной?

И хотя желающих нашлось много, поиски остались безуспешными...

В больнице девчата шутили:

— На следующем первенстве мы посадим тебя во все лодки, завоюешь четыре или пять золотых медалей. Договорились?

Я кивала головой, улыбалась, но в ту секунду колкая мысль о необратимости каждой минуты сверлила мне голову.

— До будущего первенства надо дожить, — отшучивалась я. — А попадешь ли в команду? И вообще хватит ли сил начинать все вновь?

Подруги не разделяли моего пессимизма:

— Поможем, Инга!

Я еще несколько дней и ночей пролежала в больнице, слушала мерное постукивание дождя, ловила горький запах листвы, прощалась с последней травой на вытоптанных газонах.

В палате было мало книг. И мне пришлось десять раз подряд перечитать поэму Гоголя. Я всегда недооценивала этого писателя. А зря! Умный, беспощадный к себе и людям, еще не заболевший душевно, он точно обращался ко мне:

«Забирайте же с собой в путь, выходя из мягких юношеских лет в суровое, ожесточающее мужество, — забирайте с собой все человеческие движения, не оставляйте их на пути: не подберете потом».

ПОЖЕЛАЙТЕ МНЕ ВСЯЧЕСКОГО БЕСПОКОЙСТВА

Мягкий зеленый свет. На часах далеко за два часа ночи. Уличный фонарь устал качаться из стороны в сторону. Не доругавшись со мной, спит мама. Храпит Володька. На столе моем разбросаны записные книжки.

Их много. Последняя помечена цифрой сорок. Это не точно. Их у меня больше ста. Они вмещают в себя все: открытие мира, познание людей, первую любовь.

В моих записях отразился мой мир, мир внешний, но отчасти и душевный. Мне двадцать девять лет — это возраст скорости и ветра, время поступков и их объяснений. Невольные свидетели этих дней — мои

записные книжки, обтрепанные лохмотья, исчерченные странички.

Когда мне было почти двенадцать лет, я прониклась одной мыслью — надо научиться правильно читать, и читать книжки, которые могут помочь тебе объяснить пресловутые условности жизни. Как-то я спросила у заведующего читальней Алексея Никитича: — Дайте мне томик Пушкина, где есть «Вновь я посетил...».

Алексей Никитич будто прочитал меня своим пристальным взглядом. Человек от природы богатый и яркий, библиотекарь многое перевидел в жизни, кое в чем научился разбираться, и он рассказал мне в тот вечер, как огромен мир Пушкина. Он все время противопоставлял двух поэтов — Пушкина и Лермонтова. Я, одиннадцатилетняя девчонка, внутренне не соглашалась с ним, мне был более дорог Лермонтов, я ведь уже научилась в те дни с выражением декламировать его проникновенное:

И скушно и грустно! — и некому руку подать
В минуту душевной невзгоды...
Желанья... что пользы напрасно и вечно желать?
А годы проходят — все лучшие годы!

И все же я слушала старого библиотекаря, понимала, что ему надо с кем-то поговорить, ведь книги-то безмолвны.

Вечерами я просиживала в читалке. Пахло канцелярским клеем и кожаными переплетами. Сладковатый, приторный запах книжек разливался по комнате. Наивная девочка, я подходила к библиотекарю: «Что мне еще прочитать? А Герцен — это классик?»

Мне было двенадцать лет, когда я записала для

себя: «Прочитала книгу М. Марич «Северное сияние». Заинтересовалась людьми 14 декабря. Какие борцы! Старцы, возвратившиеся из Сибири через тридцать лет каторги, они успокаивали издерганное поколение, воспитанное Николаем. С сегодняшнего дня начинаю читать все о декабристах!»

Разумеется, слово «все» сказано с детской запальчивостью, но и сейчас, через восемнадцать лет, я читаю любую книгу о декабристах, как о близких мне людях. Свое восхищение ими я пронесла через всю жизнь.

Примерно в те дни мне показалось, что сложные отношения вещей и людей можно объяснить, понять. Я решила разобраться в них. На смену увлечению декабристами пришел Чехов, раскрылась новая страница литературы и жизни.

Как-то Роберт Рождественский рассказывал мне о мальчике, который в седьмой раз пошел смотреть кинофильм «Чапаев», надеясь, что сегодня Чапаев все же переплывет Урал.

И мне чтение книг давалось с трудом — я очень впечатлительна, всегда вживаюсь в повествование и переживаю вместе с героями. Я десятки раз перечитывала чеховский «Дом с мезонином», мне не хотелось, чтобы черствые люди увозили Мисюсь, вmeshивались в любовь, отнимали у людей право на счастье.

Я и засыпала с одной мыслью: «Что стало с тобой, Мисюсь? Мисюсь, где ты? Неужели ты вышла замуж и, как Татьяна Ларина, оправдываешь себя: «Но я другому отдана и буду век ему верна...»? Мисюсь, я боюсь даже подумать, неужели ты будешь рожать детей от нелюбимого мужа? Мисюсь, где ты?»

Однажды я пришла в драматический кружок, про-

читала стихотворение, очень в те дни модное. Преподаватель кружка сказал мне первый в моей жизни комплимент:

— У вас, Инга, свежий и звонкий голос. Это хорошо. Но самое главное — у вас трезвое мироощущение. Понимаете?

Я кивнула головой: мол, конечно, понимаю, но в самом деле ничего не поняла. Решив про себя: «Ведь не на каждом шагу тебя, Инга, будут хвалить! Берись за дело серьезно!», записалась в драмкружок. Вначале все было ново и интересно. Мы выступали на агитпунктах, на сценах московских театров, приветствуя делегатов районных комсомольских и партийных конференций... Миленькие, нескладные, аккуратно одетые, мы выходили на авансцену и декламировали:

Для нас дворцы построены,
Сады шумят для нас.
Мы вырастем героями,
Когда настанет час.
А сейчас мы школьники,
Машеньки и Оленьки,

И тут, — помню, выходил Левка Ковалев и говорил басом слово «Петеньки», а ему вторил звонким голоском его брат Борька — «и Васеньки», и уже в конце мы вместе по слогам произносили: «се-ми-классники!»

Я любила ходить в драмкружок. Но потом мне надоело: и во всем виноват мой рост, мне всегда поручали в спектаклях роли старух-ведьм, даже Бабы Яги.

Мне было обидно, да еще мама пилила меня:

— Ты мне сегодня нагрубила. И уроки плохо сделала. Совсем не занимаешься. Мне на классном собра-

нии учителя говорят: «Артамонова, бесспорно, способная девочка, но она просто лодырь!»

Просто лодырь... Им легко говорить об этом, а у меня просто не хватало времени делать уроки — драмкружок собирался три раза в неделю, с ребятами во дворе нужно было поиграть, поноситься по крышам, чтобы доказать им, что я вовсе не какая-нибудь Баба Яга, а обыкновенная девчонка, которая ничего не боится и при желании не даст спуску ни одному мальчишке. А книги? Сколько мы воевали с матерью, когда она не разрешала мне читать по ночам! Просто лодырь... Попробовали бы сами не быть лодырем, когда ты являешься признанным главарем мальчишек всей Петровки, когда тебе нужно до деталей продумать все шкоды и шалости. А что касается знаний, то они у меня были. Я любую контрольную за полчаса решала и даже своей подруге Ритке успевала подсказать ее вариант. Если говорить честно, то мне казалось в те дни, что я настоящая труженица, на которую сколько ни нагрузи — все вывезет... Если хотите знать — у меня на экзаменах почти не было троек.

А как все гордились мною, когда я весь вечер читала со сцены стихи Лермонтова! Вот это был вечер!

Темный зал. Он заполнен до отказа. Лучи прожекторов сходятся в одной точке.

Рояль в центре сцены.

Выемка рояля.

Я!

Я читаю: «Что же мне так больно и так трудно? Жду ль чего? жалею ли о чем?»

В пятнадцать лет трудно жалеть об ушедшем, я передавала лишь внешний смысл стихов, который лежал

на поверхности, но... зал слушал, волновался, рукоплескал.

Дни сталкивались. Времени совсем не хватало. Время уходило на совершенно ненужные (легко об этом говорить сейчас) вещи: я читала научно-популярные книжки. Они ничего не прибавляли к моим знаниям, кроме замечаний библиотекарей: «Она, умница, так много читает!»

А что читает? Они не всегда задумывались над этим. Правда, однажды какой-то посторонний человек спросил меня в читалке: «Это хорошо, что вы не любите детективы. А «Слово о полку Игореве» читали?»

Я посмотрела на него с недоумением, но все же заставила себя проштудировать «Слово». Древность, пахнувшая со страниц летописи, с каждой ее строчки, осталась неразгаданной. Я отложила «Слово», оставшись при своем к нему уважении — и не больше!

— А что все-таки читать? — спрашивала сама себя, знакомых и друзей начинающая думать девочка. — Что читать?

Советы были самые различные. Я проглотила Обручева, Казанцева, помучилась над томами Томана и Немцова, где-то я прочитала слова Долорес Ибаррури: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях». Этот афоризм вернул меня к князю Игорю: «О, дайте, дайте мне свободу...» Я перечитала «Слово» и удивилась тому, что считала его скучным.

Мое любимое изречение — это слова академика Ивана Петровича Павлова: «Пожелайте мне всяческого беспокойства!»

Как-то так получилась, что эти слова стали моим паролем, по которому я меряю свое отношение к людям, событиям, к себе самой... Еще в школе я отлича-

лась удивительной способностью беспокоиться и беспокоить других — хотя бы своих учителей.

Из всех школьных предметов я более всего любила пение, рисование и естествознание.

Пение я любила вот почему — у меня был хороший голос, но самое главное, что возмущало меня и злило, что внушало мне страстную любовь к музыке, — это то, что у моей двоюродной сестры было пианино, а у меня его не было, что у сестры нет желания заниматься музыкой, а я только об этом и мечтала. Сестренка у меня была умненькая. Видя, что я очень люблю пианино и смотрю на него с завистью, она сказала мне:

— Сегодня вечером папы не будет дома, я разрешу тебе побренчать на пианино. Только не забудь вымыть руки, а то клавиши белые.

Я вымыла руки горячей водой, причесалась. Наконец сестра пригласила меня к себе.

— Хочешь, научу тебя играть?

Я, конечно, любила свою сестру, но в ту минуту мне очень не понравилось, как она мне сказала: «Я научу тебя играть». Я подумала: «Конечно, сестра у меня богатая. Она даже может учиться музыке. К ней даже учительница ходит. А сестра занимается музыкой из-под палки. Я все время слушаю за дверью, как она бренчит свои гаммы. Вот мне бы пианино!»

Сестра достала ноты и стала, как настоящая музыкантша, советовать мне:

— Сядь прямее. Разве, дорогая моя, плечи так держат? Горе мне с тобой! Видно, зря я за тебя взялась.

Я молчала. Терпела. Мне бы только посидеть пять минут за пианино, думала я, а там я научусь, я и так уже могу «собачий вальс» сыграть.

Недолго длился мой первый и последний урок музыки.

Пришел дядя, разозлился, увидев меня, сидящую возле пианино, спросил грозно:

— Руки хоть вымыла?

— Даже теплой водой вымыла. Пианино ведь денег стоит, его нельзя портить. Я понимаю.

— А раз понимаешь, — сказал дядя, — зачем расстраиваешь инструмент? Купи себе и упражняйся до потери сознания. Ясно?

Посмотрев на дядю с презрением, кротко сказала:

— Я больше никогда не приду к вам играть на пианино!

Я не заплакала. Слезла с вертящегося стула и гордо зашагала из комнаты дяди. Он, наверное, почувствовал, что я не забуду этого дня всю жизнь. Догнал меня, дал конфетку. Больше всего обидела меня эта конфета. И только в ту минуту я заплакала:

— Вы можете попрекать меня, но я не позволю вам смеяться надо мной! Слышите, дядечка!..

Рисование я люблю до сих пор. Если в детстве я изрисовала обложки всех книг, которые были в нашей домашней библиотеке, то сейчас я рисую эскизы интерьеров комнат своим друзьям. До сих пор в моем родном доме на Петровке сохранились на стенках в подъезде рисунки Инги Артамоновой. Когда я прихожу в гости к маме, то, поднимаясь по лестнице, нет-нет и останавлиюсь возле каракулей десятилетней Инги и с грустью вспомню о годах далеких, тяжелых, но бесконечно дорогих. Я не стала художницей. Когда меня спрашивают: «А почему ты не поступила в художественное училище?» — я отвечаю шутливо:

— Для рисования нужно много карандашей.

А я ими прикручивала коньки к валенкам и ломала по десятку на день. Если бы даже у меня папа был Рокфеллером, он и то не напасся бы карандашей. Значит, еще в детстве жизнь поставила меня перед выбором: карандаши для рисования или карандаши для коньков? Я выбрала второе...

Ну, и третий любимый предмет — естествознание. Я не могу быть равнодушной ко всему живому. Наверное, поэтому по ботанике, зоологии, основам дарвинизма у меня всегда были пятерки.

В детстве под моей кроватью вечно был зверинец. В корыте лежали полумертвые птицы, замерзшие или подбитые хулиганами из рогаток, — этих птиц я находила на улице, приносила домой, кормила их, ухаживала за ними. А весной выпускала на улицу, на волю. С радостью смотрела, как птицы, которым я вернула жизнь, уносились в небо, счастливые и возмужавшие.

Любовь к природе я пронесла через всю жизнь. До безумия люблю лес. В лесу человек чувствует себя свободно и уверенно.

Как в невесомости. Он может делать все, что хочет, без особого труда и унижительного подчас благоразумия.

Летом я всегда тренируюсь на природе, уезжаю на целые сутки в лес. Разминаюсь, бегаю на роликах, читаю книжки, готовлюсь к предстоящим занятиям в институте, отдыхаю.

Лес делает меня еще сильнее, заботливее.

В лесу бывает жалко ходить по траве и топтать эти изумрудные тоненькие листочки. Жаль согнать пчелу с цветка, и, как ни приятно дышать лесным кислородом, обидно, что выдыхаешь углекислоту.

Все живое пробуждает во мне трепетную нежность.

Очень сложные взаимоотношения сложились у меня с математикой. Алгебру, геометрию и тригонометрию я не учила. Они давались мне легко. Я быстро решала контрольные работы.

И несмотря на то, что мои познания в математике, реакция и быстрота, с которой я решала контрольные, превосходили уровень других, я понимала, что у меня нет математических способностей.

Наш преподаватель математики заметил, что меня не интересуют точные науки, он подозревал меня — и мы долго стояли в коридоре, пытаюсь разобраться в причинах моего равнодушия. Я говорила тогда учителю:

— У меня нет крыльев в математике, я не обладаю математическим видением мира. Мне трудно представить вещи в пространстве.

Недавно один мой знакомый заставил меня прочитать книгу об академике Крылове. Он, глядя на корабль, видел всю машину, как сочетание различных математических формул. Понимаете... А мне непонятна «Негалактическая астрономия». И кроме всего, мне уже семнадцать лет. Это очень много для того, чтобы начать серьезно заниматься математикой.

Физику я не любила. Один знакомый внушил мне (и я ему поверила), что эта величайшая наука является в руках ученых ключом к разгадке всех премудростей и тайн планеты, ключом к познанию мира. Но я не любила физику, ибо знала уже о том, что гениальные ученые создали водородную бомбу. В семнадцать лет я впервые пришла к мысли, что для развития физики вполне хватит еще пятидесяти лет, а дальше эта наука изживет себя так же, как кончила самоубийством аэродинамика. Для ученицы десятого класса это было не-

ожиданное открытие: «Наука самоотрицается». В те дни мне попала книга Владимира Ильича «Материализм и эмпириокритицизм». Я пролистала и почти ничего не поняла, но запомнила одну фразу: «Электрон так же неисчерпаем, как и атом». Жизнь — это вечное развитие, лестница, где каждый новый день выше вчерашнего.

Я кончила десятилетку и скорее интуитивно, чем осознанно, верила:

— Люди разгадают и откроют управляемую термоядерную реакцию. Магнитная бутылка — это вопрос ближайшего десятилетия. Полет человека в космос не утопия, а реальность...

И наверное, потому что я очень сильно верила, я очень часто заблуждалась, сомневалась. «Все подвергай сомнению» — вот с каким лозунгом я шла через свой семнадцатый год.

Однажды я спросила преподавателя физики:

— Почему так — молнию взяли в плен, покорили стужу Антарктики, воду, огонь, воздух научились использовать в своих целях, но люди не стали счастливее? Почему?

Физик куда-то спешил, мой вопрос представлялся ему вздором. Он даже не извинился, когда ушел из разговора; я снова осталась один на один со своими сомнениями.

В жизни я была очень путаной, страшно непоследовательной, но приблизительно цельной. Я долго выбирала: «Кем быть после окончания школы?»

— Кем быть? — спросила я у своей учительницы истории. — Кем быть? Большинство наших одноклассников идет в технические институты. Это понятно — сейчас, в век наступления техники, массовые профессии

«умнеют» на глазах, и кажется, все больше требуется рабочему знаний, все меньше «ручного умения». В самом деле: вот отзвенит последний звонок — и иди гадай, к чему у тебя талант, где ты станешь мастером своего дела: будешь ли моряком или строителем, вулканологом либо модельером?

В 1954 году выпускники косяками тянулись в институты. Правда, в те дни в газетах появлялись уже фельетоны, в которых высмеивали абитуриентов за неразборчивость, ругали даже в пьесах, ругали беззаботных пташек, решавших свой жизненный путь приблизительно так: в текстильный так в текстильный (легче пройти), в горный так в горный (в этот год неожиданно конкурс оказался небольшой), ругали...

В те годы эти фельетоны не приносили никакой пользы: в камни стрелять — стрелы терять...

Мне советовали:

— Если идти в институт, то только в технический. Гуманитарщики — это люди без профессий. Рано или поздно жизнь поставит их перед необходимостью поступить во второй вуз.

Эти слова показались мне неубедительными. Я спорила с друзьями:

— Представьте себе: все пошли в технические вузы. У всех сбылись мечты. Все инженеры. И нет ни кондитеров, ни парикмахеров, ни портных. Ни плохих, ни хороших! — Я пыталась довести мысль своего приятеля до абсурда, чтобы хоть как-то переспорить его.

— Ну ладно, — отмахивались друзья, — не хочешь в институт — иди на завод.

— И пойду, — сказала я.

— Боишься экзаменов! — меня пробовали подзавести.

— Нет. Просто хочу присмотреться к жизни, попробовать себя. У нас все еще бытует недоверие к простым людям...

— Это уже из другой оперы.

— Из той же, — успокоила я. — Я имею в виду недоверие к профессиям. К тем профессиям, без которых нам было бы тяжело: повара, продавца, свинаря, официанта. Негласно считается, что сталевар лучше сантехника (а куда денешься без сантехника, не думают), юрист, мол, интереснее педагога (а не учителей ли мы вспоминаем в трудную минуту?), товаровед почему-то считается солиднее бухгалтера (а кто рассчитывает зарплату?).

— Кое в чем ты права, — согласился мой главный оппонент.

— Во всем! — упорствовала я.

— Единственное, что я могу сказать с уверенностью, это то, что я ничего не могу сказать уверенно, — Володя заговорил афоризмами.

Этот разговор окончательно убедил меня в одном: не надо спешить поступить в любой институт, неважно какой — лишь бы институт!

Во дворе и школе подруги спрашивали друг друга:

— Куда поступаешь?

— В менделеевский! А ты?

— В университет!

— Куда подаешь документы?

— В энергетический. А ты?

— В геологоразведочный...

— Инга, а ты, наверное, в художественный институт или в театральный?

— Нет, — убежденно сказала я, — иду работать на фабрику.

Подруги не верили. Требовали клятвенных заверений. Я показала им заявление на имя директора Первой московской ситценабивной фабрики, в котором просила взять меня на должность браковщицы в отдел технического контроля...

Так я решила начать свою самостоятельную дорогу. «От станка!» И сейчас, когда после прощания со школой прошло почти двенадцать лет, я убедилась, что выбор был сделан правильный. Мои сомнения и постоянные вопросы: «Кем быть? Что делать?» — закалили меня. Я сразу почувствовала себя повзрослевшей.

Оптимизм и жизнеутверждение пришли ко мне не сразу, не вдруг, они дались мне ценой невероятного внутреннего сопротивления, постоянной борьбы с различными оттенками пессимизма, которые, как подлый рак, точат души молодых людей, вступающих в жизнь. Я начала говорить о сопротивлении. Так уж получилось в моей жизни, что сопротивление других всегда было моей силой!

■ ГУЛЛИВЕР В СТРАНЕ ВЕЛИКАНОВ

На ситценабивной фабрике работа была в три смены. Иногда, возвращаясь с утренней смены домой, я шла пешком от Павелецкого вокзала до Петровки. Мне нравилось дышать морозным воздухом, наблюдать людей, спешащих на службу, набивающихся в трамваи, троллейбусы и автобусы до такой степени, что салоны чуть не лопались.

Я любила идти по утренней Москве с чувством человека, сделавшего большое и нужное дело.

Обычно перед тем, как взбежать по лестнице, я заходила на каток и с грустью смотрела на лед.

Я ведь по-прежнему была влюблена в коньки, но так и не смогла начать занятия ни в одной из конькобежных секций. Хотелось бежать по льду красиво и стремительно, даже не бежать, а парить над зеркалом застывшей воды. Эта мечта властно завладела мною после того, как я однажды увидела на нашем катке тренировку членов сборной страны по конькам — трехкратной чемпионки мира Марии Исаковой, мировой рекордсменки Риммы Жуковой, заслуженного мастера спорта Марии Аникановой. Они, как черные птицы, грациозно и быстро скользили круг за кругом. Скорость их покорила меня.

Забежав домой, забыв про ночную усталость, надела свои «гаги», прошнурованные проводами, натянула выдавшие виды лыжные шаровары и примчалась на лед. Попробовала хоть несколько метров промчаться с такой же скоростью, как «черные птицы». Конечно, ничего у меня не получилось. А Мария Исакова сказала Жуковой:

— Гляди, Римма, в каком возрасте начинают учиться кататься. И ничего, научатся!

Если бы знала Мария Григорьевна, что к тому времени мой конькобежный стаж составлял уже десять лет, она не стала бы улыбаться. А что касается возраста, то Исакова просто переоценила меня — мне было только семнадцать лет.

Когда спортсменки сборной страны кончили тренировку и ушли в раздевалку, ко мне подошел директор катка Дмитрий Дмитриевич:

— Если хочешь бегать, как они, приходи ко мне по утрам на тренировки, начнем с азов — освоим посадку, технику. Можешь приходить по утрам?

— Могу, — сказала я, а потом вспомнила, что ведь только эту неделю я работаю ночью, а следующую я должна выходить днем. Что же делать?

Постараюсь поменять смены, любая ткачиха согласится пойти работать днем вместо ночи. «А выдержи ли сама? — мелькнула предательская мысль. — Выдержу! То ли уже приходилось выносить в жизни!»

Начались занятия с Дмитрием Дмитриевичем. За две недели я освоила катание в посадке, причем каталась-то я на простых коньках, и было мне во много раз труднее, чем любому скороходу на «бегашах».

Проработав целый месяц в ночную смену, я уже привыкла к тому, чтобы после работы идти на лед и, не уставая, кататься по три часа, выполняя все указания Дмитрия Дмитриевича, умного и образованного человека, яростного поклонника коньков, на глазах которого начинали свою жизнь в спорте и братья Ипполитовы, и Яков Федорович Мельников, и Григорий Васильевич Кушин, и Иван Аниканов, и Константин Кудрявцев, и Игорь Ипполитов, и Олег Гончаренко, и Евгений Гришин...

Через месяц тренировок мой добровольный учитель сказал:

— Ну все, Инга, я исчерпал себя. Ты должна переходить на беговые коньки. А у меня в прокате таких нет. Записывайся в секцию. Я познакомлю тебя с Кушиным.

— С кем? — переспросила я.

— С Кушиным, — повторил он.

— С Григорием Васильевичем? — не поверила я.

— С ним, с ним, — заулыбался Дмитрий Дмитриевич.

Говоря о коньках, я совсем не вспомнила о том, что по три раза в неделю я продолжала тренироваться с гребцами. Мне жалко было расставаться с подругами. Я выкраивала время и не пропускала ни одной тренировки: мне очень не хотелось подводить подруг. В тот год наши гребцы затеяли еще строительство зимнего гребного бассейна. Мы таскали кирпичи, доски, балки. Бассейн должен был подняться недалеко от стадиона «Динамо».

26 декабря 1954 года я осмелилась заглянуть на малый стадион «Динамо», где тренировалась сборная этого общества. Часа два я восхищенными взглядами провожала скороходов, катающихся, как казалось с трибуны, без всякого напряжения.

Прямо возле трибун узкой цепочкой стояли тренеры. В одном из них я узнала Кушина — талантливейшего в прошлом стайера нашей России, одержавшего несколько важных побед и за рубежом.

Я подошла к знаменитому конькобежцу и, заикаясь, сказала:

— Можно мне заниматься у вас?

— Уже поздно, — ответил Кушин.

— Что поздно? — не поняла я.

— Поезд уже ушел, — не глядя на меня, бросил тренер.

— Какой поезд? — недоумевала я.

— Какой-какой? — разозлился Кушин. — Возрастной! Сколько тебе лет? — Он посмотрел на меня снизу вверх, стараясь измерить мою фигуру.

— Шестнадцать, — соврала я, отняв у себя полтора года.

— Сколько? — переспросил Кушин.

— Ну, в общем семнадцать, — пошла на попятную.

— А точнее? — настаивал тренер.

— Но я ведь уже мастер спорта. — Я думала, что этот аргумент поможет уломать Кушина. И не ошиблась.

— По какому виду? — спросил он.

— По академической гребле.

— Ладно, приходи, посмотрим, есть ли смысл.

Он сказал: приходи, посмотрим.

Я менялась на фабрике с подругами, высвобождая себе вечера для тренировок. Приходила на каток, раздевалась и все ждала, что Григорий Васильевич посмотрит на меня, что-нибудь посоветует, подскажет. Но он не обращал никакого внимания, занятый своими разрядниками, которым предстояло через несколько дней бежать на первенстве Москвы.

— Ну, не посмотрел сегодня — взглянет завтра...

Наступал новый день — и старое начиналось сызнова.

Не удивительно, что однажды, проплакав часа два в раздевалке, обиженная, я побежала к своему тренеру по гребле Павлу Михайловичу Санину:

— Помогите, надоело. На меня не обращают внимания.

Павел Михайлович рассмеялся:

— Кто он такой? Да ты только назови его имя!

— Это не шутки, это очень серьезно, — грустно заметила я.

— А коли серьезно, то пойдем драться, — Санин решительно взял меня за руку, крепко сжал мои пальцы, так крепко, что я даже пискнула.

И мы пошли.

Драться!

Я верила в Павла Михайловича. Он был для меня как старик Хоттабыч, который все может сделать. Обещал сделать чемпионкой страны по гребле — сделал. Помню, как три года назад, когда после тренировки, на которой мы прошли сорок километров под июльским солнцем, Павел Михайлович сказал девочкам:

— А теперь плавать! Всем!

Мои подруги, поставив лодку на место, начали раздеваться, готовиться к купанию. Все они, ни секунды не раздумывая, нырнули с плотa, на котором находились, и, отфыркиваясь, поплыли к дамбе. На плоту остались двое — я и Санин.

— А ты почему не плаваешь? — спросил тренер.

— Не хочу, — буркнула я.

— Не хочу или не умею? — допытывался Павел Михайлович.

— Как вам сказать, — робко начала я, стараясь потянуть время, хотя и знала, что с Саниным такие номера не проходят. Все, что было в наших девичьих душах, он знал первым, он воспитал из нас не только восьмерку дружных, не только мастеров спорта и чемпионов страны, но, самое главное, он заставил каждую из нас почувствовать себя «лично ответственной» за все, что происходит на земле.

В трудную минуту Санин всегда был рядом. И в ту минуту, когда я не решалась сказать ему правду, он попытался замять неловкость:

— Пойдем плавать вместе.

С ним я могла идти куда угодно. Разделась. Приготовилась к прыжку, но неожиданно Павел Михайлович сильно толкнул меня, и я кубарем скатилась с плотa в воду. Начала барахтаться, кричать. Санин

стоял на плоту, внимательно смотрел на меня, но не выказывал никакого беспокойства. Как назло, вместо того чтобы плыть к плоту, я удалялась от него. Глотнув изрядную порцию воды, почувствовала себя смертельно уставшей, перестала барахтаться. В ту же секунду сильные руки Павла Михайловича поддержали меня.

— Ну-ка, плыть. Что это такое? — кричал он, плавая вокруг меня.— С сегодняшнего дня я научу тебя держаться на воде, а через двенадцать дней ты в совершенстве овладеешь кролем, можешь соревноваться с настоящими пловцами. Главное не робеть!

Через две недели я и в самом деле научилась хорошо плавать, постигла кроль, полюбила воду. К концу лета я могла по четыре часа держаться на воде.

Вот почему я верила своему доброму волшебнику-тренеру так, «как, может быть, не верила себе».

Поэтому-то, идя «драться» с Кушиным, я знала, что мы обязательно победим. Так оно и получилось. Санин подошел к Григорию Васильевичу и, жестикулируя, начал что-то яростно доказывать. Я спустилась пониже и, зная, что это не совсем красиво, стала подслушивать.

— Не надо меня уговаривать,— махнул рукой Кушин,— я сорок лет своей жизни отдал конькам и знаю, что говорю.

— Но вы ведь не застрахованы от ошибок,— сказал Санин.

— Я знаю, что говорю! — упорствовал Кушин.— В истории коньков не было такой высокой спортсменки. Ольга Акифьева, Татьяна Карелина, Мария Исакова, Римма Жукова — все они очень невысокие, миниатюрные бегуны. У конькобежцев должны быть корот-

кие ноги. А что у вашей спортсменки? Ноги высокие. Значит, у нее и мышцы длинные...

— Что-то я не понимаю вас,— на этот раз Санин махнул рукой.— Как хотите, это ваше дело, но мое глубокое убеждение, что вы отталкиваете от коньков талантливого человека.

— Кто вам сказал, что я отталкиваю? — Кушин пошел на попятную.— Просто у меня слишком мало времени до первенства города, и мне некогда заниматься ликвидацией безграмотности всех надумавших заниматься коньками.

— А вы видели Ингу на льду? — спросил Санин.

— Нет! — ответил Кушин.

— Времени не было?

— Оставьте свою иронию при себе,— разозлился Кушин.

— Тогда посмотрите,— улыбнулся Санин.

— Ну хорошо,— согласился Кушин.— Где она?

Я появилась перед уставшими за целый день глазами знаменитого скорохода, от которого зависело мое дальнейшее: «Быть или не быть?»

— Коньки есть? — спросил Кушин.

— «Гаги»,— сказала я.

— А нужны «бегаши»! — укоризненно сказал Кушин.

— Можно идти? — спросила я, отчаявшись.

Мы остались вдвоем с Павлом Михайловичем.

— А может быть, это и лучше? — сказал он.— Не надо расстраиваться. Держи хвост пистолетом...

Мы еще долго стояли, глядя на тренировку конькобежцев. Неожиданно Кушин оглянулся, заметил нас и как-то неловко заулыбался. Потом он подошел к одному из скороходов и попросил у того коньки. Парень

неохотно согласился дать их какой-то длинноногой девчонке, претендующей не иначе как на сорок второй размер ботинок.

Кушин сам принес мне «норвежки». Я моментально надела их.

— Не жмут? — засмеялся Санин. Он-то знал, что я ношу тридцать восьмой размер и что коньки на четыре размера больше будут болтаться у меня на ногах.

— Вроде бы не жмут, — отшутилась я.

Итак, сбылось. В первый раз в жизни надену я беговые коньки, пробегу перед известным скороходом! «Но как пробегу?» — возник молниеносный и колющий вопрос.

Я сразу вспомнила, что на беговых коньках трудно начинать бег. Я видела старты и Марии Исаковой и Риммы Жуковой. Все они в начале дистанции машут руками, перебирают ногами, никак не могут набрать скорость... Воспоминания смутили меня.

«Где уж мне равняться на них?» — думая об этом, я машинально расшнуровала ботинок.

«А почему бы и не попытаться?» — с этой мыслью я снова зашнуровала ботинки.

Прошло полчаса. А я так и не решалась бежать.

Санин рассказывал Кушину последние анекдоты, он пытался развеселить могущественного тренера, заполнить паузу. Чувствуя, что без его помощи я еще час буду шнуровать коньки, он повернулся ко мне:

— Начнем, пожалуй. — Санин взял меня под мышки, и его прикосновение влило в меня уверенность.

— Толкните меня, — шепнула я своему тренеру. — Чтобы Кушин не заметил. Не умею брать старт.

Павел Михайлович оттолкнул меня, и я заскользила по льду. Я бежала в посадке. Значит, уроки, кото-

рые я на «гагах» брала у Дмитрия Дмитриевича, не пропали даром. Я пробежала один круг. Никто меня не окликнул.

«Значит, плохо,— решила я.— Надо сейчас постараться пробежать второй круг без единого сбоя».

Я пробежала подряд семь кругов. Наконец Кушин крикнул:

— На сегодня хватит. Раздевайся.

Кушин сказал: «На сегодня хватит!» — значит, я ему понравилась, значит, за сегодняшним днем будет зачет-рашней!

Но мне предстояло самое трудное — остановиться. Конечно, я могла, как на простых коньках, лихо поднять одну ногу, а на второй с шиком подъехать к Санину и Кушину, взметнув столб снежной пыли. Делать это мне не хотелось из двух соображений: первое, надо было оставить у Кушина впечатление, что я скромница, а во-вторых, я боялась, что тоненькие стрелочки беговых коньков не выдержат моего веса и сломаются в самую последнюю минуту.

Как же тормозить на этих коньках?

Чтобы не мучить себя этим вопросом, я взяла — и упала.

Тоже выход!

Поднявшись, подъехала к Кушину. Он был изысканно внимателен и щедр на комплименты.

— Превосходно,— повторял он.— Вы будете бежать. Только надо приходить на тренировку в рейтузах.

В этот же вечер мне дали рейтузы. Они были явно непригодны для тренировок, но я взяла их, а дома целый вечер — до самого ухода в ночную смену — штопала, подшивала.

Вечером я пришла на тренировку. Снова рядом

был не конькобежец, а гребец Санин. Его присутствие вдохновляло меня. Он очень помогал. Тем, что смотрел, как я катаюсь, тем, что иногда делал замечания, которые мне очень нравились. Я настолько верила Павлу Михайловичу, что, как по мановению волшебной палочки, моментально исправлялась для того, чтобы уже никогда в жизни не повторить прежней ошибки.

На тренировках все с интересом следили за мной — им странно было видеть такую высокую спортсменку. Спорили: получится или нет из меня мастер. Я же тренировалась.

Пристраивалась к мужчинам и ездила за ними по двадцать-тридцать кругов — я развивала выносливость. Мне нравилось, не чувствуя усталости, покорять ледовые километры. Я настолько полюбила беговые коньки, что трудно было представить, как до семнадцати лет я не бегала на них.

Через две недели ежедневных занятий я уже почувствовала, что первый этап ликвидации безграмотности в скоростном беге мною пройден. Я нашла рациональную посадку, учитывающую все особенности моей фигуры. Если я в первые дни тянула вниз плечи, касаясь носом льда, то теперь я научилась сгибать колени, бежать быстро, плавно, толкаться мягко, мои длинные ноги позволяли мне «тянуть» толчок ногой. Вместе с Саниным я строго продумала работу рук на повороте. Таким образом, получалось, что плеткообразные движения рук координировались с энергичной работой упругих ног...

Однажды — после моего ледового дебюта прошло, наверное, дней двадцать — на малый стадион «Динамо» приехала на тренировку сборная Советского Союза по конькам: Лидия Селихова — двукратная чемпионка

мира, Римма Жукова — гордость советского спорта, замечательная многоборка, которая по какой-то случайности до 1955 года не завоевала звание абсолютной чемпионки мира; на «Динамо» приехали чемпионы мира Олег Гончаренко и Борис Шилков, сильнейшие спринтеры планеты Юрий Сергеев и Евгений Гришин.

Несмотря на то, что на льду катались «звезды», нас никто не прогонял с катка. Несколько кругов я проехала медленно, присматриваясь к технике мастеров. Мне почему-то показалось, что, несмотря на мою первобытную технику, я не отстану от чемпионки и рекордсменки мира. Пристроившись к ним, начала круг за кругом кататься в «гусе».

Тогда я не подозревала, что Лидия Селихова и Римма Жукова катались в треть силы, они выполняли специальные задания тренеров по шлифованию техники, а потому им незачем было носиться сломя голову.

После шестого круга Римма Жукова обернулась ко мне:

— А я думаю, кто это там скребется? Девочка, дорогая моя, если хочешь научиться кататься, то сначала попробуй на кругу.

Хотя где-то в глубине души я чувствовала, что Римма Жукова была абсолютно права, когда делала мне замечание, я откровенно обиделась и гордо ушла с катка.

«Ишь, мастера! — подумала я про себя. — Как чуть-чуть вылезут в люди — сразу нос кверху и знать никого не знают!» — мысли эти были явно несправедливыми, но отделаться от них я не могла.

В этот вечер восемнадцатилетняя девушка совершила одно из самых позорных преступлений в своей жизни — своровала чьи-то чехлы.

«Пусть у меня коньки, выдавшие виды, но зато чехлы будут новыми. Членам сборной страны все равно они достаются задаром, а я ведь не просто так возьму — я и деньги предложу взамен», — искала я оправдания для себя.

Уже в метро я передумала: мне стало стыдно, и я вернулась на стадион. Когда я появилась в раздевалке, то увидела такую картину: по коридору ходил разгневанный Олег Гончаренко и восклицал:

— Безобразие! Это же что? Это же надо! Украли! На родном стадионе! Ни стыда, ни совести!

Слезы подступили к горлу. Я выбежала на улицу, подошла к урне и положила в нее чехлы.

После этой процедуры вернулась в раздевалку и сказала подругам:

— Чьи-то мужские чехлы торчат в урне.

Они всполошились:

— Где, где?

— На улице!

Кто-то из девчонок побежал на улицу, нашел чехлы и принес их Олегу Гончаренко. Тот развел руками:

— Наверное, я так волновался перед тренировкой, что положил их в урну. Так нельзя, нервишки надо беречь, — сказал он самому себе.

Через семь лет, когда я, как и Олег, стала трижды чемпионкой мира, я сказала Гончаренко:

— Алик, помнишь, как у тебя чехлы стащили?

— Ну, еще бы! Я их в урну положил по рассеянности. А когда не нашел, до того мне их жаль стало: ведь в этих чехлах я выиграл чемпионат мира — первый из советских скороходов. Понимаешь — они для меня были больше чем талисман.

— А ты знаешь,— перебила я Олега,— чехлы в урну засунула я. Сначала своровала, а потом стало известно — спрятала в урну.

— Не может быть,— усомнился Гончаренко.— Подошла бы, попросила, я бы тебе другие подарил, а ты прямо на талисман замахнулась! Что-то в этих чехлах действительно есть символическое... Прикосновение к ним делает человека трижды чемпионом мира. Я тщательно берег их, чтобы к ним не прикоснулся ни Сигге Эрикссон, ни Кнут Юханнесен... А тебе повезло,— пошутил Олег.

Прошло два дня после моего преступления. Я не показывалась на катке, мне стыдно было смотреть на подруг, на Григория Васильевича, на Санина — уж он-то, наверное, первый понял, в чем дело.

Стараясь заработать больше отгульных дней, я в эти вынужденные «каникулы» целыми днями пропадала на фабрике. Выходила даже во вторые смены. Я хотела, чтобы работа, которая мне очень нравилась, выручила меня, вернула к жизни, заставила снова почувствовать себя человеком, трудовым, гордым, который никогда и ни на что не променяет свою рабочую честь.

Заметив, что меня не бывает на тренировках, Санин прислал ко мне домой мою подругу из восьмерки. Она ждала меня до позднего вечера, но я трудилась во вторую смену и вернулась домой в первом часу ночи. Мама спала. Вовка храпел. На столе, прикрытый полотенцем, стоял ужин. Возле чашки лежала записка:

«Инга, лапочка! Что случилось? Почему тебя нет на тренировках гребцов и конькобежцев? Санин волнуется. Мы тоже. Как твоё здоровье? Не надо так

много работать. Работа — она не Алитет, в горы не уйдет... Шучу, конечно. Через день будет первенство городского совета «Динамо». Мы всей восьмеркой придем «болеть» за тебя. И Санина возьмем с собой. До завтра...»

Через день я пришла на стадион. Никто не сказал мне никаких бранных слов. Очевидно, случай с чехлами Гончаренко забылся. Я переоделась и вышла на лед.

Покаталась кругов десять за мальчишками. Разогрелась. Кушин объяснил мне, что сегодня будет не первенство общества «Динамо», а только отборочные состязания.

Тренер не сказал, буду ли я стартовать в этих соревнованиях. Переспрашивать мне не хотелось. Я опять вышла на лед и стала с наслаждением кататься. За эти два дня я очень соскучилась по льду, по скорости.

Когда начались соревнования, я перешла с дорожки в центр круга и начала разучивать технику поворота.

Уже стартовали все пары. Соревнования почти кончались. Осталась одна только девушка — сильнейшая перворазрядница «Динамо» Надя Корзова. По жребию ей выпало бежать одной. Она встала в этакую балетную позу. Я посмотрела на нее — и снова мое необузданное воображение перенесло меня к тем «черным птицам», которых я увидела на стадионе в своем дворе.

У стартера произошла какая-то заминка с пистолетом. Старт перенесли на несколько минут. Надя разозлилась. Она и раньше была недовольна, что ей выпало бежать одной. А теперь ее злость только усилилась. Неожиданно Надя увидела меня:

— А ты бежишь?

— Нет.

— Давай в паре со мной?

— А что? — спросила я себя. — Начинать так начинать!

Если и проиграю, так перворазряднице. Не обидно. На старте я стремилась изобразить такую же балетную позу, как Надя. На секунду показалось, что я выгляжу даже лучше, чем она.

Заулыбалась. Огляделась кругом.

Среди тренеров, столпившихся на «бирже», я заметила Санина. Куда делась вся моя напыщенность, картинность? Я растерялась. Застыла, как мумия.

В эту долю секунды прозвучал выстрел стартера. Надя молниеносно сорвалась и помчалась вперед. Я же осталась на месте.

— Ну, беги же! Чего стоишь? — закричали на меня.

Побежала. Бегу, а у самой одна мысль: «Не успела спросить у Нади, где меняться дорожками, чтобы, не мешая друг другу, финишировать по разным дорожкам».

Занятая своими мыслями, я не заметила, как пересекла линию финиша.

Итак, первый старт. Первый результат, с которого я начну свою дорогу в конькобежный спорт. Какой он будет, этот результат? Хуже, чем у всех остальных? Насколько хуже? Может, не совсем безнадежно плохой?

— Время Артамоновой — 68 секунд, — объявил диктор.

К великой моей радости, это время оказалось далеко не последним.

— Для человека, три недели назад ставшего на коньки, это отлично, — такую оценку я услышала от

Кушина.— Но самое главное, ты, Инга, стайер. На первенстве «Динамо» ты победишь три тысячи метров. Согласна?

— Вы еще спрашиваете! — воскликнула я, обрадованная доверием, которое оказал мне тренер. И еще я обрадовалась тому, что эти слова слышал мой самый дорогой человек — Санин.

На первенство городского совета «Динамо» пришли все мои подруги-гребцы. Они подбадривали меня:

— Инга, не выдай «академиков». Ты обязана прийти первой!

Я их успокаивала:

— Дай бог, чтобы не последней.

Когда я вошла в комнату участников, то ко мне обратилась женщина, вручавшая спортсменкам номера:

— Кто ты?

— Инга.

— Я спрашиваю фамилию, — прозвенел металлический голос.

— Артамонова.

— А ты занимаешься спортом? — недоверчиво посмотрела на меня эта женщина.

— Регулярно.

— Коньками? — переспросила она.

— И коньками тоже. Я, к слову, мастер спорта...

— Ах, мастер! — обрадовалась женщина и сразу же изменила свой пренебрежительный тон. — Значит, так: побежите с перворазрядницей Корзовой. Очень сильная спортсменка. Составит вам конкуренцию на первых кругах, — она заискивающе посмотрела на меня.

— Только я мастер спорта по гребле, — разочаровала я.

— Все равно побежишь с Корзовой. Она тебя научит, как шуточки шутить с пожилыми людьми,— тон ее снова стал агрессивным.

Старт забега сложился для меня неудачно. Через двести метров я упала. Пока поднималась, пока раздумывала, бежать дальше или сойти с дистанции, Надя стремительно уходила вперед. Мне не хотелось, чтобы мои гребцы стали свидетелями сокрушительного поражения, и я собралась с силами и решила догнать Надю во что бы то ни стало. Три круга перворазрядница оставалась впереди, но с каждым разом я приближалась к ней. На пятом круге мы шли уже рядом. На шестом я вышла вперед. Услышав скандирование гребцов: «Ин-га! Давай!», я прибавила темп, заработала руками. На седьмом круге Нади не было рядом, я даже не почувствовала ее дыхания, которое подгоняло меня все эти последние круги. Финиш был бурным. Победа для большинства болельщиков неожиданной. Неожиданна и для меня самой.

Вечером выяснилось, что я показала лучший результат среди спортсменок «Динамо» на этой дистанции.

Диктор, комментируя результаты, сказал так:

— Неожиданную победу одержала Инга Артамонова. Она всего три недели назад начала заниматься коньками. Среди ее подруг по команде никто о ней раньше не слышал и за соперницу не считал. К сожалению, мы не можем рассказать о спортивном пути новой чемпионки, победившей перворазрядниц и мастеров с первой попытки. Хочется надеяться, что Инга прочно войдет в когорту славных динамовских бегуний, которых долгие годы возглавляла неповторимая Мария Исакова.

«Ну, это уж слишком,— сказала я себе.— Это они

перехвалили». В следующее воскресенье открывалось первенство Москвы. За один день до соревнований мне торжественно вручили динамовскую форму.

Чемпионат Москвы разыгрывался на стадионе «Красное знамя» на Плющихе. Когда я надела в раздевалке рейтузы, то с ужасом обнаружила, что они доходят мне только до бедер. Это был какой-то кошмар. Рейтузы оказались сорок четвертого размера.

В то время как во мне было ни мало ни много — 175 сантиметров. Кое-как натянув рейтузы, я все же вышла на старт. Когда я пробегала мимо тренерской «биржи» то слышала:

— Кого это нашли динамовцы? Уродца какого-то. У нее туловище в три раза длиннее ног.

Скрепя зубы, не обращая внимания ни на рейтузы, мешавшие бежать, ни на насмешки, я финишировала первой. Мое время так и не удалось побить ни одной бегунье. Что же, начало отличное. Первый старт на чемпионате Москвы принес мне звание чемпионки столицы.

Тренеры решили, что я прирожденный стайер. Относительно моего будущего мнения, правда, разошлись. Часть тренеров считала, что я смогу и в дальнейшем прогрессировать; большинство же педагогов сходилось на том, что я никогда не буду многоборкой, ибо не смогу показывать хороших секунд в спринте. У меня, видите ли, длинные мышцы и плохая реакция, утверждали они.

Пока шла эта дискуссия, я продолжала быть первой во всех соревнованиях, в которых мне приходилось участвовать. После того как я выиграла приз памяти замечательного скорохода рекордсмена-партизана Анатолия Капчинского, погибшего в боях под городом

Ровно, обо мне впервые появились две строчки в газете «Вечерняя Москва».

«Молодая спортсменка Инга Артамонова, которая меньше месяца занимается коньками, выиграла дистанцию 3000 метров. Отличная заявка!» Я скупил в киоске Союзпечати двадцать экземпляров газеты. Забившись в телефонную будку, стала звонить всем друзьям и знакомым, боясь, что эти две строчки затеряются среди 4200 строк номера «Вечерней Москвы». Раз пятьдесят перечитывала я эту информацию, и мне было очень тепло на душе, приятно, что имя уже появилось в газете, радостно, что я не просто тренируюсь, но от соревнования к соревнованию неумолимо иду вперед.

После победы на первенстве Москвы меня включили в сборную центрального совета «Динамо».

Мы поехали на первенство страны, которое должно было состояться в Иркутске. Пять суток тряслись мы в поезде, мчались навстречу утру, солнцу и сорокаградусным морозам. Экспресс несся над могучими сибирскими реками, над маленькими речушками. И все эти реки и речушки, которые расчертили Россию, словно сеточки параллелей и меридианов, казались мне нескончаемыми ледовыми дорожками.

Страна утопала в снегу. За окнами оставались города и деревни с зовущими и романтическими названиями: Заозерное, Таежное, Усолье-Сибирское, Зима, Вихровка...

В иркутской гостинице меня поселили в одном номере с Зиной Кротовой — членом сборной страны.

Правда, три дня мы почти не видели друг друга. Соревнования шли чуть ли не круглые сутки — в тот год на первенство приехало слишком много участников.

Зина выступала среди сильнейших. Они бегали вечером. Мы же — основная масса участников — ночью.

На первенстве страны 1955 года я заняла двадцать первое место. Для начала это было совсем не плохо.

Но мне самой это место в третьем десятке не давало покоя. Возвращаясь в Москву, я грустно смотрела в окно, выходила в тамбур, наблюдая за дрожащими огнями городков и поселков. Соседки по купе утешали меня, цитируя вовсе неоригинальные пословицы:

— Первый блин и должен быть комом...

В Красноярске к нам подсел один картежник. Он начал высмеивать меня.

— Глупая, так тебе счастье привалило,— говорил он.

— Какое счастье?

— Двадцать первое место. Двадцать одно — это же очко. Когда я выигрываю двадцать одно, я уже что-то имею, я чувствую себя уверенным.

— Это в картах. А при чем тут я?

— Дурочка,— сказал картежник.— Счастье к тебе придет через год. Поверь моей интуиции, она меня еще не подводила. Через год обязательно будешь первой...

Я не слушала его: какой-то человек, фанатично влюбленный в свое двадцать одно, вещает мне судьбу, планирует мои успехи. Смешно!

А почему смешно? Неужели я не могу быть первой? Может, и прав этот картежник? Я была еще ребенком, наивная и хрупкая, я еще только училась ходить по земле, и я поверила, что через год обязательно буду первой...

На фабрике меня встретили радостно: друг не

отпугнуло мое двадцать первое место. Подруги, они оставались друзьями «и в беде, и в радости, и в горе», они обнимали меня и загадывали:

— А на следующий год попадешь в первую десятку. А года через три, глядишь, девочка с нашей фабрики станет чемпионкой страны.

— Скажете тоже! — застеснялась я.

Весной, когда растаяли беговые дорожки, я вернулась в секцию Павла Михайловича Санина, села на свое место — загребной в восьмерке. Снова наша лодка, тараня волны, преодолевала за день по сорок-пятьдесят километров, снова я тренировалась не только на воде, но и на площадках — играла в волейбол, баскетбол, толкала ядро, работала со штангой.

Как-то на водное «Динамо» приехала мужская сборная страны по конькам. В плане подготовки скороходов были тренировки на академических судах. В этот день я впервые разговаривала с живым и «взаправдашним» Евгением Гришиным.

Я была дежурной по эллингу — отвечала за чистоту на причале, за сохранность вещей. Обходя территорию лодочной станции, заметила сверкающий на солнце новенький итальянский велосипед. Рядом была небрежно брошена сумка.

— Чья это машина? — спросила я.

Ребята, которые играли на камнях в домино, лениво ответили:

— Одного пижона.

— Какого пижона?

— Мастера одного. Фамилию забыли. Он еще на олимпиаду в Хельсинки ездил.

— Не говорите глупостей. Сейчас тренируются конькобежцы. Они только через год впервые поедут

на Олимпиаду в Кортина д'Ампеццо, — строго пояснила я.

— Спасибо за информацию, — ребята отложили костяшки домино. — Может, товарищ дежурная нам и лекцию по спорту прочитает? — Они дружно засмеялись.

— Могу и прочесть, — сказала я. — А машину заберу в кладовую.

— Ради бога, — сказали игроки и, отвернувшись от меня, снова начали «забивать козла».

Спрятала велосипед в кладовую и пошла плавать. Часа через два, когда я уже вернулась в кладовую, на причале разразился скандал.

Один из конькобежцев спросил играющих в домино:

— Парни, где велосипед?

— Мы не сторожа, — отмахнулись ребята.

— Я вас спрашиваю серьезно, — сказал парень.

— И мы не шутим.

— Но вы же были рядом.

— А ты зачем бросил велосипед?

— А куда его девать? Все ребята приехали на автобусе, а я на велосипеде, — сказал конькобежец. — Прятать его не стал, подумал: кто возьмет...

— Зря ты так подумал, — заржали ребята. — Твоему велосипеду приделали ножки.

— Кто приделал? — закричал скороход.

— Дежурный! — ответили ребята, довольные тем, что разыграли удачно спортсмена.

— Я ему сейчас врежу, — пригрозил конькобежец. — чтобы знал, как людей баламутить...

Спортсмен направился к моей кладовой.

— Слушай, парень, — окликнули его игроки в домино. — Как твоя фамилия?

— А вам что?

— Интересно,— ответили ребята.— Ты же звезда, гордость нашего спорта. А вот фамилию твою мы забыли...

— Гришин,— ответил спортсмен.

— Женя Гришин? — переспросили ребята.

— Он самый,— засмеялся Женя.

— Ты по какому мастер?

— По велосипеду,— сказал Гришин.

— А чего же ты с конькобежцами приехал? — не поверили игроки.

— А по конькам я уже заслуженный. Вот так-то,— Гришин дал понять, что разговор исчерпан.

Он пошел к кладовой. Женя надвигался на меня — Гришин, участник Олимпиады в Хельсинки. О нем мне рассказывали гребцы Юра Тюкалов и Володя Крюков. Гришин — отличный велосипедист, победитель международных фестивалей, трековик, на равных споривший с Игорем Ипполитовым. Гришин — неповторимый конькобежец, спринтер, вечный соперник Юрия Сергеева, многоборец, который чуть-чуть не выиграл чемпионат мира в Японии, уступив лишь Шилкову и Гончаренко. Гришин! Живой! Настоящий! Сейчас он накричит на меня. Я не останусь в долгу — крикну на него. Поссоримся...

— Где здесь дежурный? — спросил Гришин.

— Я дежурная.

Гришин оторопел. Он надеялся увидеть перед собой мужчину, сказать ему несколько крепких слов... Перед ним стояла высокая девушка. С длинными косами, на хвостах которых розовели бантики. Эту девушку в те годы звали ласково «Персиком» — у нее была смуглая, покрытая нежным пушком кожа.

Гришин замер.

— Я думал...— сказал он, заикаясь.

— Вы извините,— начала оправдываться Инга.

— Что вы? Пра-вильн-но с-сде-ла-ли,— продолжал заикаться Гришин.— Спасибо вам.

— Я боялась. Вы так кричали,— улыбнулась я.

— Все бывает. Извините. Меня звать Женя,— он протянул руку.

— А меня — Инга!

— Чудесное имя. Очень приятно.

— Мне тоже приятно.

— Если можно,— сказал Женя,— пусть велосипед постоит еще. Я иду в баскетбол играть. Ладно?

— Мне не жалко.

Утром я уже потренировалась в восьмерке. А в середине дня увидела своих подруг по четверке.

— Инга выручай,— сказали они.

— Что такое?

— Лизка не пришла. Сядь вместо нее, помоги.

— Не могу,— начала я.

— Пожалуйста,— попросили девчата.

Я закрыла кладовую. Села в лодку. Нас оттолкнули. Гребцы взмахнули веслами — и я забыла о существовании Жени Гришина, о его велосипеде, спрятанном в кладовой.

Вернулись мы через два часа. Вытащили лодку. Идем, шутим, забыв об усталости. Вдруг я гляжу: на трибунах сидит один-одинешенек Женя Гришин. В шерстяных трусах, в футболке. Сидит и грустно смотрит на меня.

— Женя, простите,— сказала я.

— Все отлично,— перебил Гришин.— А вы отлично гребете. Я залюбовался.

Взяв велосипед, Женя подал мне руку.

— Я приеду в следующий раз,— сказал он и, застегнув туклипсы, выскочил на Ленинградское шоссе.

«Гришин...— подумала я.— Кому сказать — не поверят: видела, разговаривала, он руку пожимал, сказал, что приедет в следующий раз...»

Следующего раза не было. Так получилось, что мы тренировались в разные часы. Сборная страны — днем. Я — утром, так как работала весь месяц в вечернюю смену.

Встретились мы уже в сборной страны по конькам, в которую меня включили тем же летом 1955 года. Включили случайно. Дело было так. Я со своей подругой зашла в Скатертный переулок — в Госкомитет по физкультуре и спорту. Подруга должна была оформить документы для выезда за границу. Я пошла с нею за компанию.

В коридоре я встретила Константина Константиновича Кудрявцева, старшего тренера сборной Советского Союза по конькам. Поздоровались. Он пожал мне руку и вдруг, хлопнув себя по лбу, спросил:

— Ты что делаешь?

— Работаю на фабрике.

— Когда отпуск?

— Через неделю.

— Раньше нельзя? — спросил он.

— Можно. У меня есть две недели, которые мне положены по бюллетеню,— сказала я.

— По какому бюллетеню? — испугался Кудрявцев.

— Я работаю браковщицей. Рядом с нашим отделом находятся чесальный и лакокрасочный цехи. А у меня в детстве туберкулез был. Сейчас я снова начала чихать. Врачи посоветовали отдохнуть.

— Все ясно,— сказал Кудрявцев.— Ты не хочешь

поехать на Черное море? Летит туда вся сборная страны. Но одна из девушек не может ехать, у нее мать заболела... Решай сейчас. Я иду подписывать документы — включу в сборную.

— Я подумаю.

— Что думать? — подруга толкнула меня в бок. — Тебе счастье привалило. Поедешь к морю. Наверное, ни разу не видела его? Послушаешь рев прибоя, накупаешься, загорись! Что думать? — повторила она.

— Шутка ли, — сомневалась я. — Всего год назад надела беговые коньки — и сразу в сборную. Не верится! Там же одни чемпионы, мастера, великаны!

— А ты разве не великанша? — засмеялась подруга.

— Нет, я только длиннющая. А среди великанов я буду обыкновенным Гулливером. Помнишь, как великанша держала Гулливера в руке, держала потому, что забыла выпустить. А он, маленький, суетился между ее пальцев, кричал... Помнишь?

— Хватит философствовать, — перебила меня подруга. — Оставь свои литературные ассоциации. К тебе жар-птица прилетела, хватай...

Ритка открыла дверь и сказала Кудрявцеву:

— Константин... — она забыла отчество. — Дядя Костя, пишите ее в сборную. Не пожалеете. Она согласная...

Пешком по бульварному кольцу шла я на свою Петровку. Стройные шелестели тополя. Сплетничали воробьи в густой листве. Пенсионеры играли свои бесконечные партии в шахматы. Молодые мамы и папы катали колясочки. Грузчики из шашлычной распивали «на троих» водку, мешая ее с пивом.

Я шла и думала о судьбе Гулливера, которого судьба и безудержная фантазия Джонатана Свифта за-

бросили к великанам. Каково ему было, крохотному неопытному Гулливеру?

Лучше об этом не думать!

■ РАЗВЕДКА БОЕМ

Голова трещит так, что становится жалко ее. Наверное, я перегрелась вчера на солнце, когда тренировалась на восьмерке. Не знаю.

Знаю другое — через два часа мне уезжать в Гагры, на тренировочный сбор конькобежцев.

Заставляю себя подняться с постели. Солнце, безудержное, августовское, врывается в комнату, ласкает стены, усмехается надо мной. Мне не смеется: шатаюсь, добредаю до кухни, ставлю на плиту воду, пробую сварить кофе.

Август. Первые часы. Первый день. Последний месяц, а там уже полные девятнадцать лет. Девятнадцать! Ужас! Голова стянута обручем. Если я в Москве так перегрелась на солнце, что ждет меня на море, на знойном юге? Как смогу я вынести жару? Даже не представляю. Сама себя подбадриваю, напевая:

Будет свет маяков напряженный,
Побережий колючий туман,
Пусть к разлукам готовятся жены —
Мы вернемся к тебе, океан!

Делаю какое-то подобие пионерской зарядки. Начинаю срочно собираться.

На окне стоит торт. Это вчера, когда дома никого не было, я купила его, чтобы как-то не быть одинокой,

а по-семейному выпить кофе с тортом. Черный кофе с тортом я пила совершенно одна. И было мне ничуть не легко.

Время торопит. Проверяю себя: то, что нужно забыть,— забыто, письма знакомым написала, друзьям позвонила. Что еще?

А еще надо спешить.

К морю приехала вечером. Солнце уже устало светить за целый день. Солнце захлебнулось темнотой. Оно кивнуло на прощанье, засверкало каплями слюды в зернистом, похожем на окаменелую морскую пену камне... Из этого камня сложены домики в селе Миссери. Село небольшое.

Далеко, и справа и слева, маячат горы. С них-то и спускается гулкая, настороженная тишина. День еще не ушел, а вечер не наступил. Слышно, как плещется рыба в горной реке...

Переночевала я прямо на берегу моря.

Утром узнала, где остановились конькобежцы, и пошла на их базу. Было без пятнадцати восемь. Все спортсмены выбежали на зарядку. Я очень хорошо запомнила это время, ведь с того утра вся моя теперешняя жизнь начинается с «без пятнадцати восемь». Можно, разумеется, вставать и раньше, но позже «без пятнадцати восемь» нельзя!

На волейбольной площадке, где проходила зарядка, я увидела всю сборную страны, своих будущих товарищей.

«А будут ли они меня считать соперницей?» — пронеслось в голове. Я сразу же ответила себе: «Будут!»

Я опоздала на сбор примерно на неделю. Все места, понятно, были заняты. Но из любого самого немыслимого положения можно найти выход. Меня поселили в

комнату, где жили Тамара Рылова, Галя Савинцева и Нина Ясашина. Все они были мастерами спорта, а Тамара — даже мировой рекордсменкой. У меня же был в те дни только первый разряд. Я очень робела перед своими маститыми подругами по комнате. Но прошло несколько дней, мы пригляделись, познакомились, поружились.

В тот же первый день я вышла на тренировку. Она запомнилась мне на всю жизнь. Меня поразило, что конькобежцы трудились на тренировке гораздо меньше, чем гребцы. Побросали камни, валявшиеся по берегу моря. Камни эти заменяли нам ядра и диски. Побегали по гальке. Попрыгали. «Постучали» в волейбол. Сделали несколько имитационных упражнений — и все.

— И это все? — спросила я у Тамары Рыловой.

— Неужели тебе мало? — ответила она.

— Мало. У нас, гребцов, прогулки по сорок километров в день считаются нормой, — я пустилась в воспоминания.

— Так то у гребцов. Им легче, у них коллектив, — сказала подошедшая к нам Нина Ясашина.

Я не стала спорить с девушками. Ушла к морю. Посидела на песке, взгрустнула, вспомнив гребцов: действительно, там, несмотря на колоссальные объемы тренировок, было легче. Нас на восьмерке было восемь друзей. Восемь самых разных людей. Восемь сердец. Каждое по себе — и уже все восемь в одном сердце, в коллективе. Если ты уставала в гребле, то могла немножко отдохнуть. Подруги не обиделись бы и поработали за тебя. Тактично и незаметно пришли на помощь. В другую минуту, когда уставали они, ты работала с такой непреклонностью, что вливала в них силы — помогала им. Одна помогала семерым подругам. Словом,

чего не было в нашем маленьком, но дружном коллективе гребцов!

Здесь же, в коньках, было другое.

Если ты чего-нибудь недорабатывала на тренировках, то это лежало тяжелым грузом на твоей, и только твоей совести. Здесь не было такого коллектива, как в той же гребле. И не могло быть. Каждый скороход работал отдельно, улучшал свой результат. А это настораживало его товарищей, которые хотели сравняться с ним. Они перестраивали свои тренировки, улучшали технику, делали гибче тактику, вступали в борьбу с рекордсменом — и добивались новых выдающихся результатов. Такое соперничество двигало вперед конькобежный спорт.

Это я говорила о личном зачете. Но когда нужно было продемонстрировать силу коллектива, то все советские спортсменки, забывая о своих принципиальных спорах на дорожке, сражались дружно и упорно. И не было случая, чтобы они не победили!

На юге я увидела впервые не только Черное море. Я влюбилась в горы...

Глядя издали на горы, мне казалось, что их можно обнять, взять на ладонь. Я каждый день ходила в горы. Однажды, когда я гуляла с Лидой Селиховой и Соней Кондаковой, я увидела лианы. Я увидела их в первый раз. Во мне всколыхнулись воспоминания детства, захотелось поозорничать. Схватила за конец одной лианы и стала качаться, выделявая разные головоломные трюки в стиле небезызвестного Тарзана. У меня это получалось неплохо. Забыв о своих девятнадцати годах, я резвилась, как обезьянка. Внизу я увидела забор, высота его была метра два. Я не могла не прыгнуть через забор. Разбежалась. Оттолкнулась. Повисла на

лиане, перелетела через забор — и вдруг почувствовала, что лиана оборвалась. Я, не растерявшись, приготовилась к встрече с землей, сделала такое же движение, которое делают при приземлении парашютисты, прыгуньи в длину, высоту, с шестом. Несмотря на все мои предостережения, меня сильно пристукнуло об камни. После этого ребяческого катания на лианах я не могла целую неделю тренироваться в полную силу.

Вечерами сидели, играли в шахматы, шашки, разговаривали об искусстве кино, спорили о театре. Тамара доказывала, что ленинградец Товстоногов гораздо глубже, чем москвич Охлопков. Мы, столичные жители, не соглашались. Впервые от Тамары я узнала о том, что в роли князя Мышкина в Ленинградском театре выступает блестящий актер Иннокентий Смоктуновский. Тогда мы еще не видели на экране этого непревзойденного мастера, а потому слова Тамары Рыловой были для нас откровением.

О спорте мы говорили редко.

— Зачем говорить, надо показывать результаты, — считали мы.

Но иногда мы начинали спорить о спорте. Некоторые из нас сравнивали спорт с искусством, аргументируя свое утверждение тем, что спорт становится все более драматическим — хоккейные баталии, сражения на футбольном поле, на баскетбольных и волейбольных площадках; мы вспоминали, что спорт становится все более эстетическим — гимнастика, фигурное катание, прыжки в воду. Мы не забывали и того, что спорт — самая постоянная и сильная человеческая привязанность.

Как-то я попробовала в чем-то не согласиться с одной известной спортсменкой, та обиделась — как это

я, перворазрядница, смею возражать мировой рекордсменке?

Вспомнив о своих заслугах, о которых мы знали все, ибо они были настолько впечатляющи, что не знать о них было бы невежеством, она спросила меня:

— А ты почему здесь? Разве тебя включили в сборную страны? Странно все это: сюда приехали мастера и заслуженные мастера, а ты ничем не примечательная перворазрядница... Ты хоть в сборной? — повторила она свой вопрос.

— Не знаю, — искренне ответила я.

— А кто же должен знать?

— Тренеры, наверное!

— А заслуги, — спросила рекордсменка, — у тебя есть какие-нибудь заслуги?

— Я такой же мастер спорта, как и ты, — сказала я.

— По гребле, — засмеялась она. — Ты бы еще по шахматам завоевала, а потом хвалилась. Я спрашиваю тебя о заслугах по конькам.

— Таких заслуг у меня пока нет.

Задетая за живое словами рекордсменки, я не могла успокоиться, не хотела смириться с мыслью, что в спорте может быть разделение на ранги. Ведь у нас в гребле такого разделения не было. В пятьдесят втором году меня, еще неопытную пятнадцатилетнюю перворазрядницу, тренер команды мастеров Янина Казимировна Наумова посадила за гребной в команду мастеров, посадила на самый ответственный восьмой номер. И никто из подруг не вздумал возразить. Раз тренер считает, что на этом месте должна быть перворазрядница, значит, это правильно, и никакого обсуждения быть не может. То, что тренер была права,

подтвердилось на следующий год, когда наша лодка первой пришла к финишному створу на чемпионате страны, а я завоевала звание мастера спорта... Вот эти воспоминания о коллективе, который сделал меня бойцом, не давали успокоиться и лишь распаляли меня.

И я сказала рекордсменке обидные для нее слова: — Я очень уважаю тебя, как бойца, я преклоняюсь перед твоими рекордами, но я тебе хочу сказать: если ты хочешь, то уже этой зимой мы можем встретиться на беговой дорожке и побороться на равных. Посмотрим, кто еще будет впереди, ты или я!

Сказала — и мне стало стыдно, больно за себя, свою несдержанность, хвастливость. У меня было такое впечатление, словно я подержала в руке что-то скользкое и мокрое...

Кончился мой отпуск. Глубокой осенью вернулась я на свою ситценабивную фабрику. Подруги — и мануфактурщики, и чесальщицы, и художники по тканям — все засыпали меня вопросами: ну как? Было интересно? Не жалеешь, что провела отпуск не в доме отдыха, а на сборе?

Я рассказывала девочкам о сборной страны, упоминала имена Селиховой, Кондаковой, Акифьевой...

— Акифьевой? — переспросили меня. — Неужели она до сих пор бегают? Ведь я вместе с нею начинала бегать на коньках. Еще до войны, — удивилась чесальщица Нина Тимофеевна. — Оля тогда бегала на простых коньках. На дистанции сто метров она не знала конкуренции. Миниатюрная, она, перейдя на беговые коньки, быстро овладела техникой. Олю прочили в спринтеры. Но в тридцать седьмом году она стала чемпионкой страны в беге на пять километров. А на

следующий год Акифьева выиграла звание абсолютной чемпионки страны, опередив Марию Исакову, Валентину Кузнецову, Серафиму Паромову, Марианну Валову.

Слушала я Нину Тимофеевну и гордилась тем, что я была на одном сборе с такой выдающейся спортсменкой, которая на протяжении двадцати лет оставалась сильнейшей бегуньей в стране, а это значит, и в мире! Мне было странно лишь одно, что за полтора месяца Ольга Акифьева ни разу не заикнулась о своих заслугах. Этим самым она показывала пример нам, молодым, еще ничего не успевшим сделать в спорте, но зато тщательно взвешивающим на весах свои успехи.

«Как торговки на базаре, — подумала я про наш спор с рекордсменкой, — спорили, боясь продешевить», — и снова, в который уже раз мне стало непередаваемо стыдно.

В отпуске человек скучает по любимой работе. Как браковщица, проверяя качество мануфактуры, я заметила, что у нас появились более яркие и сочные краски, любопытные народные орнаменты.

— Откуда такие перемены? — поинтересовалась я у художниц.

— Это целая история! — ответили они. — Этот орнамент выполнил не один художник. Нам помогло народное искусство. Летом художники по тканям выезжали в творческие командировки на север нашей России. Мы уже много лет чувствовали, что нам не хватает знаний богатейшего народного искусства. Книжки, которые могли бы помочь восполнить пробел, выходили только до революции и сейчас стали библиографической редкостью.

Художники родственной нам Павлово-Посадской фабрики имени Я. М. Свердлова получили задание — реставрировать занавес Кремлевского театра. Это было трудно. Причудливые орнаменты, гармонические сочетания, создающие своеобразный пространственный ритм, богатство красок, доступное человеку, национальный колорит — все это в течение веков было украшением древнего Кремля.

Чтобы справиться с заданием по реставрации тканей, художники многих московских фабрик, в том числе и нашей, поехали на север — этот неиссякаемый источник народного творчества. Они были в городах, которые являются замечательными памятниками старины, — Архангельске, Соль-Вычегодске, Великом Устюге... Они перерыли все фонды краеведческих музеев, сделали сотни эскизов, художники заходили в избы, находили там замысловатые росписи потолков, стен, наличников, предметов утвари, кружев, полотенец, скатертей и нарукавников.

Слушала я этот рассказ и завидовала подругам: они побывали на севере, который всегда был и остается для меня загадкой, романтической сказкой — с тундрой и оленями, снежной пустыней, таинственной, как вселенная, и загадочной, как море... Север — это моя слабость. Она у меня еще со школы — после рассказов и романов Мамина-Сибиряка, Тихона Семушкина, после «Последнего из Удэге», о котором написал Александр Александрович Фадеев.

— Ну, и глаза у тебя завидующие! — заметили художницы. — Сама на юге побывала, а все ей мало. Неужели на юге хуже, чем на севере?

— Для кого как! — ответила я. — На юге красота красивая, экзотичная, а на севере красота, которая

нужна человеку в повседневной жизни. Об этом есть даже стихи:

Ты Пицунда, быть может, красива,
Ты, наверное, впрямь хороша,
Только мне вспоминаются ивы,
Шепот речки и стон камыша...

Я, браковщица, стою на своем рабочем месте в отделе технического контроля и, проверяя качество материала, не могу налюбоваться: шелковая ткань льется между пальцев, а я не отрываю глаз от орнамента. Кажется, что вся Русь вместилась в нем, как бы выхваченная из тумана веков, полная неповторимых красок. Смотрю — и орнамент становится для меня произведением искусства.

Орнамент. Удивительное переплетение, казалось бы, несовместимых начал: красок, химии, времени и творчества.

Шелковая ткань льется у меня между пальцев, а я все не могу оторвать взгляд от ее рисунка.

И самое радостное, что все это делаем мы, мануфактурщики Нина Тимофеевна, Вера Ильинична, я — все мы!..

Когда кончался рабочий день, я спешила на стадион. Глубокая осень плыла над Москвой. Я с нетерпением и боязнью ждала морозов, снега, который засыплет всю землю, ждала льда, чтобы вновь услышать мелодии скорости, чтобы доказать себе и другим — лето не пропало для меня даром, я окрепла, стала сильнее.

Я ждала зимы, ибо любила коньки, скорость, ветер, борьбу, разведку боем.

Я боялась зимы, ибо помнила об опрометчивом обещании побить мировую рекордсменку.

Ну что же, этот год станет для меня своеобразной «разведкой боем». Я полюбила это сравнение после того, как, десять раз перечитавши, поняла стихи Эренбурга:

А час спустя заря позолотила
Чужой горы чернильные края.
Дай оглянуться, — там мои могилы,
Разведка боем, молодость моя!

Мне было девятнадцать лет. Я еще только училась ходить по земле, жадно слушать жизнь, видеть, как лопаются почки в апреле, понимать, что минутная бестактность и невыдержанность могут надолго испортить настроение окружающим. Это я уже знала. Знания дались мне нелегкой ценой. Успехи в спорте не заставили меня быть менее требовательной к своему «я». Дружба гребцов помогала мне в тяжкие минуты. Поддержка товарищей на фабрике вливала в меня дополнительные силы.

Итак, девятнадцать лет, прожитые мною, были для меня такой «разведкой боем». Я была молода, не боялась смотреть в глаза тому, что ждало меня, я знала, что мужества требует наша жизнь, мужества! Я полюбила «разведку боем».

Я была уверена:

- Девятнадцать — разведка боем!
- Двадцать четыре — тоже — боем!
- Шестьдесят шесть — тоже разведка, тоже боем!
- Так — вся жизнь. Покой — он «только снится».

«Разведка боем,
Молодость моя!..»

Я тренировалась много. Когда я садилась в «гуся» за женщинами, то чувствовала, что мне такой нагрузки явно мало. Мой организм жаждал большего. Тогда я пристраивалась к Олегу Гончаренко и каталась за ним. Олег делал свое дело. Он не обращал внимания на меня. И уже одно это было отлично. Я старалась копировать движения чемпиона мира. Я училась у него воле, настойчивости. Неповторимая школа!

Возвращалась я домой, и мне не хотелось ничего делать — ни кушать, ни спать, было лень жевать, пить чай, идти в кино. Безразличное состояние длилось недолго. Я умела бороться с ним. Заставлю себя сесть за стол, достать какую-нибудь книгу на английском языке, читать. Немного отвлекусь. Сразу же пущусь в воспоминания о гребле. Там ведь уставала не меньше. И ничего! Выдерживала! А чего же сейчас распустила нюни? Трудно? Одна? Сумей перебороть себя, вспомни, как ты уже научилась это делать в гребле. Вспомни, как июльским днем пятьдесят четвертого года, когда мы отмахали по тридцатиградусной жаре двадцать километров и хотели отдохнуть, тренер Янина Казимировна велела разворачивать лодку и плыть в сторону Москвы. Помнишь? Ты не могла грести. Устала. Не хотела.

Тренер спросила тебя:

— Что такое?

— Я не могу, — ответила ты.

— Как не можешь?

— Так и не могу. Не могу работать!

— Но ты подводишь команду! — сурово отрезала тренер.

— Но я устала.

— А они не устали? — спросила тренер.

— Давайте отдохнем! Я не буду грести, чего бы вы ни сделали, — я была непреклонна.

— Ладно, — сказала Янина Казимировна. — Осталось десять километров. Команда тебя не будет катать за красивые глазки. Прыгай в воду и плыви к берегу. Выберешься на землю, отдохнешь, прибежишь в Химки. Прыгай!

Ты не прыгнула. Разозлилась на тренера. На себя. Тебя душило сознание твоего бессилия. Но, внушив себе, что нельзя бросать весло, ты поняла раз и навсегда: в жизни нет легкости, есть напряжение и ежедневные трудовые будни. И только тогда человек может почувствовать себя полностью человеком, когда он будет готовым к преодолению любых преград. Это аксиома. А она, как известно, доказательств не требует.

На последних тренировках я волновалась, как никогда в жизни. Не могу передать словами, что это было за волнение. Я не испытывала его ни раньше, ни позднее, даже на чемпионатах мира. Наверное, это волнение было от сознания того, что мне необходимо было открыть себя в этом виде спорта.

Перед первенством страны я не думала о том, что смогу стать чемпионкой. Даже не мечтала. Еще бы, в Свердловск после своей ослепительной победы на первенстве мира приехала «золотая» Соня Кондакова, здесь была прошлогодня чемпионка мира Римма Жукова, призерка первенств мира Вера Постникова и, разумеется, та самая мировая рекордсменка.

Я задержалась на фабрике, мы с подругами из драматического кружка готовили спектакль. Я играла главную роль. Сил было затрачено много. И мне пришлось покуситься своими интересами и задержаться в Мо-

скве, чтобы сыграть первый спектакль на вечере, посвященном Международному женскому дню.

Итак, когда я появилась в Свердловске, то с грустью была вынуждена констатировать, что все места в гостиницах заняты. Мне предложили поселиться в номере с нашими динамовскими лыжницами Алей Колчиной и Машей Поликарповой, приехавшими на свое первенство страны.

С Алей и Машей я очень быстро сошлась характерами. У нас были одинаковые интересы. Все трое любили фантазировать, спорить. А уж споры затевались на любую тему — о Галактике и первой космической скорости, о гипотезе Казанцева, писателя и инженера, относительно Тунгусского метеорита, о Театре имени Вахтангова и спектаклях Охлопкова.

Мы не были бы женщинами, если бы спорили только о высоких материях. Нас интересовали новые моды, цельнокроенные рукава, китайские свитеры и французские кофты, кто-то доказывал преимущества нашей шерсти перед английской гарусной.

Только о спорте мы не говорили.

В день соревнований я долго проверяла, правильно ли мне наточили коньки. Но как ни хотела я придраться, не могла: коньки были наточены безупречно.

Рекордсменка бежала в группе сильнейших. Она отлично прошла спринтерскую дистанцию и уверенно заняла первое место. Ее результат говорил сам за себя — 47,4 секунды.

На самой короткой дистанции я заняла только одиннадцатое место. Секундомеры зафиксировали мое время — 50,8 секунды. Меня убило это время. Можно занять одиннадцатое место, но быть от победительницы в пределах одной секунды, а я-то проигрывала ей три

с половиной секунды! Чтобы отыграть их, мне нужно было выиграть тысячу метров с разрывом в семь секунд, полторы тысячи метров — с преимуществом в десять с половиной секунд, а три километра необходимо было пройти на двадцать одну секунду быстрее. Двадцать одна секунда — это почти двести метров.

Только теперь я поняла, насколько я погорячилась на юге.

Соревнования на полторы тысячи метров лишь вначале привлекли внимание болельщиков — ведь бежали Римма Жукова, Лидия Селихова, Соня Кондакова, Тамара Рылова, Римма Белова. Все они отлично преодолели эту труднейшую дистанцию и, выявив между собой победителя, ушли в раздевалку дожидаться церемонии вручения медалей и призов. Лучший результат дня имела Римма Белова.

Я стартовала в предпоследней паре. Никто не следил за моим бегом, не помогал мне. Лишь беспристрастные судьи кричали, сколько осталось бежать кругов, да судьи на переходе успевали менять флажки, чтобы соперницы не перепутали дорожки. Когда я закончила дистанцию, то диктор, замешкавшись, сказал в микрофон:

— Кажется, не обошлось без сенсации.

Спохватившись, он выключил микрофон и стал дожидаться, когда судьи-секундометристы скажут ему мой результат.

Наконец я услышала:

— Второе место и серебряную медаль завоевала юная москвичка Инга Артамонова!

Все те, кто уже заранее распределил призовые места, были явно расстроены. Дебютантка опередила чуть

ли не всех «звезд». Бывают же случайности на белом свете!

Да, случайности бывают на белом свете. Но в разнообразии этих случайностей часто бывает скрыта определенная закономерность.

Поздно вечером мне вручили серебряную медаль. Не верилось, что холодный кусочек драгоценного металла завоеван именно мною, что я сумела победить и чемпионку мира, и экс-чемпионку мира, и дважды экс-чемпионку мира, и мировую рекордсменку. Не слишком ли много побед свалилось на твою голову, «юная», как сказал диктор, москвичка Инга Артамонова?

Уснула я, как ни странно, очень спокойно, сном человека, честно и много поработавшего днем. Во сне мне представилась таблица чемпионата после первого дня. Соня Кондакова занимала первое место по сумме двух дистанций, рекордсменка была на четвертом. А я занимала скромное пятое место.

Я обращалась во сне к старику Хоттабычу, чтобы он мне помог завтра победить... Победить не на чемпионате страны, а выиграть лишь у рекордсменки. Пусть я займу четвертое, а она пятое место — с этой мыслью я уснула во втором сне.

Интересно, что результаты чемпионата, которые мне приснились, на следующий день полностью подтвердились. Очевидно, в уме я сосчитала очки наиболее вероятных претенденток на первое место.

И наступил второй день. Забеги на тысячу метров составлялись по результатам забегов на полкилометра. Я снова стартовала в группе слабейших. Опять, как и вчера, на стадионе во время моего забега не было ни одной спортсменки из сборной страны. Все они рас-

ценили мою вчерашнюю победу как случайность и не верили, что после таких унылых секунд в спринте я пробегу хорошо тысячу метров.

В самую последнюю минуту ко мне подбежала Нина Ясашина и шепнула:

— Помни о споре! А чем бес не шутит?

Ах, этот уговор!

При чем здесь он? Когда кругом такая волнующая атмосфера борьбы. При чем вообще в спорте бабские разговоры, случайно брошенные слова, пустые обещания?

Мне хотелось победить, но победить не для того, чтобы кому-то что-то доказать. Это снизило бы ценность моей победы. Мне не терпелось доказать Инге Артамоновой, что человек может сделать даже невозможное, если захочет.

И если очень постарается!

После выстрела я зачастила ногами, стала работать руками, стремясь вырваться вперед или... в крайнем случае — улететь и промчаться над гладью льда.

В том забеге я работала ногами неумно, неэкономно. Это можно понять: была сила, молодость, задор, самовлюбленность, желание и умение ходить в «разведку боем».

Пробегая мимо будки, где тренеры выкрикивали мне загадочные «плюс один», «плюс три», «плюс пять», я старалась понять, что означают эти таинственные словосочетания. Но не могла. И не хотела.

Я уже пересекла линию финиша, когда услышала крики болельщиков:

— Хо-ро-шо!

— Мо-ло-дец!

Не поняла, к кому относятся эти крики. Наверное,

на дорожку выехала Соня Кондакова или любимица Свердловска «уральская молния» Римма Жукова.

Но оказалось, что это меня приветствуют уральцы!

«Что я сделала? Почему?» — думая об этом, я не заметила, как ударилась обо что-то плечом, упала. В глазах потемнело.

Я еще лежала на льду, когда диктор торжественным голосом, стараясь сработать «под Левитана», объявил:

— Новый мировой рекорд установила москвичка Инга Артамонова. Она пробежала тысячу метров за одну минуту тридцать девять и четыре десятых секунды.

Диктор сделал ударение на словах «тридцать девять», подчеркнув тем самым, что я первая на этих состязаниях выбежала из предела «сорока».

Кажется, я уже все сделала. Выиграла спор. Сдержала обещание. Но я не могла остановиться на достигнутом. У меня появились отличные шансы на абсолютную победу. Для этого мне нужно было победить ни мало ни много — двух чемпионки мира. «Два гроша надежды» — лучший фильм итальянского неореализма. Так вот я уцепилась за эти два гроша надежды, уцепилась так прочно и уверенно, что уже не могла смириться с третьим местом, таким долгожданным и почетным.

Не слышала я никаких разговоров, прогнозов. Ясашина не отходила от меня, она повторяла как заведенная:

— Ты можешь! Мы хотим... Ты должна...

Когда я вышла на старт, на стадионе творилось невообразимое. В раздевалке не осталось ни одной участницы. Все с нетерпением, с тревогой и с радостью ждали: что-то будет?

Мне было приятно сознавать, что все заслуженные мастера спорта признали во мне соперницу, и ждали моего результата, и верили, что я смогу пробежать хорошо.

Разве могла я развеять их надежды, подорвать веру в себя?

Нет, я все отдала победе!

Я выиграла последнюю — самую трудную — дистанцию, самую почетную, секунды которой венчают все усилия в многоборье.

Вечером мне вручили Большую золотую медаль абсолютной чемпионки Советского Союза. Я стояла на пьедестале почета, гордая и красивая. Фанфары трубили о победе. По радио неслись приветственные марши, и я в красном свитере чемпионки страны не могла сдержать слез.

Вечером я отдала свой красный свитер Маше Поликарповой. У нее на следующий день была эстафета, в которой Маша защищала честь моего родного «Динамо». Мне хотелось, чтобы Маша победила, чтобы все трое — и Аля Колчина, и Маша, и я — уехали из города металлургов, сильных и мужественных людей, покорителей огненных рек, чтобы мы все уехали чемпионками Советского Союза.

В гостинице меня ждали первые телеграммы.

Были поздравления от незнакомых друзей — с Камчатки, из Амбарчика, из Эгвекинота. Приятно было прочитать телеграмму от легендарной чемпионки Марии Исаковой.

Все же удивительно чуткие и отзывчивые у нас люди! Поддержат в трудную минуту, порадуются вместе с тобой в минуту радостную. Дорогие мои люди, незнакомые, близкие и далекие, спасибо вам, люди!

Утром я уже выехала в Москву. Мне не терпелось увидеть своих родных и друзей.

Через два дня я встречала на Казанском вокзале Алю Колчину и Машу Поликарпову. Маша с радостью сообщила мне, что мой красный свитер помог ей стать чемпионкой страны. Она все повторяла:

— Ты знаешь... Свитер твой просто чудо... Ты знаешь...

■ ПЯТАЯ ДИСТАНЦИЯ

Ранней весной вернулась я в Москву. Сугробы не ползли. Снег лежал грязный, пористый, жалкий. Он был каким-то очеловеченным.

По утрам еще падал мартовский снежок, но зима прошла бесповоротно. Она, правда, еще цеплялась за жизнь.

Не сошел лед на реках. В лесах снег начал таять, и тропки превратились в ручейки.

Я любила гулять по такому лесу. Одна. Под дождем. Под пасмурным и низким небом. Я блуждала среди серых деревьев. Пробовала на язык распускающиеся почки. Резвилась на проталинках, которые образовались под деревьями, где капель съела снег. Мертвая бурая трава проглядывала на этих проталинах.

Я мечтала увидеть ледоход, большой и рассерженный. Хотела взять на работе за свой счет два дня и поехать куда-нибудь на Оку, в район Тарусы, Прилук, Приокского заповедника.

В мае, когда прошел ледоход, я приехала в Химки, к своим гребцам. Каково же было мое удивление, когда оказалось, что нашей прежней восьмерки мастеров уже

не существует! Девчата разошлись, оставив спорт. Одни повыходили замуж. Другие уехали по комсомольским путевкам на целину, на строительство комбината в Темиртау.

Я стала кататься на одиночке. Это было даже лучше — трудиться в одиночку, самостоятельно. Дерзать, искать, находить, мучиться, рыдая от неумения. А потом постигать такую яростную радость одоления собственной слабости, гордое чувство нужного человека. Именно поэтому о самостоятельной работе я помню всю жизнь. Как о первой любви.

Гребля на одиночке сразу же получилась у меня. Павел Михайлович Санин, присмотревшись к моей работе, даже посоветовал:

— Попробуй счастья на одиночке.

— Попробовать можно, — ответила я, — но зачем?

— Оно и правда, — согласился Санин, — надо подумать, как сберечь нервы на десять или даже пятнадцать лет. Точно?

Летом я особенно много тренировалась в спринте. Было ясно, как дважды два, что без улучшения результатов на самой короткой дистанции я не смогу быть сильной многоборкой.

Спринт мне очень нравился. Моим кумиром был олимпийский чемпион Женя Гришин. Он настолько овладел техникой, что мог с закрытыми глазами десять раз подряд пробежать пятьсот метров так, что все шаги на дистанции полностью совпадут. Он бежал легко, захватывающе красиво. Его бег как музыка, как стихи.

Летом я записала в своем дневнике:

«Спринт нужен мне как воздух. И мое глубокое убеждение: любой человек должен заниматься спринтом. Спринт — это величайшее расслабление и в то же

время удивительная собранность. А ведь эти качества так часто необходимы нам в повседневной жизни».

В жизни любого человека перед каждым новым подъемом есть драматические паузы, полные сомнений, тяжких мыслей, граничащих, может быть, с отчаянием. С таких драматических пауз начался для меня новый сезон — зима 1957 года.

На отборочных соревнованиях в Медео я выступила плохо. Заняла седьмое место. Мой тренер в сборной страны Евгений Иванович Сопов понимал, что я и не могла показать отличных секунд в Медео. Мои легкие, подточенные в детстве туберкулезом, требовали длительной акклиматизации в условиях высокогорья, кислородной недостаточности. А я не могла вырваться с работы раньше чем за два дня до старта. Поэтому получилось так, что благоприятные для всех условия мне одной были самыми неподходящими. Я не могла понять, что происходит со мной, — кружилась голова, тошнило. Нервы были обнажены до предела. И это в двадцать-то лет. Мне очень хотелось доказать, что на прошлогоднем чемпионате страны я победила всех могучих соперниц не случайно. Но доказать это у меня не было никаких сил.

— Что с тобой, Инга? — спросил меня один известный журналист, очень авторитетный товарищ, всю жизнь описывающий конькобежные соревнования.

— Сил нет, — улыбнулась я. — Стара стала.

— Ты, наверное, мало тренировалась летом? — он задавал вопросы, чтобы подогнать мой ответ под уже написанную им статью.

— Как раз я тренировалась удивительно много, — разочаровала я журналиста.

— Так в чем же дело? — недоумевал он, занятый

одной мыслью — что делать со статьей, уже переданной по телефону в Москву.

— Дело в кислородной недостаточности, — ответила я.

— А, — протянул журналист, обрадованный тем, что нашел выход.

С легкой руки этого журналиста и родился миф, который более шести лет насаждали вокруг меня. Миф этот, как снежный ком, год от года обрастал новыми надуманными фактами, легендами. Смысл мифа таков:

— Инга Артамонова никогда не сможет показать хороших результатов, выступая на высокогорных катках.

Это был не только поспешный, но и абсолютно бездоказательный пессимистический вывод. К сожалению, он был взят на вооружение отдельными товарищами, ответственными за состояние конькобежных дел в стране.

Нужно было во что бы то ни стало развеять «сказки» о моей неподготовленности к сезону. Но как это сделать, если я могла даже не попасть в сборную страны, отъезжающую в Финляндию на очередное первенство мира? «Нет денег перед деньгами», — говорится в пословице.

Мне повезло. Правда, я уезжала всего лишь запасной, но и это радовало меня безмерно.

Приехав в Финляндию, я почувствовала, что обрела отличную спортивную форму. На тренировках бежала, не зная ни усталости, ни страха. Нисколько не волновалась перед стартами, наверное, меня успокаивало то, что я только запасная.

За день перед первенством мира мне сказали, что я буду участницей. Я приняла эти слова спокойно.

Мне почему-то в ту минуту вспомнилась встреча с советскими пограничниками, которые провожали нас

в Финляндию на станции Выборг. Солдаты пожелали нам успехов.

— Девчата, — сказали они. — Мы хотим, чтобы победили вы. Любая из вас, но только — вы!

Командир пограничников спросил у нашего руководителя:

— Я вижу среди спортсменок и Жукову, и Селихову, и Кондакову. Есть в сборной и моя землячка — вологодская спортсменка Тамара Рылова. Как вы думаете, кто из этого созвездия будет лучшим?

Наш руководитель ответил дипломатично:

— Или Софья Кондакова, или Тамара Рылова! Скорее всего, что у них не будет серьезных конкурентов в многоборье.

— А как же Селихова, Жукова? — спросил офицер.

— Ну, конечно, — ответил руководитель делегации, — и они могут потрянуть стариной. Лед скользкий. Он и покажет, кто сильнее. Жукова, к слову, может стать чемпионкой мира на трех тысячах метров.

Услышав эти слова, Римма, как всегда, скромно ответила:

— Ну что вы! Что вы! Я уже ничего не сделаю. А вот эта девочка, — Жукова показала на меня, — может ошеломить всех. Она хоть и запасная в команде, но эта «темная лошадка» отличается не только самым высоким ростом, а и еще десятком качеств, которые дают мне право верить в нее.

— Римма шутит, — пролепетала я, вызвав оживление и смех пограничников...

Стадион находился на возвышении, в центре леса, среди вековых сосен и елей. Раздевалок для участников не было. Стояли миниатюрные домики-шалашики с печками.

Всех удивило, что вокруг катка не было трибун. Мы даже немножко расстроились, ведь спортсмены очень любят болельщиков, которые переживают за них, подбадривают.

— Будут, однако, болельщики, — сказал мне главный судья соревнований господин Паркинен. Этот человек, инженер по образованию, чемпион мира по конькам, сумевший в тридцатые годы опередить Гласа Тунберга и Ивара Балангруды, внимательно прислушивался к нашим пожеланиям.

— Прийти-то они, наверное, придут, — гадали мы, — но вот где они сядут?

— На деревьях, — пошутил немногословный финн.

— А много будет зрителей? — интересовались мы.

— Тысяч двадцать пять! — успокоил нас господин Паркинен.

— Неужели они уместятся?

— Не волнуйтесь! — засмеялся финн.

Задумчивые, мохнатые, серые, зеленые, голубые, стояли над катком ели. Они любовались своим отражением в зеркальной глади льда. А кругом, до самого горизонта, сверкал снег — белый и ослепительный, настолько белый и настолько ослепительный, что посмотришь на него несколько минут — и глаза начинают слезиться.

Тренируясь на льду, я обратила внимание, что вся поверхность его изрисована замысловатыми картинами. Присмотревшись, поняла, что для льда более уместно сравнение с гербариями, собранными натуралистами и положенными под стекло. Да, да! На этот раз я не фантазирую — из-под льда на меня глядели глаза незабудок, анютиных глазок, алели гроздь рябины, зеле-

нела трава. Волшебная картина. Ее можно видеть только один раз в жизни.

— В чем дело? Что это за сказки?

На мой вопрос ответил господин Паркинен.

— Зима в этом году пришла неожиданно. Еще зеленела трава и цветы не хотели умирать, как ударили морозы. Стужа сковала землю. Не дожидаясь снега, мы начали заливать каток. Брали родниковую воду, душистую и прозрачную, втайне надеясь покрыть этот цветной ковер прозрачным, словно стекло, льдом. Это нам удалось. Выпавший позднее снег мы тщательно выметали, боясь повредить прозрачный лед. Заливали каток только в сильные морозы. И как видите, сюрприз получился, — сказал обрадованный господин Паркинен.

Я внимательно посмотрела на этого господина. Крупный инженер, капиталист, деловой человек, он не был наделен чувством юмора. Он говорил слова весомо и медленно. Поэтому так не вязалось с его обликом обещание, что все болельщики будут сидеть на деревьях.

Представьте себе на минуту: все население небольшого финского городка с утра спешит на стадион — с одеялами, пледами, лестницами-стремлянками. Спешат и стар и мал. Ибо в Финляндии спортом интересуется все население. За несколько дней своего знакомства с этой страной я успела убедиться, что финны не могут обходиться без спорта. На лыжах быстро и стремительно носятся и старики и подростки. Сегодня утром я увидела на лыжне молоденькую женщину, которая лихо неслась под гору. «Сама юность», — подумала я. Но, поравнявшись со мной, женщина случайно повернула свое лицо в сторону стадиона, и я удивилась — на лыжне была старушка лет шестидесяти, никак не меньше!

В день открытия первенства мира под столетними соснами и аллеями вырос снежный стадион. Финские рабочие привезли к катку горы снега из лесов. Слепили многоэтажные трибуны. Уникальное спортивное сооружение было возведено за несколько часов. Каждый болельщик приходил на стадион с маленьким раскладным стульчиком, в основном таким, которые берут с собой на зимнюю рыбалку наши неугомонные рыбаки. Представляя себе стадион в день первенства мира, я не ошиблась в одном: на коленях женщин и стариков краснели, синели, зеленели одеяла и пледы. Мелькали термосы, которые предприимчивые зрители не забыли дома. А мужчины... Впрочем, во всех странах мира мужчины остаются верны себе. Они предпочитают разогреться не только горячим кофе.

Стадион был непередаваем. Красив, сказочен, оригинален.

После торжественного открытия чемпионата мира к стадиону подъехала легковая машина. Господин Паркинен вынес из нее лавровый венок, который завтра должна надеть на себя новая чемпионка мира. Кто победит? Этот вопрос волновал всех. Прогнозы были единодушными: у советских спортсменов позиции настолько крепки, что они, как и русские шахматисты, будут делить золотые, серебряные и бронзовые медали между собой. Разумеется, могут быть и сюрпризы. Возможно, что расправит крылья абсолютная чемпионка мира 1951 года Эви Хуттунен, ветеран сборной Финляндии, сильная и опытная многоборка, замечательный мастер бега на длинные дистанции. Несмотря на свои годы — Эви было уже много за тридцать, — Хуттунен оставалась основной соперницей наших бегуний.

Чемпионат мира начался с неожиданностей. Я заня-

ла второе место в спринте, проиграв лишь Соне Кондаковой и опередив Тамару Рылову, которая в те годы не имела себе равных на самой короткой дистанции.

Ни я, ни Тамара не верили в реальность случившегося.

— Это недоразумение, — успокаивала меня и себя Тамара.

— Да, конечно, — соглашалась я.

Но недоразумение было развеяно в тот момент, когда главный судья вручил мне серебряную медаль.

Значит, правы оказались мои тренеры, доверив мне бежать на этих состязаниях. Значит, не пропали мои летние тренировки, когда я готовила себя к спринту. Значит, жизнь справедлива, сколько бы на нее ни наговаривали!

Одолев первую ступеньку, я уверенно пошла по остальным. Выиграла полуторку, тысячу метров, хорошо пробежала тройку и... Победа! Мне не верилось. Двухлетняя девушка стала чемпионкой мира! Абсолютной чемпионкой всего земного шара!

Я отказывалась верить.

В тот день я впервые услышала советский гимн на чужой земле. Это был гимн в честь Родины, в честь тебя, советский человек!

Я стала первой чемпионкой мира по конькам, которая ребенком перенесла войну, для которой детством были винтовочные и орудийные залпы, сорок первый год и горечь отступления до Москвы, для которой моментом гражданского самоопределения стал Двадцатый съезд партии. Я была первой чемпионкой нового поколения советских конькобежек.

Все участницы закончили соревнования, сняли коньки, стали просто зрителями. А мне предстояло высту-

пить еще на одной дистанции — проехать круг почета с лавровым венком.

Этот круг — одно из самых незабываемых впечатлений в жизни. Пятая дистанция, красивая, приятная... Ты, единственная из всех спортсменок, выступаешь не на четырех, на пяти дистанциях. И о том, что именно ты выступаешь на этой пятой дистанции, ты узнаешь в самую последнюю минуту. Круг почета — он вмещает в себя все: и первые успехи, и последующие неудачи, и разочарования, и взлеты. Все!

Медленно катилась я по стадиону. Сверху, со снежных трибун, к моим ногам летели цветы. Финны ликovali и кричали русское слово: «Здо-ро-во!»

Я бежала этот круг, и слезы счастья, прозрачные, сверкая в лучах прожекторов, катились по моим скулам.

Зрители требовали еще раз прокатиться по стадиону.

Но не успела я сделать и несколько шагов, как заметила, что трибуны стали опускаться, а зрители скатываться по снежным валикам вниз. Они бросились к пьедесталу почета, и мужчины, и женщины, и дети.

Мне пришлось остановиться. В ту же секунду сотни рук протянулись ко мне, и не успела я ничего сообразить, как почувствовала себя в состоянии невесомости; подброшенная вверх этими руками, я повисла в воздухе. Лавровый венок упал вниз. Его подхватили и тоже стали качать. Качали и меня и венок.

Когда я вынесла все перегрузки, которые, должно быть, испытывает летчик на сверхзвуковом самолете, меня отпустили. Я не могла стоять на льду. Меня проводили до домика, где разместилась наша команда. Я совершенно забыла про лавровый венок.

Примерно через полчаса в дверь постучались. Вошел высокий мужчина и, картавя, сказал по-русски:

— Мы немного порадовались. Ваш венок разобрали на сувениры. Теперь тысячи людей на всю жизнь сохраняют память о вашей победе. Извините...

С этими словами он положил на раскладушку венок. То есть вернее было сказать — веник, ибо на каркасе венка осталось всего семь лавровых листочков. Так и не пришлось мне поддержать в своих руках лавровый венок.

Римма Жукова успокаивала меня:

— У тебя впереди будет еще не один венок. Поверь мне...

Я верила. А что мне оставалось делать, чтобы хоть как-то успокоить себя?

Хотелось побыть одной. Снова пережить то, что я пережила несколько минут назад. Но в комнату вбежала Соня Кондакова:

— Инга, тебя вызывает Москва!

Пришлось подняться, пойти к телефону. Ведь в тот вечер я не могла принадлежать только себе.

■ ИСПЫТАНИЕ ВЫСОТОЙ

Нога распухла, и ботинок не снимается. Осторожно, чтобы никто не заметил, глажу голень. Тихонько подбираюсь рукой к самому больному месту — пятке. Пальцы ощущают кровь. Густую и коричневую. Что это? Неужели я разрежала и ботинок и ногу? А ведь впереди еще три дистанции.

Смотрю в окно. Мне ведь не привыкать к боли. Главное, суметь отвлечься. Так вот — окно. Что там,

в окне? Ничего особенного — мокрая погода. Рылова смеется: «Типично ленинградская!» Как она, Тамара, тренируется здесь? Удивляюсь.

Нет, так я не отвлекусь. Снова возвращаюсь к конькам. Нервничаю. Надо думать о постороннем. О чем?

А хотя бы об этом окне. Есть такие шуточные стишки:

Под окном вода,
Над окном вода,
За окном вода,
У окна вода...
И идут года!
И — туда-сюда,
И — сюда-туда!
Да-а?

А еще я помню, как Гайдар уверял мальчишек, что когда идет дождь или мокрый снег, то дым намокает и потому стелется по крыше.

Снег летел тяжелый и мокрый. Провожу рукой по стеклу, пробую поймать снежинку. Но напрасно — снежинки такие хитрые, остаются на той стороне стекла...

Кровь, как назло, не останавливается. Весь ботинок в крови.

Иду к врачу, Полина Афанасьевна хватается за голову:

— Немедленно в госпиталь. Я вызываю машину. С этим не шутят.

— Без паники, — пробую улыбаться. — Давайте поговорим серьезно — вы мне поможете?

— Что помочь?

— Я должна сегодня бежать полуторку!

— Ни в коем разе! Я, как врач... — торжественно произносит доктор Судакова.

— Вы, как врач, поможете мне, сделаете кое-что.

Я должна бежать. Если вы ничего не предпримете, я побегу так.

— Но ведь это сумасшествие! — восклицает доктор Судакова. — Где вы разбили ногу?

— Здесь. На дистанции.

— Но вы же неплохо пробежали пятисотку, — удивляется доктор.

— А вот цена этого неплохо, — грустно кивнула я, поглаживая ногу. — Все было тривиально. Мой забег решал многое. Мне выпало бежать с Рыловой. Она ведь классный спринтер. Я знала, что победить Тамару вряд ли смогу. Не хотелось много проигрывать. Точно первоклассница, забыла обо всем. Со старта сделала два немыслимых корявых шага. Запуталась — попала левым коньком в правую пятку. Боли не почувствовала. Вначале. К середине дистанции ногу свело. Бежать не могу. Но гордость не позволяет отставать. Знаю, Тамару не догнать. Так и прибежала к финишу, проиграв две секунды. Смотрю в раздевалке — кровь, и ногу ломит, словно ее пилой режут. Хотела перетерпеть. Не смогла.

Промыв спиртом рану, Полина Афанасьевна приступила к операции. Наложила швы. Диагноз ее был такой: порваны сухожилия.

— Удивляюсь, как вы сможете бегать сегодня и завтра. Я бы не советовала, — сказала врач. — Давайте я хоть вам ногу заморожу.

Судакова сделала укол. Боль пропала.

В таком состоянии я вышла на лед — размяться перед полуторкой. Каталась я, словно на протезах. Все время стопа больной ноги уходила в сторону. Пробовала контролировать себя, но спотыкалась.

Я разминалась неуверенно, скованная боязнью. Тру-

сость — черта характера, которую я презирала в других, — завладела всем моим существом.

Снова пробую отвлечься. Вспоминаю, как советский борец Иоганнес Коткас на одном из труднейших соревнований, когда решалась судьба командного места, в бою сломал себе ребро. И это перед решающим боем! Значит, неявка на ковер? Значит, поражение? Поражение и Коткаса и всей команды?

Нет! Ни слова не говоря даже друзьям, Коткас вышел на финальный поединок с противником, который весил сто сорок килограммов.

Коткас решил сразу же ошеломить соперника. Без всякой разведки он пошел в такую стремительную атаку, что противник испугался и на десятую долю секунды раскрылся. Этого мгновения было достаточно, чтобы стальные руки Иоганнеса Коткаса схватили его и прижали к себе, к своей груди, к сломанному ребру. Коткас жал соперника, готовясь к броску. Боль в груди только подгоняла его. Оставались считанные доли секунды, и если Коткас не сумеет перебросить через себя противника, то он проиграет, ибо упадет без сознания. Коткас сумел победить, превозмочь боль. Он не только сам стал чемпионом континента, но дал важнейшие очки для победы друзей...

«Нашла с кем сравнивать себя! — заговорила во мне вторая, ироничная и боящаяся красивых, высоких слов Инга Артамонова. — Коткас — великий спортсмен. А ты лишь начинающая. Титул чемпионки мира ничего не прибавляет. Была неопытной, ею и остаешься».

«Нет уж, — сказала первая Инга Артамонова, — нет».

Вот и все, Инга! Через минуту ты наденешь белую ленточку и после выстрела стартера помчишься вперед.

К победе. Ты поняла, Инга, только к победе! Вот сейчас, собственно, и проверится все, чего ты достигла в спорте. Сможешь ли ты победить в тот момент, когда победа по всем законам логики и рассудка кажется немислимой?

«Не слишком ли строго?» — спросила я себя.

«Вовсе не строго!» — ответила я себе...

Бег начала по большой дорожке. Близко к зрителям. Они кричали, требовали рекорда. Они ведь не знали о больной ноге.

«Какой рекорд? — думала я про себя всю дистанцию. — Дай бог добежать до финиша!»

«Хватит ныть!» — и, сбросив груз трусости и неверия, покатилась легко, свободно.

— Ре-корд! Ре-корд! — скандировали болельщики.

Рекорда я не установила, но зато не пропустила вперед ни одну из своих подруг. Хромая, поднималась я на пьедестал почета. Закусив губу, улыбалась, когда мне вручали золотую медаль чемпионки страны.

— Что с тобой? — спросила меня Соня Кондакова.

— Устала, — не моргнув глазом, соврала я.

— И я тоже, — ответила экс-чемпионка мира, нестареющая ветеранка нашей сборной. — Не знаю, как буду бежать завтра?

Воскресным утром над сумрачным Ленинградом плясала метель. Ураганный ветер неся с Финского залива. Проспекты выглядели уныло и скучно. Люди не пытались выходить на улицу в такую пургу. И только одинокие фигуры болельщиков с разных концов города тянулись на стадион. Их ничто не могло остановить: ни метель, ни расстрельный ветер.

Ленинградцы — люди очень объективные — страст-

но хотели, чтобы выиграла их землячка, студентка Института физкультуры Тамара Рылова. Но уже после первого дня зрители поняли, что я вряд ли уступлю Тамаре.

Второй день был счастливым для меня — я завоевала две малые золотые медали и одну Большую — медаль абсолютной чемпионки Советского Союза.

Это воскресенье я запомнила на долгие годы. И вот почему: три тысячи метров я бежала с дебютанткой первенства Валентиной Стениной — маленькой спортсменкой из Свердловска. Когда мы приняли старт, то я все боялась, что эту маленькую женщину снесет очередной порыв урагана, что она устанет после первого же круга, — слишком крохотной казалась она в сравнении со мной.

Я бежала по графику, который учитывал время всех лучших спортсменок страны, уже стартовавших передо мной.

Маленькая женщина не отставала. Мы шли конек в конек. Пораженные этим упорством зрители болели не за меня, а за уральскую бегунью. Это, видно, смущало ее. Валя нервничала, несколько раз сбивалась, но сразу же настигала меня.

Борьба шла всего лишь три-четыре круга. Когда впереди еще оставалась половина дистанции, я резко ушла вперед и, наращивая скорость, все дальше убегала от своей соперницы.

Валя боролась до последнего метра. Только отсутствие опыта помешало ей выступить лучше. Но опыт — дело наживное.

Я с радостью отметила для себя: на спортивном горизонте загорелась новая звездочка.

К счастью, я не ошиблась. Через неделю после пер-

венства Валю Стенину включили в сборную страны, и она стала готовиться вместе с нами к поездке на чемпионат мира в шведский город Кристинехамн.

Мое положение в сборной было самым тяжелым. Мне заявляли прямо в глаза:

— Ты обязана выиграть чемпионат!

— В тебе мы не сомневаемся.

Такой оптимизм раздражал меня. Во-первых, я трезво смотрела на соотношение сил среди участников чемпионата. Знала, что любая спортсменка может с полным правом претендовать на высший титул. Возьмите и Рылову, и Кондакову, и Белову, и Савинцеву. Даже Валя Стенина может преподнести не один сюрприз. В прошлом году я так же ехала на первенство мира запасной, но это не помешало мне быть первой... Это я назвала имена лишь советских бегуний. А что нам скажут конькобежки из Скандинавии? Не надо забывать, что наши подруги из Польши и демократической Германии, тренируясь с нами, переняли наш опыт, многому научились и выросли в грозных соперниц. И Елена Пилейчик, и Хельга Хаазе, и моя тезка Инга Гермер — все они настроены по-боевому и намерены включиться в борьбу за призовые места. Итак, это первое. Второе — лед скользкий, на нем не всегда побеждает сильнейший. Третье — моя больная нога не давала мне покоя. Особенно ночью. Но эта боль не была решающей. Я знала — смогу перетерпеть не только ее. Экзамен на чемпионате страны был хорошей школой воспитания мужества.

Боялась я другого — вдруг в каком-то уголке души у меня появится самоуспокоенность и я поверю «кукушкам», что у меня нет противников. Тогда всё! Можно ставить жирную точку. Срочно подводить итоги.

Если я хоть на минуту поверю в это, я кончусь как спортсменка. В коньках, в этом вечно молодом и бурном виде спорта, нельзя остановиться, как невозможно остановиться в часы «пик» на Садовом кольце, когда тысячи автомобилей спешат по самым разным адресам. Так вот, на Садовом кольце любое застывшее тело абсурдно; надо спешить вперед, двигаться, расти, иначе тебя обгонят.

Бывает так в жизни — шагает рядом с тобой хороший товарищ. Все-то вы делите поровну — и плитку шоколада и тарелку щей. Ну что же, в обыденной жизни нетрудно прослыть хорошим человеком. Но случается, что в размеренную жизнь врывается шквал. Начинается экзамен. Вопросы самые коварные. Например, шагали вы с товарищем по жизненной дороге. И знания у вас одинаковые, и таланта у обоих предостаточно. Но вот один из вас пошел вверх по административной лестнице. Заседания. Деловые знакомства. Сведения о жизни мастеров искусства, писателей, журналистов, чемпионов мира этот человек черпает прямо из первых рук. Он становится вхож во многие дома. Ему не отвечают по телефону: «Нету дома. Он велел сказать, что его нет дома». Он становится заметным человеком, твой товарищ. Но ведь он остается таким же, каким был до этого, — и таланта у него не прибавляется, и знания не повышаются, и книг он читает, конечно, меньше. Но что это? Откуда у него появляется поза? манерность? пренебрежение? уверенность, что, если говорит он, значит, это не должно вызывать никаких вопросов? А ты слушай, и вникай, и верь, часто вопреки всякой очевидности.

Что же здесь происходит? Ничего особенного. Человек достиг вершины. Но ведь для многих вершина

является и началом спуска. Это для тех, кто не выдерживает испытания высотой.

Обо всем этом я много думала перед первенством мира. Мне приходилось, когда я бывала в различных городах страны, выступать на собраниях перед рабочими, учителями, инженерами, учеными. Они все были нетерпеливы:

— Готовы ли вы отстоять свой титул?

— Что вам ответить? Конечно, я приложу все силы, — говорила я, — мне самой хочется победить, но я все время помню одну закономерность, которую я подметила, анализируя таблицы чемпионатов десяти последних лет: никому, кроме великой Исаковой, не удалось два раза подряд выиграть звание чемпионки мира. Так что, сами понимаете, мне хочется быть счастливым исключением...

Первенство мира началось торжественно. Фанфары, речи на всех языках. Улыбающийся вице-президент Международного союза конькобежцев Свен Лофтман, который убежденно заявил:

— У русских нет соперниц!

Почти все население города приветствовало участников чемпионата. И это не удивительно: в Скандинавии зимние виды спорта являются национальной гордостью. Когда проходят соревнования в Осло, то король Норвегии, если он не выезжает в те дни за пределы страны, находится на стадионе в ложе почетных гостей. А шведы и финны сделали традиционными встречи на лыжне между членами правительств двух государств. Даже президент Финляндии Калево Урхо Кекконен, несмотря на свои преклонные годы, с юношеским задором стартует в этих состязаниях!

Стадион кипит, переполненный страстями, прогно-

зами, спорами. Сверху несется громовое: «Хе-йя! Хе-йя!» Это приехавшие из Норвегии туристы подбадривают свою лучшую спортсменку Соню Аскерман-Ольсен. Это хозяева чемпионата приветствуют свою землячку Кристину Шерлинг. Это финские гости переживают за юную спринтершу из Суоми — Ирис Сихвонен. В гуле голосов я улавливаю знакомое: «Ин-га! Ин-га!»

Это кричат немцы, обращаясь к Инге Гермер.

Первенство началось с традиционного для меня поражения на пятисотке — самой трудной дистанции. И самой любимой — ведь всегда матери более близок и дорог тот ребенок, на долю которого выпало больше неудач, неустроенности, неурядиц. Мать готова все сделать для этого ребенка. Так и я — знала, что у меня не получается пока спринт, но чувствовала, что я могу постигнуть его. А постигнув, преодолеть любые самые невероятные секунды. Но в 1958 году эти мысли казались многим «маниловщиной» и «хлестаковщиной». Ведь мои достижения на пятисотке были более чем скромны: я проигрывала победительнице, которой в большинстве случаев была Тамара Рылова, почти две секунды. Это непередаваемо много...

Кого же я пропустила вперед? Разумеется, Тамару Рылову. У ленинградки отличный результат — 47,6 секунды. Намного опережает меня Соня Кондакова. Вот она — молодчина! Ей около тридцати пяти лет, но ее резвости завидует каждый. Она лишь четыре десятых проиграла Тамаре, а вот у Риммы Беловой выигрывает почти секунду. Я никогда не забуду Соню на берегу Черного моря. Это было в Миссерах. Я приехала на сбор заслуженных мастеров и мастеров спорта. Всех стеснялась. А Соня подошла ко мне и сказала что-то

ласковое, трогательное. Пригласила меня на вечер. Конькобежцы выступали с концертом для горнолыжников. Помню, Соня вспрыгнула на винную бочку и плясала. Она кружилась на этой бочке, как прирожденная дочь молдавских степей, в своей цветастой юбке, обаятельная, неотразимая, жизнерадостная...

Неожиданно впереди меня оказалась и финская бегунья Ирис Сихвонен. Стало быть, не зря ее подбадривали финские туристы. От этой девушки надо ждать сюрпризов.

Следующая дистанция внесла ясность в распределение мест после первого дня. Я выиграла полторы тысячи метров, но не сумела отыграть секунды, отданные Тамаре в спринте. Это было ясно еще до начала забегов. Слишком внушительной была фора.

Уснули наши девчата с радостной мыслью: все первые четыре места — наши. Жаль было, что Галя Савинцева выступила неудачно и мы не могли похвалиться «полным комплектом».

Утро следующего дня было обещающим. Галя реабилитировала себя за вчерашние посредственные секунды и выиграла тысячу метров у всех зарубежных спортсменок. Стремительно промчалась километровую дистанцию Соня. И с этого чемпионата мира она не уехала без медали. Это ли не пример мужества, стойкости и веры в себя. Я проиграла Соне целую секунду, но зато выиграла такую же, очень для меня важную, секунду в многоборье у Тамары Рыловой.

Теперь, чтобы повторить свой прошлогодний успех, мне надо было опередить Тамару на две секунды на последней дистанции. Задача эта была для меня выполнимой. В тот год я не встречала сопротивления на

этой трудной дистанции. Но все же перед забегом я перереволновалась изрядно.

Я должна была по жребию бежать в паре с Тамарой. Лицом к лицу. Но потом судьи переиграли жеребьевку, и мы с Рыловой попали в разные забеги. Томе не повезло — она стартовала передо мной. Я составила график по ее забегу. По плану мне хотелось выиграть только три секунды. Забег был последним. Опередить меня ни на дистанции, ни на многоборье никто не мог, если я пробегу по графику. Мне не хотелось выкладываться до конца. Ведь сезон не кончался первенством мира. Впереди еще были очень нелегкие старты. А силы таяли катастрофически. Шутка ли дело — выступление на первенстве мира.

Вместе со мной старт взяла молодая шведская спортсменка. Выступала она на этих соревнованиях не лучшим образом, а потому у нее не было никаких шансов даже попасть в первую десятку.

Тем не менее шведы, которые во все дни состязаний болели только за меня, в этом забеге хотели видеть победительницей свою землячку.

Я встала на старт. Приготовилась. Замерла на линии. «Скульптурная собранность, ничего лишнего, напряжение во всем! — говорила я себе. — Тебе нужна победа. Спокойно. Не рвись. Держись графика Тамары. Сейчас раздастся выстрел — резко уходи вперед и спокойно катайся все семь с половиной кругов».

Вместо выстрела я услышала лай. Оглянулась — на меня смотрели с трибун зеленые любопытные глаза собак. Этих собак — самых разных пород — было на трибунах много. Хозяева, уходя на стадион, не забыли захватить и своих друзей. «Собаки! — подумала я. — Что в них особенного? Милые ласковые друзья чело-

века. Никогда не бросятся на спину человека. Всегда предпочитают честную борьбу, чтобы встретиться с противником — с врагом или обидчиком — лицом к лицу. Что ты разволновалась, девочка?»

Собаки, разумеется, почувствовали, что я неравнодушна к ним. Они заерзали, начали скулить, чесаться.

Я не на шутку испугалась.

А у стартера, как нарочно, заело пистолет. Я не чаяла, когда раздастся выстрел. Стою, не смотрю на животных.

О беге уже не думаю. Весь график вылетел из головы. Мысли забиты одними собаками.

На одном из первенств страны, когда Римма Жукова финишировала, за ней помчалась по льду собака. Римма что было сил рванулась вперед — и миновала собачьих клыков.

Я засмеялась — в глазах встала картина, как на льду озера в Иркутске за нами бегала собака. Она не могла догнать нас, ибо у нее во время гонки когти проскальзывают назад. Особенно смешно было на поворотах: собака не могла резко затормозить и повернуть. Она несколько метров пробежала вперед, забавно разворачивалась и снова припускалась за скороходами.

«Будь что будет,— решила я,— убегу, если надо!»

И только я так решила, как один солист собачьего концерта вырвался из рук потерявшего бдительность хозяина и помчался к месту старта. Пса успели перехватить.

После выстрела я ринулась вперед, заработала руками, чтобы быстрее убежать от этих собак. Шведка так же выкладывалась на первых метрах.

Пробегаая еще раз мимо того места, где собаки не могли никак успокоиться, я закрыла глаза и зачастила ногами. Хватит ли сил на все три километра? Я об этом не думала. Хотелось быстрее кончить бег, чтобы не испытывать тошнотворное чувство страха.

На финише мое время оказалось на девять и восемь десятых секунды лучше результата Рыловой.

Я стала абсолютной чемпионкой мира! Повторила достижения норвежской чемпионки мира Л. Шоу-Нильсен, финки В. Леше и ленинградки Лиды Селиховой, которые в разные времена были двукратными чемпионками мира. Непобитым осталось лишь достижение Марии Григорьевны Исаковой. Оно-то и стало для меня главным ориентиром в последующие годы!

На пресс-конференции журналистов, которая состоялась после забегов, я попала под перекрестный «огонь» метких вопросов корреспондентов:

— Вы замужем?

— Нет еще!

— Почему?

— Есть латинская поговорка: «Кто быстро ходит, тот спешит к смерти».

— Госпожа Артамонова, конечно, шутница?

— Ну что вы...

— У вас есть жених?

— Сказать вам по секрету?

— Говорите, все равно об этом завтра узнает весь мир!

— Да, у меня есть жених!

— Кто он? — Какая у него профессия? Он кончил институт? — вопросы сыпались, как пулеметная очередь.

— Он по профессии химик. Института не кончил.

Но еще не поздно. У него было трудное детство. Надо было помогать матери. Он закончил техникум.

— Он занимается коньками?

— Разумеется.

— Он чемпион мира? — шла игра «Спрашивай — отвечаем».

— Он им станет на следующий год.

— Вы в этом так уверены? — спросили журналисты.

— Я ему верю так, как, может быть, себе не верю. И он выиграет самую трудную для меня дистанцию, — улыбнулась я.

— Следовательно, он спринтер, — обрадовались корреспонденты.

— Интересно, кто, кроме Гришина, может победить в спринте в будущем году? При всем уважении к вам, Инга, разрешите с вами не согласиться, — сказал обозреватель норвежской газеты.

— Дело хозяйское, — ответила я.

— Что помогло вам так быстро пробежать три километра? — начиналась новая серия вопросов.

— Собаки.

— Кто? — переспросили журналисты.

— Собаки, которые лежали у ног хозяев, а перед моим стартом залаяли, требуя отличного результата.

— Вы боялись этих собак? — спросил швед, загадочно улыбаясь.

— Я ведь женщина, господа!

Вечером этого дня в городском клубе был торжественный прием в честь участниц чемпионата мира. На банкете ко мне подошел редактор вечерней газеты и дал мне пахнувший краской свежий номер своего издания.

Под большой шапкой, которая возвещала о том, что Инга Артамонова стала чемпионкой мира, я увидела странный снимок. Это был даже не снимок, а фотомонтаж — по моим ногам, безжалостно удлинённым при печатании снимка, бежали собаки. Подпись под снимком, набранная очень крупным шрифтом, гласила:

«Только наши, шведские собаки помогли очаровательной Инге стать чемпионкой мира!»

Я радостно рассмеялась. Скандинавы были оперативны и предприимчивы. И еще — очень скромны!

Уезжая из Кристинехамна, я обратила внимание на собак, которых вели по другой стороне улицы. Собаки были в различных ярких бантах. Они ступали величественно и гордо, чувствуя свою неотразимость.

— Какая прелесть! — удивилась я. — Кто эти собаки? Почему о них так заботятся?

— О миссис, эти собаки — ваши друзья. Не будь их, вы не стали бы дважды чемпионкой мира. Теперь животные стали гордостью города. Муниципалитет будет заботиться о них. О, мы в Швеции умеем ценить заслуги!

И, словно отвечая словам переводчика, величественные собаки, которым посчастливилось в день чемпионата полаять на будущую победительницу и тем заслужить уважение современников, эти собаки залаяли дружно и визгливо:

«Ав-ав-ав-ав!»

В переводе на человеческий язык это означало:

— Мы самые великие собаки в мире! Мы можем делать, что хотим, и где хотим, и с кем хотим. Мы — гав-гав-гав!

■ МОМЕНТЫ ОПТИМИЗМА

Как-то привыкли люди, что им непременно надо советовать, что им обязательно кто-то должен помочь. Все это не так.

Больше всего обычно говорит тот, кто ничего не говорит. Это не парадокс. Для меня это формула жизни.

Уже больше года я работаю над книгой о том, как становятся чемпионками мира и что для этого надо, кроме «золотых ног», везения и спортивного счастья.

В этой главе я буду писать об оптимизме.

Илья Ильич Мечников назвал одну из своих книг «Этюдами оптимизма».

«Поиски оптимизма» — так определял свои искания, длившиеся почти тридцать пять лет, Виктор Борисович Шкловский.

«Моменты оптимизма» — заглавием я хочу сказать, что для меня жизнь — испытание оптимизма, испытание высотой, лазами, обидами, недоверием, придирками, сомнениями. Жизнь — это момент оптимизма. Понимаете — не голый, дежурный, оголтелый сплошной оптимизм, а лишь моменты.

Шкловский настойчиво ищет пути-дороги.

А я иду! Я уверена, что среди тысяч дорог к настоящему счастью я пойду своей — выстраданной, а потому и радостной.

Я много думаю: эта книга — что она по жанру?

Дневник?

Не совсем точно.

Записные книжки?

Это слишком просто.

Так что же?

Скорее всего это разговор с людьми; это, извините за помпезность, исповедь.

Тем, кто сомневается, я хочу сказать: «Я жила так! Где-то я ошибалась, где-то была принципиальной. Но самое главное, я не лгала себе, не ловчила, не изворачивалась ни в большом, ни в малом!»

Принято считать, что самый сильный человек — это человек единственной мысли. Всю свою волю, энергию, планы, стремления он обращает в один напор. Этому напору редко что может противостоять.

Я не из таких — меня увлекает и литература, представленная именами Чехова и Герцена, меня не оставляет равнодушной наука, которую создавали и Мечников и Фрейд. Интерес к спорту (а в спорте более сорока видов), восторг от поэзии, стремление понять театр, удивление перед наивностью кино (я не говорю о «Встрече с дьяволом» и «Журналисте из Рима») — вот что занимает меня.

И все это делает напор менее мощным. Не правда ли, сложное противоречие — цельность, которая выражается в стремлении много знать, но в котором уже слово «много» скрывает противоречие: «много» — это в какой-то мере разменяться по мелочам.

Я понимаю цельность как стремление вместить в свою жизнь все богатство нашего мира. Быть цельным — значит быть жадным к жизни, науке, искусству, спорту. Поэтому закономерно, что на разных этапах моей жизни меня увлекали и Белинский, и Фрейд, и Репин, и Сеченов, и Плеханов, и Роберт Рождественский.

В наших газетах и журналах, а особенно часто на радио можно встретить такие, на мой взгляд, странные письма: что такое космические зори, какую книгу на-

писал профессор Козырев, правда ли, что Байрон переплыл пролив, соединяющий Европу и Азию?

И журналисты в статье на сто строк или в радиопередаче на пять минут пытаются рассказать о самом важном, о чем написаны десятки книг.

Лично я всегда злюсь, читая подобные вопросы и подобные ответы. Неужели люди, задающие вопросы тривиальные, не научились в школе главному — умению самостоятельно учиться, обращаться к словарям и энциклопедии (а уж они-то есть везде)? Неужели журналисты не понимают, что такие короткие ответы приучают людей к поверхностности мышления, к узаконенному дилетантизму.

Как-то на вечере встречи с Эренбургом один из студентов написал записку: «Расскажите что-либо о Ван-Гоге. На пять минут!»

Писатель зачитал записку вслух. Весь зал засмеялся.

— Я не понимаю вопроса, — ответил Эренбург. — Если человек не знает его биографии, то об этом лучше прочесть в Большой Советской Энциклопедии; если говорить о Ван-Гоге как о художнике, то нам не хватит вечера. Это все требует специального изучения.

Эти строки я пишу в поезде, который катится к Южному Уралу — к его столице Челябинску, городу, давшему миру славную спортсменку, мою главную соперницу на беговой дорожке Лидию Скобликову. В Челябинске нас ждут очень ответственные и принципиальные соревнования на приз имени Якова Федоровича Мельникова.

Чтобы отвлечься от спорта, чтобы не думать о соревнованиях, я думаю о другом — о жизни... Уверена: человек должен быть мастером своего дела. Чтобы стать

таковым, надо много трудиться. Вспомните трудную тропу Арсеньева в дебрях Уссурийского края, вспомните мужественные опыты над собой врача Богданова, выматывающие расчеты Ландау, нескончаемые двадцатичасовые будни Курчатова и Маршака. Свободного времени у них было мизерно мало.

И у всех его немного.

Как использовать время разумно и целесообразно?

На этот вопрос трудно ответить.

Ранее я вспоминала об узаконенном дилетантизме, это когда об Алексее Николаевиче Толстом судят по его «Гиперболоиду инженера Гарина», когда на твое вполне логическое возмущение отвечают:

— Он не только фантаст. Знаем и без вас... Фильм он еще снял — «Сестры». Хороший фильмок. Там и Давыдов, кстати, играет.

Врубеля знают понаслышке, не видя его «Девушки в сирени», которая жадно ищет пятый лепесток — счастье свое ищет.

Кармен вспоминают только в связи с Бизе: «У любви, как у пташки, крылья — ее никак нельзя поймать». Об авторе «Кармен» Проспере Мериме стараются не вспоминать.

Прошлым летом, отдыхая в Сочи, я услышала в кинотеатре такую фразу. Полногрудая, лет пятидесяти женщина обращалась в фойе к артисту филармонии:

— Я бы вас очень попросила исполнить песенку Олега Стриженова из кинофильма «Пиковая дама».

Недавно я была в компании очень дорогих мне людей. Они пили сухое вино, взбалтывали коктейли — и спорили. О чем?

О Чаплине, лучших фильмов которого никто из них не видел. Спорили, кто лучше играет по правому краю

в сборной Бразилии. Я понимала: не надо требовать от этих людей невыполнимого. Они по профессии инженеры-химики. Зачем им, инженерам, людям, которые шестнадцать лет своей жизни потратили на учебу, зачем им знать, как толковал библию Лев Николаевич Толстой? Но знать историческое место Толстого в мировой литературе необходимо, иначе не поймешь, почему такая прелесть у него Наташа Ростова. А не осознав Наташи Ростовой, человек ущерблен, у него не будет той нежности, доверчивости, ласковости, открытости миру, которую завещал нам Толстой.

Психологической основой дилетантства, подмены системы познаний обрывками знаний является, на мой взгляд, то обстоятельство, что малокультурный человек не представляет границ своей неграмотности именно потому, что он не знает предела, которого мог бы достичь, глубоко вникая в науку.

Великий русский ученый Климент Аркадьевич Тимирязев мудро замечал по этому поводу:

— Надо знать обо всем понемногу, но все о немногом!

Нужно жадно слушать жизнь, проводить вечера не за просмотром телевизионной программы, а может быть, у картины Левитана «Над вечным покоем». Воспитание вкуса, чувств — вот что сегодня главное для нас, молодежи.

Поезд наш упрямо подбирается к Челябинску. Смотрю в окно — темная ночь обхватила половину мира своими жадными руками. Вдруг паровоз поперхнулся, резко притормозил, на верхней полке недовольно запричитал молодой парень, уроженец Чебаркуля. Он не знал, на ком излить зло, повертелся, потом увидел мои листки бумаги.

— Слушай, девочка, — обратился он ко мне, — гасила бы ты свет и спать ложила.

Что же? Он прав, этот парень: надо не мешать людям... Ухожу в тамбур. Там холодно. Стараюсь освободиться от всяких мыслей. Через три дня соревнования. «Что день грядущий мне готовит?» Ну, вот еще — не хватало только думать о коньках! Надо спать. Легко сказать. Бессонница иногда бывает для меня самым страшным врагом. Я искренне завидую космонавтам — счастливые люди: они засыпают, где хотят, где нужно, когда нужно, на сколько нужно... А я не могу. Считаю черных слонов, считаю длинноногих страусов...

Рано утром поезд остановился в Челябинске. Меня сразу же поразила взметнувшаяся вверх новая, еще недостроенная гостиница, сделанная из стали и стекла. Здание красивое, светлое, воздушное, современное. Но все же, подумав, я усомнилась:

«Ну хорошо — гостиница... Люди должны отдыхать. А ведь рядом вокзал. Бесперебойные гудки паровозов, электровозов и тепловозов, перезвон буферов и крики носильщиков, ежеминутные объявления по радио: «Гражданин Ивочкин, зайдите в отделение милиции или подойдите к справочному бюро — вас ищет жена...»

Днем в городе я увидела интересные афиши: «Московский областной хор». Прочитала очень внимательно названия вещей, которые вечером исполнит хор, и улыбнулась иронично:

«Хор? Это ли не скука? В кино идти не хочется. В театр — тоже. Пойти, что ли, послушать пение?»

Московский хор выступал во Дворце культуры Челябинского металлургического завода. Я приехала

к главному режиссеру Дворца культуры Давиду Борисовичу Перчику.

— Вы на Соколова пойдете?

— А как же! — услышала молниеносный ответ и резкое, не терпящее возражений предложение: — Да и вы должны пойти. Отдохнете перед соревнованиями. Вы живете в Москве и, наверное, не знаете, какой волшебник Владислав Геннадиевич Соколов. Народный артист! Нет, это что-то восхитительное, — говорил Перчик.

Оживившись, Давид Борисович стал пересказывать мне историю создания московского областного хора — хора профессора Соколова.

— Между прочим, они приезжают к нам после гастролей в Японию. Гастроли прошли с непередаваемым успехом. И где? В Японии, в которой песню любят, знают, понимают, в стране, известной всему миру «Поющими голосами Японии».

...Зал был переполнен. Сидели в проходах, на приставных стульях, толпились у дверей. Metallурги пришли во дворец празднично одетые. Мелькали ордена, Золотые Звезды Героев Социалистического Труда.

Наконец упал занавес. Освещенные прожекторами, на сцене стояли шестьдесят человек. Мужчины в черных фраках. Женщины в нейлоновых платьях. Стремительно появился профессор Соколов. Высокий, красивый, седой человек. Он повернулся лицом к хору, взмахнул палочкой.

— А-а-а-а, — на бумаге не передашь того впечатления, которое захватило зал с первой же секунды. — А-а-а, — метался ветер над снежным морем, беспомощно стонали деревья, злился мороз, на площадях

Москвы горели костры, была единственная за все столетие, страшная, темная январская ночь...

Засыпала звериные тропинки
Вчерашняя разгульная метель, —

мягко начинают женские голоса. Вступают мужские:

И падают...

Какая-то неестественная сила, неведомо откуда взявшаяся, подхватывает эти падающие снежинки, и весь хор без музыкального сопровождения начинает страшный рассказ:

И падают, и падают снежинки
На тихую задумчивую ель.
Казалось, что земля с пути свернула,
Казалось, что весь мир объяла тьма
И холодом отчаяньядохнула...

В зале по зрителям пробежали мурашки.

И холодом отчаяньядохнула
Испуганно суровая зима.
Шли лентою с пригорка до ложбинки,
Со снежного сугроба на сугроб.
И падали, и падали снежинки
На ленинский от снега белый гроб, —

так кончаются стихи Демьяна Бедного. Но профессор Соколов, работая над песней, не мог, не умел, не хотел поставить точку на этих словах, он не кончил песню словами о ленинском гробе.

Профессор Соколов вернул нас всех в пятиминутную паузу. 1924 год, когда остановились паровозы,

машины, станки, трамваи, когда английский шофер Келли, забыв обо всем, остановил машину крупного капиталиста: «Господин, сейчас хоронят Ленина...» Волшебная, гнетущая, объемная, очищающая тишина была на сцене, была в зале. И каждый проникался ленинской чистотой, и каждый невольно спрашивал себя: «А ты? Ты достоин тех высоких идеалов, во имя которых жил Ленин?» И в эту напряженную, раздумывающую тишину влилась песня:

И падают, и падают снежинки
На тихую задумчивую ель...

Хор умолк. Не было ни одного хлопка. В глазах слушателей застыли слезы. И сделать хоть одно движение казалось выше человеческих сил. Профессор Соколов стоял лицом к хору. Затем он поблагодарил зрителей, певцов и ушел за кулисы. Он шел по сцене, сутулый и усталый, понимающий, почему ему не хлопают, знающий, что ему благодарны сотни, нет — тысячи людей...

Хор исполнил двадцать восемь произведений. Двадцать пять из них он повторил на «бис».

Когда я шла на концерт московского хора, который должен был состояться в рабочем клубе, то мне думалось, что классические вещи хоровой капеллы будут встречаться дешевыми остротами, зевками, насмешками (не раз я была в клубах и знаю, как это обычно бывает).

Однажды в Иркутске я сказала Андрею Гончарову, одному из лучших декламаторов в нашей стране, «соавтору» всех современных поэтов:

— Почему, Андрей, вы ни разу не возьмете меня на свой концерт?

— Вы во мне разочаруетесь, — добродушно улыбнулся Гончаров.

— Ну что вы!

— Не верите? Тогда можете считать, что на сегодня у вас вечер испорчен, — с этими словами мы расстались до концерта.

Зал механического завода был переполнен. Гончаров посмотрел в зал. Андрей выдавил из себя улыбку. Почему так? Заслуженный артист республики, чем он смутился?

А он не смутился. Он понял аудиторию. Он знал, что этим рабочим — очень хорошим людям — он, Андрей Гончаров, интересен не как мастер художественного слова, а как актер кино.

— Это было после войны. Я решил стать артистом. После партизанского отряда... — Гончаров начал многозначительно, чтобы вырвать из зала восторженное «о-ох-ох!», — после партизанского отряда я приехал в институт, где из обыкновенных людей делают киноактеров. По внешности я вроде бы подошел. И вот когда я поднимался по лестнице, навстречу мне спускалась Любовь Орлова. Я остановился как замороженный. Подумал: «Вот если я дотронусь до ее руки, значит, буду студентом».

Дотронулся. Покраснел. Смутился...

А потом, снимаясь в кино, я держал за руки многих знаменитых актрис — и не краснел и не смущался...

Зал восторженно внимал Гончарову. Актеру же было не по себе. Он попросил показать на экране довольно примитивный фильм «Голубая стрела», в котором он играл главную роль. Зрители смотрели и радостно узнавали:

— Смогите — он! Он — смотрите! Похож...

Андрей подсел ко мне, интеллигентно выругался, помолчал.

— Я же говорил, просил вас не приезжать...

Во втором отделении Гончаров читал — читал ярко, зло, выразительно читал Маяковского, Есенина, Евтушенко, Рождественского... Читал и не называл авторов. И то ли потому, что зрители не знали этих строк, но по залу неслось:

— А Евтушенко хоть что-нибудь прочтите, — просили Гончарова после того, как он прочитал подряд семь стихотворений поэта.

Гончаров начал называть имена поэтов. Его слушали. Хлопали. Радовались: «Ну еще бы — живой киноактер!..»

Когда мы садились в машину, к Гончарову подошел председатель завкома и вымолвил:

— Вы бы басни почитали в другой раз. У вас бы басни пошли! Я уверен, — говорил он чтецу яркого драматического и лирического дарования.

Гончаров многозначительно улыбнулся...

В тот вечер в Челябинском дворце культуры металлургов я ждала, какой же будет реакция зала. Мне казалось в тот день, что ножницы между культурным уровнем певцов и рабочих слишком велики.

Жизнь — великий педагог, тактичный друг — преподнесла мне в тот вечер наглядный урок на тему: «Никогда не выноси быстрого решения. Страшись, Инга, окончательных выводов!»

Меня удивило, когда металлурги попросили профессора Соколова, чтобы хор исполнил «Песню Сольвейг» из «Пер-Гюнта» Грига. Удивило вот почему: металлурги сразу же почувствовали, какой репертуар у хора,

сможет ли московский областной хор исполнить «Пер-Гюнта». Metallурги просили наверняка.

В чем здесь дело?

А дело, наверное, в высокой культуре рабочих Челябинска. Тысячи людей занимаются в кружках и студиях одного только Дворца металлургов. Каждый год тысячи (тысячи!) малышей прослушиваются. Опытные педагоги определяют их музыкальные способности. И делается это для того, чтобы уже с малых лет ребенок знал: «У него есть еще один родной дом — Дворец культуры». Конечно, не из всех выходят Пироговы и Ирины Архиповы, но те, у кого есть способности, совершенствуются, растут... А те, у кого не оказалось способностей к музыке, те пробуют себя в других кружках, секциях, студиях.

Дворец культуры стал для металлургов родным. В минуту усталости, когда никакие дела не получаются, люди идут во дворец, сидят в музыкальном салоне, в читальном зале, они заходят в спортивные залы. Сначала — зрителями, а потом и участниками.

Во дворце нет ни одной таблички «Не курить!». Здесь никто и не станет курить. Ни в открытую, ни втихомолку, ни в кулак.

Внешняя культура и культура внутренняя необыкновенно тесно сплелись в уральских рабочих.

Вспоминаю уютный «домашний» ресторан с милым нашему сердцу названием «Березка». Это заводской ресторан. Даже в дни получек здесь не бывает драк и чрезвычайных происшествий.

Что ли, не пьют в Челябинске?

Нет, пьют. В субботу я специально зашла в магазин. В «Гастрономе» были одни лишь женщины: они толпились у прилавков с мясом, хлебом, стояли они

в очереди и за вином. Мужчин я не встретила в магазине, даже у винного отдела.

После работы металлурги идут прямо домой — короткий бодрящий душ, обед, обед с традиционной рюмкой водки, которую принесла жена. И мужу приятно выпить сто граммов после трудной недели, и жене хорошо — ведь муж не будет пить где-то за углом, около подворотни, не будет трусливо озираться по сторонам и искать себе «третьего». После обеда тихий час. А вечером выход всей семьей в кино, в парк, к друзьям, на каток.

Видите, какая идиллия! Но дело в том, что эта идиллия при всей своей банальности шлифует характер человека, воспитывает его чувства...

В зале во время концерта профессора Соколова, в фойе, в курительных — я нигде не почувствовала запаха водки. Уважая свой труд, металлурги уважают и труд артистов. В этом уважении было уважение и самих себя.

Концерт хора профессора Соколова длился четыре часа. Владислав Геннадьевич показывал на часы. Этот знаменитый жест в данном случае означал: товарищи металлурги, мы можем петь для вас сколько угодно, но завтра рано утром вам идти на работу. Не выспитесь...

Профессор Соколов создал свой хор из участников художественной самодеятельности. Объездив все Подмосковье, Владислав Геннадьевич выбрал восемьдесят человек. Он взял в свой хор простых русских женщин. Можно представить, сколько он работал с ними, чтобы создать свой великолепный хор. Не знаю, хотел или не хотел, но профессор Соколов в этапные для нашего искусства годы сумел доказать: вот ведь какие чудеса

могут делать люди. Простые, не слишком, быть может, грамотные, не очень красивые внешне и даже совсем некрасивые... Каждый человек по-своему талантлив. Любите человека. Не брезгуйте простыми людьми, коли вы хотите создать или увидеть настоящее искусство...

После знакомства с рабочим Челябинском я где-то внутренне переродилась.

Что поразило меня на Южном Урале?

Игра огня?

Конечно.

Люди?

Да!

Меня поразило сознание этих людей, высокое пролетарское сознание. Работники черной металлургии (какое изумительно объемное название дал своей неоконченной книге Александр Фадеев), так вот работники черной металлургии отдают себе отчет в том, на каком предприятии они работают... Они знают, что льют сталь. Эта сталь нужна всем: железнодорожникам, колхозникам, рыбакам, космонавтам. Во время выплавки стали из руды проходит множество технологических процессов. Я плохо помню химию. И совсем не знаю металлургию. Мне и не так уж обязательно знать их. Важно другое — что всё происходящее на заводе я увидела, словно прочитала умную, захватывающую, увлекательную, философски раздумывающую книгу.

О чем она, эта книга?

О стали.

И о шлаке.

Выплавляя сталь, металлурги выплавляют свои характеры — гордые, мужественные. Я не хочу быть слишком поспешной, но уверена, что в моих трезвых

представлениях о коммунизме, в формировании этих представлений решающую роль сыграло знакомство с Челябинским металлургическим, с его людьми...

Утро в городе начинается со звонков будильников. Вспыхивает яркая люстра Челябинска. Район, в котором расположен металлургический завод, называется Социалистическим городом. Дома и жилые массивы раскинулись с одной стороны завода-гиганта. В центре поселка — огромный сквер. Широкие магистрали веером сходятся у колонн роскошного Дворца культуры.

От этого дворца, опять же веером, бегут асфальтированные дорожки, они бегут через березовые рощицы, которые пролегали между заводом и жилым поселком, и которые являются своеобразным фильтром воздуха.

По этим дорожкам утром, в обед, в пересменок, вечером, в полночь текут реки, разноцветные, шумные, улыбчивые реки людей — металлургов.

Хорошее настроение начинается с утра, с первых же шагов, с первых слов. Металлурги улыбаются, хотя идут на тяжелую работу. Из репродукторов слышится: «По просьбе рабочего мартеновского цеха Анатолия Жевракова мы передаем песню «Березы».

Березы, березы, родные березы не спят...

Улыбается Жевраков, вслушиваясь в слова любимой песни. Улыбаются и ждут другие металлурги: а вдруг исполнят и их песню?

А вдруг?.. Голос диктора звучит торжественно: «Сегодня мастеру доменного цеха Сергею Тимофеевичу Демину исполнилось 39 лет. Мы желаем нашему имениннику счастья... Сергей Тимофеевич очень любит

песни. Послушайте, Сергей Тимофеевич, песню, которую вы пели в окопах — в том, огненном сорок третьем».

На поленьях смола, как слеза...
До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти четыре шага.

Смущенный, неловкий, но радостный идет доменщик Демин на свой завод. Его поздравляют, обнимают, шутят, вспоминают песню: «Мы не можем тебе в день рождения дорогие подарки дарить, но зато в это утро... можем мы...» — и начинается импровизация стихов.

Что это? Фактик? Деталь? Штришок?

Маленькая, но такая огромная деталь, говорящая о внимании к человеку, к каждому из десятков тысяч людей...

В дни конькобежных соревнований стояла тоскливая, промозглая, водянистая погода. Metallурги шли утром, выставляя навстречу ветру плащи и хлорвиниловые куртки. Наверное, у большинства людей было плохое, тягостное настроение. А из репродуктора выскользнула и понеслась над рощей задорная песенка пионеров:

Если дождик пойдет, мы и дождику рады,
Если ветер — нам легче идти.

Смолкла песня, и кто-то могучим басом начал читать в микрофон стихи Маяковского:

Дождик, дождь,
Впустую льешь —
Я не выйду без галош.
С помощью Резинотреста
Мне везде сухое место!

Стихи эти встречаются с улыбкой.

Я потому с большого вопроса перебежала на эти

промозглые дорожки, что мне они кажутся добрыми ласточками чуткого отношения к человеку, к рабочему коллективу. А кто это относится так чутко?

Люди! Сами рабочие, которые чувствуют свою большую ответственность за хорошее настроение, за хорошую, совсем хорошую жизнь...

Люди Челябинска... В них я увидела нечто роднящее их с петербургскими рабочими, теми, которые в семнадцатом году утвердили на земле справедливость. Это не слова.

Что есть коммунизм?

Для меня это вопрос вопросов. И ответ на него начал выкристаллизовываться на металлургическом гиганте.

Идешь по заводу. Звучат твои металлические шаги в пролетах цехов, в «огненных» промежутках между мартеновскими печами, в вышине эстакады доменного цеха. Идешь — и в такт шагам стучит в голове:

Я знаю — город будет.
Я знаю — саду цвести,
Когда такие люди
В стране Советской есть!..

Завтра — старт. Это будут трудные сражения. Мне надо собраться и не проиграть Лиде Скобликовой, ведь Челябинск ее родина. Здесь она училась, росла, воспитывалась, стала олимпийской чемпионкой...

Итак, завтра бой. Я возбуждена. Я жду его, боя.
Быстрее бы завтра!

А он, мятежный, просит бури,
Как-будто в бурях есть покой!

А ведь в бурях есть покой. Он есть для тех, кто умеет встречать ветер, кто не может уйти в тишину,

кто, подобно горьковскому буревестнику, как заповедь, повторяет в минуты перед боем:

— Пусть сильнее грянет буря!

.

Как будто в бурях есть покой!

■ Я ВЕРНУЛАСЬ ЗА ПОДСНЕЖНИКАМИ

Когда в 1962 году я за весь сезон не проиграла ни одного соревнования, установила четыре мировых рекорда и сумела в третий раз завоевать лавровый венок чемпионки мира, то удивленные корреспонденты различных стран задавали мне один и тот же вопрос:

— В чем секрет ваших успехов?

Совершенно искренне я отвечала:

— Не знаю.

Прошло четыре года после триумфа в Иматре. Я «постарела», должно быть, поумнела, но все же и сегодня мне трудно ответить на это элементарное: «В чем секрет ваших успехов?»

А секрет скорее всего в том, что никаких секретов у меня не существует, все идет закономерно, своим путем — путем упорной тренировки, учебы и приобретения опыта на многих соревнованиях. На мой взгляд, истинная причина успеха в состязаниях заключается в правильной оценке завоеванных результатов, которая служит исходной точкой для достижения более высоких результатов и целеустремленных тренировок. Видите, как все просто, диалектический закон отрицания отрицания...

Стартуя во многих соревнованиях, я приобрела большой опыт, довела до совершенства технику. Все ли было гладко? Конечно, нет! Мой путь к лавровым венкам и золотым медалям не отличается от пути, пройденного любым спортсменом высокого класса. Здесь не могло быть неожиданностей, ибо каждый успех мой служил подготовительным этапом к дальнейшему совершенствованию и улучшению результатов.

Я всегда советую Инге: «Главное — не обольщаться, не терять чувство реальности и трезвой оценки!»

Я знаю больших конькобежцев, которые настолько погружались в оптимизм, что едва удавалось спасти их. Сколько мастеров сгорело на кострах из фимиама!

В любую минуту спортсмен должен помнить, что, если у него все в порядке, значит, что-то обязательно не в порядке, где-то недоделано, упущено. Лично я, когда права, всегда бываю начеку. Наверное, поэтому мне посчастливилось десять лет быть первым-вторым номером в сборной Советского Союза.

Работая над этой книгой, я внимательно и критически просмотрела дневники прошлых лет. Мне стало смешно: мы, чемпионы мира, Европы и Олимпийских игр, готовились в те дни мизерно (по сравнению с сегодняшними объемами) мало: два дня тренировались, день отдыхали; бывали случаи, что и по два дня отдыхали. После зимы наступало «выключение». В апреле, к примеру, ничего не делали. На велосипедах за год наезжали до двухсот километров, а тех, кто достигал трехсот километров, считали «феноменами». В программу тренировок летом входили лишь роликовые коньки и велосипед плюс примитивные занятия волейболом, баскетболом, дилетантские упражнения в теннисе, гимнастике и легкой атлетике. Помню, наступал зимний се-

зон — и мы всю «физику» (общефизическую подготовку) забрасывали. Засверкал лед — нас уже не увидишь в зале, мы все мчимся по льду...

Но даже в те дни мы понимали: надо перестраиваться, переходить на круглогодичные тренировки, необходимо ликвидировать переходный период, колоссально увеличить объем и интенсивность тренировочных нагрузок. Мы это понимали, но ничего не делали, чтобы изменить распорядок занятий. Почему?

Как ни парадоксально это звучит, но нашим тормозом были наши же успехи. Мы побеждали. Успехи гипнотизировали. Мы забывали, что противник ищет у нас чувствительную струну, чтобы порвать ее.

Для меня лично самым главным противником, которого мне приходилось бояться, была Инга Артамонова. Эта девушка иногда верила, что у нее не может быть соперниц. Веря в это, она всегда проигрывала.

В те трудные дни, когда цепная реакция случайностей и неудач преследовала меня, я попала под безжалостную и необъективную критику со стороны тренеров, товарищей и, уж разумеется, журналистов. Мое имя склоняли, когда нужно было привести пример, что спортсмен, ежели он зазнается, перестает быть настоящим спортсменом. Мои подруги, которые у меня научились внутренней гармоничности движений, шептали про меня:

— Сломалась наша мать! Она совершенно не верит в себя!

В одном из своих очерков Римма Жукова, прославленная советская чемпионка мира, писала про меня так:

«На фоне успехов Инги ненужными казались усилия трудолюбивой Тамары Рыловой или волевой Валентины Стениной. Инга могла поразить всех на тренировке,

идя круг за кругом, не отставая от мужчин-сорокоходов, но она могла и совсем не прийти на занятия. Все зависело от настроения, целеустремленности не чувствовалось».

Я-то знала — в этих словах много неправды. Я не помню случая, чтобы я пропустила тренировку просто потому, что мне не хотелось работать. Чаще всего у меня были какие-то причины: обострившаяся болезнь легких, язва желудка. Я знала, что я могу излечить эти недуги, занимаясь спортом, но мне не хотелось, преодолевая подчас боль, тренироваться вместе с подругами. Я не привыкла делиться своими сомнениями даже с близкими друзьями, даже с любимым. Я приходила к людям с готовым утверждением. И если я вправду отсутствовала на тренировках, как пишет Римма Михайловна, то это значит, что в эти часы я занималась не на стадионе «Динамо», где готовилась сборная Москвы или страны, а на тихом стадиончике «Красное знамя», где катающиеся даже не подозревали, что вместе с ними на льду скользит чемпионка мира. Это освобождало меня от скованности — ведь перед подругами по сборной я не разрешила бы себе кататься кое-как, нетехнично, забывая о ритме и мелодии скорости. А там, на этом стадионе, я чувствовала себя внутренне свободной — и летела, и летела круг за кругом, покоряя ледовые километры. И мне не жаль ни одного из этих километров. Только обидно было выслушивать иногда: «Но она могла и совсем не прийти на занятия».

Впрочем, такие слова меня мало трогали. Я знала, что в жизни человека перед каждым новым подъемом бывают драматические паузы, полные раздумий и сомнений, иногда почти на грани отчаяния...

Первенство страны по конькам 1962 года должно

было разыгрываться на высокогорном катке в Казахстане, с которым в моей жизни были связаны сплошные неудачи. Я проиграла здесь отборочные соревнования пять лет назад, перед первенством мира, и попала в команду лишь запасной. После этого проигрыша родился пресловутый миф, что я не могу выступать в условиях высокогорья, что мои легкие, подточенные туберкулезом, вряд ли смогут работать с полной силой при кислородной недостаточности.

Миф этот уже сыграл свою роль на первенстве страны в 1960 году, по результатам которого составлялась сборная Советского Союза для участия в Олимпийских играх в Скво-Вэлли. Я упала на спринтерской дистанции и фактически не могла бороться за путевку в Долину Индианок.

Обидно, ведь я в те дни еще не достигла лучшей формы, а к моменту открытия Олимпийских игр надеялась быть во всеоружии. Но...

На Олимпийских играх Лида Скобликова выиграла обе мои любимые дистанции — и полуторку и тройку. Кто знает, как сложилась бы борьба, будь я среди участников Олимпиады. Ясно одно, Лида пробежала бы еще лучше, порадовав Родину рекордами. Да и меня, двадцатитрехлетнюю, не надо было списывать со счетов...

Вот чем был для меня лед высокогорного Медео. Горьким льдом, льдом сожалений, падений и сомнений.

Нужно было во что бы то ни стало развеять миф о моей неспособности бороться на высокогорных катках.

Мой тренер Лило Горкунов посоветовал мне приехать в Медео задолго до стартов — за двадцать семь дней.

Пришлось оставить все домашние дела, договориться

в институте о перенесении зимней сессии и уехать в Алма-Ату.

Тридцать первого декабря самолет оторвался от земли. Мне предстояло встретить Новый год в пути. Ну что ж! Одиночество закаляет человека, заставляет его быть собранным и сильнее. Но это только на короткое время.

Первого января я отдыхала, читала книги, изучала учебник физиологии, слушала магнитофон. Сильно болела голова. Боль, как обручем, сковала мне черепную коробку, в моих изможденных мозгах все перепуталось, смешалось. Я думала лишь об одном: «Что год грядущий мне готовит?»

Все двадцать семь дней перед первенством страны я тренировалась по специальному плану. Тренировки делали свое дело. Я начала думать о стартах, но уже думала о них с радостью, с ожиданием «бури», которая должна была разыграться на первенстве Союза. Мне хотелось этой бури, этой борьбы, хотелось скорости и победы.

Соревнования начались 27 января рано утром.

Уже в третьем забеге челябинская спортсменка Таня Сидорова показывает отличное время — 45,5 секунды. Новый мировой рекорд! Я подбегаю к Танюше, обнимаю ее, поздравляю с победой. А девочка не верит: — Ну что ты! Может, перепутали? — Таня тяжело дышала. — Сегодня еще человек пять пробегут лучше меня. Никто из сильнейших пока не выходил на старт.

— Быстрее тебя может пробежать только ветер, — улыбаюсь я. — Задала ты нам задачу. Не хочется отставать от тебя.

— А ты не отстанешь, — уверяет Таня.

Даются старты следующим забегам. Небо, синее и безоблачное, висит над катком. Пирамидальные тополя, сверкая в солнечных лучах своей пожелтевшей листвой, высятся над гладью катка. Ветер устал бесноваться в горах и умолк.

На старте Ирина Егорова. Эта студентка текстильного института из Иванова совсем недавно заставила говорить о себе. Да как говорить! Ирина пробежала пятисотку за 45,3 секунды. Это время лучше официального мирового рекорда, но оно было показано не на ответственных соревнованиях, а потому не будет утверждено. Что сделает сейчас Ирина?

Вместе с ней стартует Альбина Тузова — наша замечательная бегунья из заснеженного Иркутска. Отличная пара вполне может улучшить время Танюши Сидоровой.

Ирина сразу бросается вперед, она вся — порыв и скорость. Пройдена половина дистанции. Казалось, что победа Егоровой не вызывает сомнений, но... ивановская спортсменка не могла удержать скорость, не совладала со своим телом и упала. Зрители разочарованно вздохнули:

— Чтобы побеждать — надо уметь держаться на коньках.

Закусив губу, стараясь не плакать, Ирина заставила себя закончить дистанцию. Пусть ее время больше минуты, зато она не сдалась. У нее еще три дистанции впереди, где она может реабилитировать себя.

На линии застыла Лида Скобликова. Олимпийская чемпионка яростно срыгается после выстрела стартера. Начало бурное и обещающее. Первая сотка за 11,2 секунды. Наверное, Лида побьет рекорд своей землячки? Все ближе финиш. Но темп бега слабеет. И судьи могут

лишь зафиксировать 45,6 секунды — второе время дня, повторение прежнего мирового рекорда. Очень здорово начинает Лида свое многоборье. Очевидно, она и будет моей главной соперницей.

Я осторожно катаюсь по кругу, нет-нет и мелькнет в голове мыслишка:

«Значит, в лучшем случае я могу занять только третье место! Хотя какое там третье — ведь еще не бежала Тамара Рылова, а ведь именно ей до сегодняшнего дня принадлежал мировой рекорд! Неужели она отдаст его без боя, смирится с поражением? Нет, надо знать трудолюбивый и волевой характер Тамары! Она сейчас такое преподнесет! Давай, Тамара!»

«Слушай, Инга, — сказала я себе, — ты скорее всего займешь пятое место — ведь Тамара бежит с Наташей Донченко, олимпийским призером на пятисотке. Борьба двух классных спринтеров кончится рекордом».

Такие мысли невольно угнетали меня. К радости за успехи подруг примешивалась неуверенность в своих силах, казалось, что ты не сможешь даже близко приблизиться к их результатам.

— Ингуль, — окликнул меня тренер, — подойди ко мне, скажу нечто радостное.

Я подъехала.

— Последние метры никто не проходил лучше, чем ты на тренировке. Замечаешь? Не засидись на старте, но и не рвись особенно, чтобы не упасть. Хорошо, что все считают тебя плохо подготовленной к спринту. Это тебе на руку.

Рылова и Донченко резво начали бег. Правда, Тамара немного отстала на первых шагах. Но уже после первого поворота отыграла потерянное и вышла вперед.

Она развила такую скорость, что все присутствующие не поверили:

— Уж не сам ли Женя Гришин бежит на дистанции? Невероятно, чтобы женщина могла мчаться так стремительно!

Кажется, что спортсменку вот-вот выбросит за круг. Неожиданно Тамара Рылова выпрямляется и просто катится к снежному валу катка. А потом, когда скорость упала, Тамара пробует догнать горьковчанку. Но это не удастся сделать даже ей, Тамаре Рыловой! У Наташи Донченко отличное время — 46,4 секунды.

Теперь все признанные спринтеры закончили свои счета, распределили между собой призовые места. Моего старта ждали только из любопытства: интересно, покажет ли Артамонова время, которое даст ей возможность вести борьбу в многоборье? Не отстанет ли она безнадежно уже после первой дистанции?

Стартую в девятой паре с Бертой Злобиной. Начинаю по большой дорожке. Боже мой, не повезло, ибо на переходной прямой ветер бьет в спину, а мне нужно кончать по малой.

Мой результат на стометровке вроде бы ничего не предвещал — 11,6 секунды. Значит, я только на старте проиграла Лиде два-три метра. А сколько девчат начинали сегодня бег быстрее!

Позади поворот. Вошла я в него отлично — еле-еле удержалась на ногах. Видно, не зря я тренировалась с мужчинами-спринтерами. Бегу плавно. Внешне бег не производит впечатления стремительности. Меня отличает скрытая техника бега.

Но что это?

— Ин-га, да-вай! Хо-ро-шо! — скандируют зрители.

— Мо-ло-дец! — кричат тренеры.

Внутри меня что-то разорвалось, я еще быстрее стала мчаться к финишу. На последних метрах я все силы отдала дистанции, такой короткой, трудной и непокорной, а потому любимой и дорогой.

Судьи проверяют секундомеры.

— У меня остановился секундомер, — говорит один.

— И у меня испортился! — говорит второй.

— Непонятно, — замечает третий. — Неужели остановились все машинки? Сколько у тебя на циферблате?

— Сорок четыре и девять! — сказал первый.

— И у меня сорок четыре и девять! — кивнул второй.

Зрители ждали объявления результата. Они высказывали предположения, что установлен новый рекорд. Болельщиков раздражала неуверенность судей. Наконец самые нетерпеливые из зрителей закричали:

— Чего не объявляете? Сорок четыре и девять — новый мировой рекорд!

Этот крик вывел судей из состояния задумчивости. В самом деле, решили они, значит, секундомеры не остановились, значит, на самом деле одна из признанных «тихоходов», первая в истории женского конькобежного спорта выбежала из сорока пяти секунд!

Голос диктора звучит торжественно и мощно:

— Феноменальный результат, превышающий новый мировой рекорд, несколько минут назад установленный Татьяной Сидоровой, показала Инга...

Голос диктора эхом отдается в горах.

Меня поздравляют друзья, тренеры, судьи.

Я рада, что мне удалось покорить пятисотку, но мне непонятно, почему диктор назвал результат феноменальным. Просто хорошее время, которое завтра будет по силам любой спринтерше из сборной страны.

Итак, первый блин не оказался комом. Первый же старт преподнес мне сюрприз, заставил поверить в себя.

В перерыве между забегами тренер подсунул мне книжку французского писателя «Мы еще вернемся за подснежниками». Прочитала я заголовок, рассмеялась и крепко обняла Лило:

— Спасибо, что единственный из всех ты верил в меня даже в те дни, когда не было никакого основания для веры. Я обещаю тебе — в этом году обязательно вернусь за подснежниками.

Вечерело. Глубокие лиловые тени проползали по льду. А лед стал даже тверже, звонче.

— Отличные условия! Все ждут от тебя второго мирового рекорда, — сказал мне Горкунов. Он подошел ко мне, хромая, сильно припадая на левую ногу.

— Что с вами, Лило? — удивилась я.

— Пострадал при исполнении служебных обязанностей, — шутит Горкунов.

— Как же так?

— Я подошел слишком быстро к бровке. А в то мгновение упала Ира Егорова и врезалась в меня. Это хорошо для нее — смягчило удар.

— Вы были у врача? — интересуюсь я.

— Был, был, врач сказал, что у меня нога заживет только в том случае, если ты установишь второй мировой рекорд.

— Это при всем желании невозможно. История не знает ни одного прецедента.

— История многого не знает.

— Я не шучу.

— Да и я говорю серьезно. Правда, если ты хочешь справку из истории, то пожалуйста — знаменитая норвежка, которая, как и ты, была дважды чемпионкой

мира, Лайла Шоу-Нильсен на одном из соревнований установила три мировых рекорда.

— Ну, какие тогда были рекорды, — скептически сказала я.

— По тем временам очень высокие. Давай, Ингуля, ближе к делу. Я наблюдал, как ты отлично сегодня отработала четыреста метров. Мы должны это учесть... Следовательно... — и тренер посвятил меня в свой далеко идущий план побития мирового рекорда, который принадлежал до сегодняшнего дня Халиде Щеголеевой.

Уже первые результаты спортсменок показали: обязательно состоится «покушение» на старый мировой рекорд.

— Чувствую, что смогу сегодня попасть в списки мировых рекордсменок! У меня ноги так и поют, так и просятся на лед. Это всегда отличный признак! — шутит в раздевалке Берта Злобина.

Первыми из группы сильнейших стартуют Наташа Донченко и Аля Тузова. Побеждает Аля. У нее очень хорошее время — 2.26,7. Но все мы понимаем, что этот результат сегодня будет улучшен. Но кем? Лидой Скобликовой? Может быть, в самом деле права Берта Злобина, говоря, что у нее поют ноги? А Ирина Егорова? Ей нужно взять реванш за поражение на пяти-сотке!

Остается ждать.

На дорожку выходит Берта. Маленькая, миниатюрная женщина, обладающая хорошей реакцией, влюбленная в полторы тысячи метров, которые для большинства участников являются самой трудной дистанцией. Берта бежит вместе с латвийской спортсменкой Гулите. Первые триста метров Злобина пробегает за 29,7 секунды. Отлично, маленькая! Только продержись, выдержи!

Не сдавайся, Берта! Но Злобина и не думает сдаваться, она четко проходит остальные три круга, и вот награда — новый мировой рекорд.

— Время Берты — две минуты двадцать три и восемь десятых секунды, — разносится над катком. Мы обнимаем нашу подругу, чмокаем ее в покрасневшиеся от скорости, ветра и борьбы щеки, воркуем вокруг нее, вспоминая о том, какую замечательную песню спели ее ноги.

— Не зря они у тебя были! — говорим мы.

— И в самом деле, — радуется Берта, — теперь мне легко — свое отбежала, иду за вас болеть. Не подкачайте.

И мы постарались не отстать от Берты. Сначала Тамара Рылова бежит лучше прежнего мирового рекорда. Затем юная Татьяна Муравьева из Кировской области, за нею Ирина Егорова. Но ведь еще не выступала Скобликова. Лида усмехается:

— Как пробегу, не знаю, но уж, во всяком случае, не хуже рекорда.

Лиду вызвали на старт, а мы так и не поняли, о каком рекорде говорила Скобликова: о прежнем или сегодняшнем?

Впрочем, олимпийская чемпионка недолго держала нас в неизвестности. Она не только улучшила свое прежнее достижение, но побила время Берты. Рекорд Злобиной продержался всего несколько минут. Что ж, «уральская молния», как величают Скобликову журналисты, еще раз доказала, что она не имеет себе равных на коронной дистанции.

Признаться, время Скобликовой ошарашило меня. Я ждала всего, знала, что Лида не сдастся, но я не ожидала, что она так уверенно докажет свое преиму-

щество. Теперь разлетался в пух и прах весь план, намеченный Лило Феодосьевичем, нужно было заново пересмотреть схему моего забега.

Волнуюсь, ничего не хочу слушать, мне трудно поверить, что женщина могла на первые триста метров затратить только двадцать пять и две десятых секунды. При всем желании я не смогу бежать так резво.

— А кто тебя убеждает, что ты сможешь? Значит, надо наращивать скорость на других участках. Я клянусь тебе: ты ничуть не слабее Лиды, — тренер сыграл на моем самолюбии.

Конечно, я никогда не смирюсь с мыслью, что кто-то сильнее меня. Это не потому, что я плохая, что я задавака. Нет! Я обязана верить в себя. На одном из вечеров в Политехническом музее Маяковского спросили: «Что вы постоянно ячете, хвалитесь?» Поэт ответил: «Мой соученик по гимназии Шекспир говорил: «Если ты не будешь сам себя хвалить — другие не похвалят!» Эта шутка любимого поэта отвлекала меня от мыслей, безнадежно унылых и пессимистических. Я вдруг почувствовала себя борцом. Мне захотелось, как тому лермонтовскому парусу, броситься в бурю и среди шторма найти забвение.

И все же я не успела до конца побороть волнения. Говорят, что я вышла к линии старта бледная от сознания неизвестности. И только выбросила руку вперед, я забыла все. Впереди была дистанция. Рядом стояла моя землячка Ева Иванова. В борьбе с ней я должна укрепить свое лидирующее положение.

Дождаясь выстрела, внимательно осмотрела себя — на черном свитере белела повязка. На ней был написан обычный номер, знак участницы — 11. Две цифры показались мне двумя стрелками, мчащимися вперед, ухо-

дящими в ледовую дорожку. «Символично это!» — сказала я себе и в ту же секунду, словно выброшенная катапультой, устремилась вперед. Подхожу к тремстам метрам — тренер мой делает страшные глаза, кричит: — Минус четыре-восемь.

Это означает, что я проигрываю Скобликовой четыре и восемь десятых секунды. Если бы мы стартовали в одном забеге, я была бы сзади на три-четыре метра. Это очень много.

— Прибавить! — кричит мне тренер.

— Ин-га! Впе-ред! — командуют тысячи болельщиков.

— Ты можешь, Инга! — кричит Берта Колокольцева.

А я и впрямь могу. Чувствую прилив сил. Назревает вулканический взрыв. Сейчас энергия, накопленная за годы тренировок, должна вылиться, вырваться наружу.

Бегу вроде бы хорошо.

На следующем кругу отыгрываю у Скобликовой больше четырех секунд. Сразу же сомнение: до финиша еще два круга, хватит ли сил? Не растратила ли их на один круг? Сейчас важно продержаться. Держусь. Стиснув зубы, сдерживаю себя. Уже бегу лучше Лиды. Легко. Свободно. Словно не на первенстве страны, точно на тренировке. Сказочная легкость! Уж не обманывает ли секундомер! Слишком легкой кажется победа.

Последний круг. Ну, теперь-то я доползу! На зубах! Мертвая, а я буду финишировать первой. Я все отдам победе!

«Не рвись, как девчонка, — говорю себе, — этой дистанцией не кончается первенство страны. Нужно оставить силы на завтрашний день. Вспомни, как

в Свердловске после мирового рекорда на полуторке ты еле-еле пробежала остальные дистанции. Неужели тебя ничему не научила жизнь?»

«В том-то и дело, что научила! Научила верить в себя. Все отдавать победе и уметь за ночь восстанавливать силы», — убеждаю себя.

«Ну как хочешь! Мое дело — предупредить».

Под эти несобранные мысли я весело переставляю ноги и качусь к победе!

— С официального мирового рекорда, — говорит судья-информатор, — сброшена не одна секунда, не две, а шесть целых и две десятых. Трудно прокомментировать такой результат. Тут цифры говорят сами за себя. Отныне каждый из нас, зрителей и судей, будет с гордостью говорить своим друзьям и внукам: «А я ведь видел бег Инги Артамоновой на полторы тысячи. Она сумела показать две минуты девятнадцать секунд! Выдающееся время!»

Не знаю, как мне удалось увернуться от фотокорреспондентов, от журналистов.

Не прошло и часа после моего «феноменального», по утверждению прессы, забега, как я сидела за письменным столом. Думала. День был слишком богат событиями, чтобы я могла спокойно уснуть, не поделившись своими мыслями с дневником. Мне надо было обязательно записать свои впечатления, пока они еще не отлеглись, не смешались с завтрашними сообщениями газет. Я хотела записать свое, только свое пережитое.

«Снова мировой рекорд.

Бежала легко.

Не помню, где мне было тяжело.

...Вероятно... летом!

График был составлен на две минуты двадцать секунд.

Самочувствие прекрасное. Настроение великолепное. Конечно, я счастлива...

А теперь — спать...»

Мне снились мохнатые горы, которые уже много сотен лет стояли в гордом одиночестве, которые каждый день смотрели на меня. А мне хотелось их погладить, обнять и броситься в гущу волшебной пушистой хвои.

Утром меня встретил стартёр Лев Ципурский, отправлявший в последние годы в нелегкий путь чуть ли не всех известных мастеров страны. Лев был возбужден. Он повторял:

— Такой результат стоит высечь на скалах, окружающих каток!

— Дорогой мой, — улыбнулась я. — Я уже не первый раз бегаю быстро. Еще на первенстве страны в 1956 году я установила мировой рекорд. Его считали замечательным. Сегодня о нем смешно вспоминать — какие-то 206,016 очка... Многие специалисты с легкостью необыкновенной раздаривают эпитеты «потрясающий», «феноменальный». Лично свое достижение я не отношу к таким.

— Ты посмотри, что пишет Евгений Гришин — признанный король спринта: «Время Инги не укладывается в моем понятии. Это нечто удивительное, принадлежащее истории. Это спортивный подвиг».

Не было в Медео ни одного человека, который бы не разделял восторгов прессы и тренеров. Кроме меня. Я была убеждена, что впереди еще день, который может перевернуть все представления о человеческих возможностях. Я объясню, в чем дело.

После первой дистанции я набрала 44,900 очка. Пол-

торы тысячи метров прибавили к ним 46,333 очка. Итоговая сумма — 91,233 очка. Такого результата не добивалась ни одна женщина в мире.

Следовательно, во второй день мне нужно было себя ориентировать не только на победу в чемпионате, но и на побитие рекорда мира в многоборье. Именно здесь, на несчастливом для меня катке.

Где-то в подсознании родилась мысль:

«Стоит ли рисковать? Тебе важно выиграть одну дистанцию, и ты станешь чемпионкой Советского Союза. Подумай, девочка!»

«Но я могу! Я уверена, что я покажу в многоборье сто девяносто очков! Не меньше».

«Что-что?»

«Сто девяносто очков! — сказала я себе еще уверенней. — Сегодня утром в эту сумму никто не поверит, подумают, что у меня головокружение от успехов. Ну и пусть думают. Что они будут говорить вечером?»

Веселая, я ждала своей очереди вступить в борьбу. Тренер точил мне коньки, а я повторяла про себя: «Жили у бабуси два веселых гуся...»

— На старте две сильные бегуны — олимпийская чемпионка Скобликова и московская спартаковка Ева Иванова. В этом забеге может быть показано лучшее время дня, — несется под сводами маленькой раздевалки.

Этих девчат надо посмотреть. Нужно пойти поболеть за них — все участники соревнований направляются к выходу из раздевалки. Слышно цоканье коньков — клик-клак, клик-клак.

«Жили у бабуси два веселых гуся», — пристала ко мне эта песенка и не отстает. Что делать? Попробую,

как художник, который положил слишком толстый слой краски, разбавить ее. Начинаю фантазировать:

«Бабуся — это я... Два веселых гуся — это мои коньки. Они же в самом деле веселые! Они не выдадут свою бабуся».

...Буквально до последнего метра трудно было сказать, кто победит на дистанции. Лишь на финише последний рывок принес победу олимпийской чемпионке. Лида показала хорошее время — одну минуту 35 секунд. Ева отставала на десятую долю секунды. Молодцы наши девчонки! Научились бежать ровно, а в поединках с лидерами превосходят самих себя — борются до последнего мгновения. И свои секунды улучшают и фаворитам не дают нос задирать кверху, заставляют их работать на пределе.

Наступает моя очередь. Лучше Лиды уже никто не пробежит. Значит, надо готовить себя к графику Скобликовой. Разрабатываю с тренером план. Стараюсь не волноваться. Честно говоря, я уверена, что побью олимпийскую чемпионку и на этой дистанции. Ох уж эта мне самоуверенность! А что? А разве плохо? А если уверенность от сознания силы? Оттого, что летом ты набегала кроссов больше, чем Лида? Ты подняла больше тонн металла, чем Скобликова! Ты победишь!

Сейчас важно сохранить энергию до выстрела стартера. А потом суметь выстрелить. Победить — и успокоиться! И ждать следующего этапа. Последней дистанции. Любимых трех тысяч метров! Вот где будет генеральное сражение. Я бегу со Скобликовой в одном забеге, лицом к лицу, надо взять не только реванш за все прошлые неудачи, но и победить с ошеломляющим преимуществом, чтобы не оставить места для любых разговоров о случайностях и везениях, чтобы сказать

себе: «Ты победила потому, что сильнее. Вы бежали на одной дорожке, при одинаковом ветре. Лицом к лицу. Ты победила — тем почетнее твое достижение!»

«Не хватит ли патетики? — обливаю себя градом презрения. — Делишь шкуру неубитого медведя. Нетерпеливая!» — но почему-то последнее слово я говорю себе, кокетничая.

Начинаю бег по малой дорожке. Рядом со мной Татьяна Сидорова. На тысяче метров это очень опасный противник. От нее надо убегать сразу. Поэтому на первых двухстах метрах ухожу вперед. Прибавляю скорость. Катится легко. «Обсасываю» виражи. На финише я оставляю далеко за спиной Татьяну.

А результат?

Он — лучшее время. Он приносит мне золотую медаль, но он уступает мировому рекорду Тамары Рыловой, установленному на этом же катке семь лет назад. Две десятых! Нужно было порезвее отработать последнюю прямую. И всего-то! Но я не надеялась на такой результат. А потому и не работала в полную силу.

— Что же ты? — кричат зрители.

— Надо же что-нибудь оставить и для других, — шутят тренеры.

А я молчу. И тренер мой молчит.

Мы-то знаем, в чем дело!

На таких соревнованиях, как первенство страны, очень важна разумная и гибкая тактика. Пробеги я тысячу метров в полную силу — у меня не могло остаться сил на тройку. А там ведь мне бежать с Лидой Скобlikовой. Ее не победишь только одной силой, одной техникой. Этих качеств у нее самой надо занимать. Мне необходимо было выработать новое секретное оружие — разумную тактику.

Мы решили так с близкими друзьями. Пусть я не покажу на тысяче метров отличного результата. Мне важно выиграть дистанцию. Я уже буду чемпионкой страны. А Лида решит так: очевидно, сегодня Инга не в такой боевой форме, как вчера. Устала. Скобликова начнет сравнивать результаты вчерашнего и сегодняшнего забегов. Беспристрастные цифры расскажут ей о том, что полтора километра я пробежала в более высоком темпе, чем тысячу. Лида прибавит к этому своему открытию и то, что, будучи чемпионкой страны, я не очень стану стремиться к победе. Следовательно, если Лида составит график забега, ориентируясь на мировой рекорд, я не буду ей особенно мешать.

Что при таком «раскладе» должна делать я?

Мы бежим в паре. Надо немного похандрить, сделать вид, что тебе все надоело, что ты не чаешь, когда закроется чемпионат СССР. И еще очень важное — надо на первых кругах отстать от Лиды. Пусть она поработает в полную силу, а я уже на второй половине дистанции, отсидевшись, сделаю резкий спурт и помчусь на побитие мирового рекорда.

План этот подтвердился во всех его деталях. Расскажу подробнее. После трех дистанций у меня была, скромно говоря, хорошая сумма — $91,233 + 46,800$. Можно ли было желать лучшего? Нет! Я всегда помнила: Римская империя погибла от роскоши.

Итак, в соответствии со своим тактическим планом катаюсь по льду несколько унылая, безразличная.

— Зря вы на лед обижаетесь, — говорит мне Алексей Васильевич Загоскин.

Этот отличный мастер подготовки льда уже давно ушел на пенсию, но, когда узнал, что очередное первенство Союза состоится в Медео, махнул рукой на свои

цветочки-фикусы. Не выдержало сердце старого поклонника конькобежного спорта, вернулся на работу. Залил нам такой сказочный лед. И он вправе обидеться на меня:

— Чувствуете, подмораживает! Верьте моему слову — разменяете сто девяносто очков.

Я хотела утешить старого мастера, но в ту минуту мимо проезжала Лида, снова мне пришлось напустить на себя вялость. У меня это получилось. Не зря же я в детстве занималась в драматическом кружке. Я сказала заливищу катка:

— Мне, видно, не придется разменять эту сумму. Устала. Если только Лида сумеет?

Старый мастер бегло посмотрел на меня и покачал головой.

— Слова-то говоришь, а глаза бегают и щеки пунцовыми становятся. Кого хочешь обмануть? Скобликову, может, и сумеешь, а меня не пытайся.

— Ладно, — извиняюще говорю я.

В ту же секунду замечаю — тренер делает мне какие-то знаки. Подъезжаю. У него в руках телеграмма: «Поздравляю штурмом рекордов. Так держать! Римма Жукова».

Какая же она умница, Римма Михайловна! Десять лет сама сверкала среди «звезд» нашего спорта. Потом ушла, оставила после себя рекорд на тройку — он равен 5 минутам 13,8 секунды. Он держится уже девять лет. И вот сейчас Римма Михайловна присылает мне телеграмму, она знает, что лишается последнего детища, но, спортсменка до мозга костей, она ценит эстетику борьбы, гармонию движений и радость от мировых рекордов выше всего. Потому-то она и благословляет меня на новый штурм.

Спасибо вам, Римма!

Лида начинает по малой дорожке. Смотрю на нее, убеждаюсь — она приложит все силы, чтобы победить. Отпускаю ее вперед. Два с половиной круга позади — впереди олимпийская чемпионка. Проигрываю ей две секунды. Не поздно ли будет спуртовать? Тренер подаст знак — все хорошо, не рвись, не волнуйся!

Это означает, что мы обе опережаем график Риммы Жуковой, идем выше мирового рекорда.

Пять кругов уже позади. Лида маячит впереди. Ценной больших усилий она сохраняет преимущество в одну секунду до последнего круга.

— Может, пора? — спрашиваю глазами у тренера.

Он спокойно кивает головой. Сразу же, словно не было за спиной тяжелой, изнуряющей борьбы, достаю олимпийскую чемпионку, которая явно не рассчитала свои силы. Что делать теперь?

Уходить вперед?

Ухожу!

На другой день я прочитаю в одной из газет, что мне трудно было бежать, потому что у меня из горла вырывался не воздух, а огонь.

Я улыбнулась: обыкновенная попытка журналиста подменить состояние спортсмена, которое он испытывал на самом деле, своей безудержной цветастой, часто неоправданной фантазией.

На последнем круге я выиграла у Лиды Скобликовой 2,8 секунды. Для любого, кто имеет представление о коньках, ясно, что значат эти секунды.

После тщательной проверки хронометров в наступившей тишине диктор объявил, что я установила новый мировой рекорд в забеге на три тысячи метров, равный 5 минутам 6 секундам.

Задача выполнена. Вместе с этим рекордом пришел другой — наверное, самый радостный, — первая из женщин мира я разменяла сто девяносто очков. Отныне рекорд мира равен 189,033 очка. После состязаний мне вручают медали — четыре золотые, одну — Большую золотую. Четыре медали чемпионки страны — все золотые. Четыре золотых жетона «За выдающиеся спортивные достижения». Мне вручили магнитофон, как победительнице соревнований на приз Совета Министров Казахской ССР.

Вот я и вернулась за подснежниками. И не только за ними. Войдя в номер гостиницы, я увидела нарциссы, тюльпаны, белую сирень. От кого эти цветы?

От друзей. Незнакомых мне людей. Добрых и отзывчивых. Славных ценителей спорта.

В букете белой сирени записка:

«Эти два дня потрясли мир!»

Наверное, автор имел в виду только конькобежный мир. Да и это утверждение было сомнительно. Мир конькобежный давно уже стоял на пороге радикальной революции. И мои рекорды были первой ее ласточкой...

«Поздравляем покорением «ледового космоса», — прочитала я в другой телеграмме.

— Bravo! — в номер вошел мой тренер Лило Горкунов. Он был возбужден. — Ты отбиваешь у нас, мужчин, охоту бегать на коньках: мой лучший результат на этой дистанции две восемнадцать...

Вечером в спортивном выпуске «Последних известий» один из поэтов читал стихи:

Таких отважных любит спорт,
И ей, сломив судьбы превратности,
Осталось лишь побить рекорд
По чемпионской «многократности»!

Я и сама не переставала думать об этом — через две недели в Финляндии должны были взвиться на ветру флаги тринадцати государств — участников первенства мира.

Как хотелось мне и там, в Иматре, вернуться за подснежниками!

■ СУВЕНИР

Уши у нее большие и смешные. Она стоит у меня среди ста различных медалей, среди призов и кубков, стоит важная и в то же время трогательно нежная — маленькая фарфоровая собачка. Всякий раз, когда мой взгляд отдыхает на ней, я вспоминаю одну сентиментальную историю, связанную с этой собачкой...

В пятьдесят седьмом году я впервые выехала за границу. Мне казалось многое странным и необычным. Это понятно. Но больше всего меня поразила не природа северной страны, хотя она бесподобна. Меня поразила тот прием, который был оказан нам простыми людьми Финляндии. Написала я эту банальную фразу, которая без зазрения совести переходит из одного путевого очерка в другой, и мне стало не по себе. Чуть-чуть я не заговорила дежурным штамповым языком, вспоминая о встрече с очень близкими мне людьми.

За два дня до чемпионата мира руководитель делегации подошел к двум чемпионкам мира — Лиде Селиховой и Соне Кондаковой:

— Вас просили приехать в гости рабочие-железно-

дорожники. С вами поедет Инга... Долго не задерживайтесь, но также и не спешите. Словом, мы на вас надеемся!

Кряхтя на подъемах, машина неуверенно приближалась к кварталу, где жили рабочие локомотивного депо и городской электростанции.

Семья Торьелайтетов, в которую мы приглашены, ждала нас у ворот дома.

Хозяин, машинист тепловоза Ярмас Торьелайтет, сказал нам на очень приблизительном русском языке:

— Та-т-та... Однако надо выйти наверх. Я ходу за переводчиком...

Мы поднялись в квартиру. Минуты через две в комнату вошел хозяин дома. Он держал под руку невысокую худенькую женщину.

— Моя фамилия Токарева, — сказала она. — Я русская. Правда, почти разучилась говорить на родном языке. Что же сделаешь? Сорок лет без родины!

— Вы родились в России? — переспросили мы.

— Да. Мы жили в Москве. Родилась под Архангельском, в деревне. Отец был моряком, мать — оперной артисткой. У отца был свой пароход. Мать ушла от отца к фабриканту. Отчим жил в Москве. Он был угрюмый человек с красной бородой. После революции уехал в Финляндию. Мать моя умерла в дороге, заразившись тифом. Отчим женился второй раз. Мачеха отдала меня в семью финского капиталиста. Я учила его детей русскому языку. Когда дети выросли, капиталист решил выдать меня замуж. Но в это время у него как раз умерла жена. Он боялся одиночества, — женщина запнулась. — Я говорю: его пугало одиночество, он стал мне дарить вещи жены, написал на меня завеща-

ние. Мне пришлось стать его подругой. Он был старше меня. После его смерти я уже не интересуюсь жизнью, сижу дома, книги листаю. Андреева прочла. Он у нас в Финляндии умер. Я перепутала... У них в Финляндии, — переводчица показала рукой на семью Торьелайтетов.

— Нет, вы сказали правильно: «у нас в Финляндии»! Сорок лет, что ни говорите, — это целая жизнь! — изрекла я, но сразу же спохватилась, увидев слезы, буквально выстреленные из глаз этой русской женщины, у которой забилося сердце, встрепенулись все горькие годы, прожитые вдали от уютных подмосковных речек, от тополиных метелей и цветения лип, от разбитых бричками проселочных дорог, в которых вязли когда-то купеческие и фабрикантские тарантасы.

Русская по происхождению, переводчица оставалась русской по складу характера. Очевидно, она за все эти сорок лет только и делала, что молчала, если так, сразу выговорилась, все без прикрас рассказала о жизни, бездарно проведенной на чужбине.

— В нашей России сейчас ничего не узнать, — начала я, стараясь загладить впечатление от своей нетактичности.

— Я знаю это, слушаю передачи по радио, у нас приемник и Москву берет, и Питер, и Севастополь. Так что в курсе всей вашей жизни. Вот только верится не всегда, — переводчица покачала головой. — Посмотреть бы это своими глазами. Вчера я пластинку Шаляпина слушала — изревелась вся. Вышла на улицу — собаки воют. Луна висит холодная. А ночь темная была. Я все на луну смотрела, вспоминала, как в русских деревнях говорили, что будто внимательно посмотришь на луну, увидишь два силуэта — Каин убивает Авеля. Вы не

смотрели на луну? Не замечали? — спросила переводчица.

— Первый раз слышу, — призналась я. — Мне луна нравится без этих двух братьев, где один другого убивает ослиной челюстью. Для меня лунные ночи прямо праздник. Как будто я попадаю в ожившую картину Архипа Куинджи. И еще оркестр Евгения Мравинского играет Четвертую симфонию Чайковского. Вам скучно? — спросила я, заметив застывший взгляд переводчицы. Она смотрела куда-то в одну точку, сосредоточенная и целиком ушедшая в себя.

— Вам скучно? — повторила я.

— Дорогая моя дочка! Вы извините, что я вас так называю. Слушаю про Чайковского — у меня сердце готово вырваться из груди. Давайте не будем про Россию, иначе разволнуюсь — переводить не смогу, — женщина замолчала.

Это была моя первая встреча с эмигранткой. Сколько их будет потом! Во время любой из поездок ко мне будут подходить люди, так или иначе покинувшие свою родину. Как дубовый листок, оторвавшийся от ветки родимой, они так же не могли найти свое «я» на чужой и неласковой земле. Они рвались к России, ее морозам, комарам, деревенским праздникам, на которых уставшие и подвыпившие люди нестройными голосами выводят:

Ах вы сени, мои сени,
Сени новые мои...

— Господа, — услышали мы вдруг спокойный голос нашей переводчицы, — семья Торьелайтетов пригласила вас в гости, чтобы вы посмотрели, как живут рабочие Финляндии. Эта семья много пережила в войну.

У них была девочка — вихрастая, беленькая хохотушка. Ее звали Инга...

— Почему вы сказали «звали»? Глагол прошедшего времени не уместен, когда говорят о детях, — спросила я.

— Я уже плохо знаю русский язык, — сухо ответила переводчица, — но, к сожалению, не ошиблась. Девочку звали Инга!

— Как тебя! — шепнула Соня Кондакова.

— Госпожа, — обратилась переводчица к жене господина Торьелайтета, — я услышала, что ту высокую девушку тоже зовут Инга. Ну надо же — совпадение!

Чтобы мы не обиделись, что при нас финны говорят на своем языке, из которого мы понимали всего несколько слов, переводчица стала бегло объяснять нам содержание разговора.

Вдруг госпожа Торьелайтет подошла ко мне, обняла, поцеловала, зашептала:

— Инга тоже была высокой. Она была очень славная и ласковая девочка, и очень чуткая... Где бы вы ни были, не забывайте нашу семью. Не надо забывать. Вы много летаете на самолетах, видите разных людей. В каждой стране люди не хотят войны. Они устали от ненависти. Они много перенесли. Каждая семья несчастна. Я не могу выбраться из этого города, а вы летаете над землей, а потому всем говорите о мире. Люди должны знать других людей. Тогда не станет несчастных семей. Вы должны понять сердце материнское!

Я слышала эти слова, гладила голову женщины, которая нежно, словно ребенок, прижалась ко мне и все повторяла:

— Да, да, конечно! Правильно вы говорите!

Всхлипывая и стараясь сдерживать слезы, финская

женщина подошла к старомодному комоду, порылась среди флаконов, банок и гипсовых статуэток, нашла маленькую собачку, которая смешно развесила свои длинные уши.

— Этот скромный подарок, — сказала госпожа Торьелайтет, — я хотела вручить вам. Она, эта собачка, трогательное существо, дорога нашей семье. Это добрая собачка. Она приносила нам счастье. Если вы возьмете ее в Россию — вы возьмете кусочек нашей семьи, кусочек памяти о сегодняшнем вечере, — она не могла договорить, расплакалась. Я достала платок, вытерла ее слезы:

— Я никогда не забуду вас!

— И моего мужа, — сказала финская женщина. — Он у нас вечный труженик.

Я взглянула на хозяина семьи Ярмаса. Лицо его было изъедено морщинами. Кожа, уставшая от ежедневного бритья, висела вяло и отдавала синевой. На левой руке не хватало мизинца. А сами руки были мозолистые, узловатые, сухие. Взгляд — добрый и пристальный. За весь вечер господин Торьелайтет сказал всего семь слов. Он внимательно слушал и так же внимательно смотрел на советских гостей.

Не зная молчаливого характера финнов, можно было бы неправильно истолковать его поведение. В самом же деле молчаливость вовсе не была настороженностью или подозрительностью, она была естественной чертой его характера.

Женя Гришин рассказывал мне анекдот про финнов. Я его запомнила: идут по деревне три финских крестьянина. Выходят за околицу, вскоре их след теряется в поле. Вдруг один из них говорит:

— Та-тата, однако дождик должен быть.

Никто не реагирует на его слова. Финны по-прежнему идут через лес. Через полчаса второй крестьянин говорит:

— Та-тата, однако не должно быть дождя.

Никто не реагирует на его слова. Лишь слышен хруст веточек под ногами да мерное посапывание трех финнов. Через полчаса третий финн обращается к своим приятелям:

— Будет — не будет! Перестаньте, наконец, спорить!

Снова молчание. Лишь чавканье ботинок, да шелест веток, да непонятная перепалка дроздов и дятлов...

Ярмас Торьелайтет не отличался от своих земляков. Как рассказывала его жена, он даже в шахматы старался играть один.

— Приду, бывало, спрошу его: «Кто выиграл?» — он серьезно отвечает: «Сейчас выиграли белые, а в прошлой партии черные так прижали белых, что они сдались». Сидит один, играет сам с собой. Никуда не ходит. Все время об Инге своей думает — любил он дочку...

Юкки родился девять лет назад. Он был спокойный мальчик. Муж сам пеленал его. Ходил с ним на улицу. Ярмас стал счастливым. Юкки научился кататься на коньках, лыжах, прыгал с трамплина, не боялся горок и не отставал от отца на спуске. В восемь лет с ним случилось несчастье — он заболел полиомиелитом. Выжил... но теперь не ходит. Сидит целыми днями на своем стульчике. Врачи говорят, что он может научиться ходить лет через семь, через десять.

Только сейчас я заметила ребенка лет десяти, скромно сидящего возле гардероба и зорко за всем следящего. Увидев, что я гляжу на него, Юкки улыбнулся и кивком головы подозвал меня:

— А ты можешь завтра победить?

— Нет, не могу, — призналась я. — Вот они победят!

Мальчик посмотрел на Кондакову и Селихову, а потом сказал тихо, адресуя слова только мне одной:

— Надо, чтобы ты победила. Собачка принесет счастье! Я тоже буду ходить, лет через пять. Приедешь — убедишься!

Переводчица добросовестно перевела это мне одной, стараясь, чтобы Соня и Лида не слышали.

— Я постараюсь выиграть, — заверила я мальчика.

— Мы на стадион не поедem. Посмотрим по телевизору. До стадиона на автобусе дорого ехать. У нас тогда бюджет нарушится!

Он говорил это спокойно и твердо. И не верилось, что он еще совсем ребенок. Я глотала комки горечи, которые подступали к моему горлу при взгляде на разбитого параличом ребенка. Я решила ободрить его:

— Болезни устают. Я вот тоже четыре года болела. У меня туберкулез был. Подлая, знаешь ли, болезнь. Всю меня иссосала. А сейчас уже не болею.

— Выиграй завтра, — сказал мальчик. — Ты теперь мне как сестра, как моя Инга...

Через два дня я стала чемпионкой мира. Вечером ко мне в гостиницу постучалась финская женщина. Она долго извинялась за такое неожиданное посещение:

— Вы не должны сердиться. Юкки просил меня приехать. Он вам два слова написал, — она протянула мне листочек бумажки, на котором крупными печатными буквами было написано:

«НАУЧУСЬ ХОДИТЬ!»

— Это он написал, когда увидел по телевизору вашу победу!

Я смотрела на нее, потрясенная этими двумя словами: «Научусь ходить!» Перед глазами вставал мальчик, который просил меня выиграть чемпионат.

Я выиграла.

Он подумал, что я выиграла первенство для него. Значит, я выполнила его просьбу. Он обещает мне тоже — он обещает победить паралич и научиться ходить. Бедный и мужественный финский мальчик, ты станешь сильным и быстрым.

Резко повернувшись, чтобы госпожа Торьелайтет не заметила моих слез, я стала рыться в чемодане, искала, что бы подарить этой отзывчивой и чуткой семье. Завернутые в свитера, на дне чемодана лежали деревянные матрешки. Я сгребла их своими длинными руками и отдала финской женщине:

— Не забывайте меня! Я приеду к вам через несколько лет. Пусть матрешки принесут вам счастье — чтобы вы снова начали улыбаться, чтобы ваш Ярмас не играл в шахматы сам с собой, а сражался со своим сыном, чтобы Юкки научился ходить по земле. Я желаю вам счастья, дорогая моя женщина!

С того дня, где бы я ни была, у меня на трюмо, на туалетном столике в гостиницах стояла маленькая фарфоровая собачка — подарок финских рабочих. И я по-настоящему поверила, что эта собачка мой добрый спутник, что она и в самом деле приносит счастье мне. Конечно, я знала из различных умных и серьезных книг, что только человек является творцом своего счастья, но все же в трудную минуту всегда гладила холодную спину фарфоровой собачки — моего безмолвного друга.

Эту дворняжку я брала с собой в Швецию, когда снова стала чемпионкой мира. Славная собака!

...В пятьдесят девятом году у меня в гостях были мои хорошие друзья. Они пришли с сыном — веснушчатым Димкой, который не отличался воспитанностью и тактом. Он ходил, как медведь вокруг улья, возле моих горок с медалями и сувенирами и спрашивал:

— Тетя Инга, а эту взять можно? Я только в школе покажу — и мама привезет вам. А можно соломенного быка взять? Такого ни у кого нету. А эту дохлятину зачем поставили? — он показал пальцем на фарфоровую собаку. — Вы сюда ставьте то, что из-за границы привозите, а таких безделушек и у нас хватает.

— Эта собака приносит мне счастье,— пояснила я.

— Так уж и приносит! — усомнился мальчик.

Я рассказала ему про финских рабочих из города Иматра. Про мальчика, разбитого параличом, про его погибшую сестренку Ингу, про грустные глаза и узловатые пальцы старика Торьелайтета. Мальчик слушал и все время повторял:

— Завтра в школе расскажу ребятам — не поверят.

Прошло много дней. Я стала собираться в командировку и только тогда обнаружила, что у меня пропала фарфоровая собачка. Я перевернула все вещи, поставила квартиру вверх дном. Маленькой, скромной дворняжки нигде не было. Сев на вещи, разбросанные по комнате, я стала припоминать, куда могла деться собачка. Сразу же встали передо мной горящие глаза Димки, его веснушчатое лицо, озаренное одной лишь мыслью: — «Завтра в школе расскажу ребятам!»

«Ах, ну конечно, это он взял собачку, чтобы по-

хвастаться в классе. Взял и не вернул», — думая об этом, я набрала номер телефона Димкиных родителей.

К счастью, мальчик сам оказался дома. Он узнал мой голос и, плача, стал оправдываться, утверждать, что он не брал никакой собачки.

Я была на сто процентов уверена, что дворняжку припрятал он. Но и стоит ли доказывать?

Это с одной стороны.

А с другой: «Вы возьмете в Россию кусочек нашей семьи», — сказала мне пожилая финская женщина.

Нет, я должна позвонить родителям Димки — пусть повлияют на своего потомка!

Позвонила.

Родители оказались бессильными помочь мне.

Этого и следовало ожидать...

Прошло три года. Это были нелегкие годы. Я снова болела туберкулезом, плохо выступала на соревнованиях.

— Ты устала. Тебе надо кончать со спортом. Сколько можно быть чемпионкой? — шутили родители Димки.

— Все дело в том, что у меня пропала собачка, — грустно улыбнулась я. — Если бы знать, где собачка зарыта...

— Это мистика, — безапелляционно произнес отец Димки. — Когда ты была сильнейшей — выигрывала и без собачек.

— Давайте сбавим тон, — не выдержал всегда невозмутимый мой брат Володя. — Собачка, конечно, не главное. Здесь все глубже, — брат пошел в другую комнату, долго рылся в стопке книг и журналов, которые он на днях принес из библиотеки, наконец, он нашел «Новый мир» и вернулся в комнату, где я и мои гости

сидели нахохлившись, обдумывая, как бы замять гнетущую паузу.

Володя вошел, полистал журнал:

— Вот что писал Мейерхольд: «Когда вы осенью видите дерево, теряющее листву, оно вам кажется умирающим. Но оно не умирает, а готовится к своему обновлению и будущему расцвету. Не бывает деревьев, цветущих круглый год, и не бывает художников, не испытывающих кризиса, упадка, сомнений. Но что вы скажете про садовников, которые осенью будут рубить опадающие деревья? Неужели нельзя к художникам относиться так же терпеливо и бережно, как мы относимся к деревьям?» Если подумать над судьбами многих ведущих спортсменов, то аналогия с осенними деревьями будет вполне правомерной. Правильно?

Димкины родители согласились с братом.

— Ладно, — пошутили они, — заставим Димку найти собаку. Уши ему, хулигану, надерем.

Пролетело два дня. Нетерпеливый и звонкий, раздался телефонный звонок. Послышался глухой извиняющийся голос Димкиного родителя:

— Инга, беру такси, через двадцать минут буду. Готовь закуску — еду извиняться за своего воришку и трусишку.

Через двадцать минут отец Димки вошел в квартиру. Он протянул мне руку. Я дала ему свою — и вдруг ощутила в своей ладони фарфоровую спинку собачки.

— Откуда? Небось купил в магазине? — спросила я.

— Это целая документальная повесть, детективный роман, где роль майора Пронина играл я, солидный человек, отец негодного и лживого сына.

— Скажи в двух словах, — умоляла я, сгорая от нетерпения.

— А что говорить? Стащил он у тебя этого пса, чтобы в классе похвастаться. Сунул в карман пальто. Надеюсь дня через два вернуть тебе сувенир. Пришел домой — смотрит, пропала собачка. Искал — не нашел. Стал врать, что не брал. Мы поверили, не стали давить на него. После отповеди твоего брата, которую он прочитал нам словами Мейерхольда, мы с Ниной приступили к допросам сына. И — он сознался. Сказал, что потерял. Я хотел избить его, но потом вспомнил, что я интеллигентный человек. Стал действовать по советам Макаренко. Совестил, стыдил, убеждал. Димка не выдержал, возмутился: «Лучше бы выдрал ремнем, чем мораль читать». Я смолчал. Стали вспоминать, в чем был одет Димка в тот вечер. Нашли его пальто, обшарили карманы — ничего! Потом в уголке нащупали какую-то штучку. Подумали, что камень. Вспороли подкладку — глазам не верим: собачка! Как она в пальто попала? Наверное, карман был худой. Не знаю. Знаю другое: теперь ты снова должна выиграть чемпионат мира. Так где закуска? — отец Димки выставил на стол бутылку... молока.

Итак, собачка вернулась ко мне.

Это было в шестьдесят втором году. Я побеждала везде. Как писали газеты, «выглядела мощно, уверенно и грозно». За весь год не проиграла ни одного старта, установила четыре рекорда мира и, наконец, попала в сборную страны, которая уезжала на чемпионат мира в финский город Иматра. Значит, через пять лет я могла снова увидеть семью финского железнодорожника Торьелайтета, узнать, помогли ли мои сувениры, стали ли счастливее эти

скромные и душевные люди, научился ли ходить мальчик, разбитый параличом.

Снова я выиграла звание чемпионки мира. Лед Иматры был для меня волшебным. Я нисколько не волновалась перед забегами, меня занимало другое: какой будет встреча с семьей Торьелайтетов?

Когда мне вручили золотую медаль и увенчали лавровым венком, я заметила оживление на трибунах. Кто-то протискивался через ряды полицейских, стараясь выйти на лед.

Предчувствие защемило мне сердце.

«Они, это, конечно, они — семья Торьелайтетов, муж и жена, а парализованный Юкки, наверное, смотрит передачу по телевизору».

— Ин-га! Ин-га!

Полицейские расступились. По снежным трибунам на костылях стал спускаться вниз высокий юноша.

— Юкки! — закричала я и, не надев чехлов, подошла к мальчику. — Зачем ты приехал? Тебе же очень трудно! Я бы все равно сегодня была у вас в гостях, — быстро, стараясь заглушить нетерпеливый стук сердца, говорила я.

— Я научился ходить! Я тебе обещал. Я умею топтать по земле. Я должен был тебя поздравить прямо на льду. Инга, — говоря это, он достал из-под пальто маленький букетик цветов. — Это твои гвоздики! ...А мне уже четырнадцать лет. Я рад, что все финны видят, как я поздравляю тебя.

— Юкки, — сказала я юноше, — зрители приветствуют не только чемпионку мира. Они радуются твоей победе — ты же выполнил обещание, научился ходить! Умница! После праздника приезжайте ко мне в гостиницу, я буду вас ждать!

До позднего вечера Юкки со своими родителями сидел в моем номере. Мы говорили. Много. О разном. И как могли...

Я подарила им миниатюрные модели спутников, значки с портретами Юрия Гагарина и Германа Титова. Они преподнесли мне два стеклянных стаканчика, очень красивых стаканчика с видами Иматринской гидроэлектростанции.

Молчаливый старик Торьелайтет сказал, ласково глядя на меня, на Юкки:

— Мы же не виделись с вами пять лет...

Уши у нее большие и смешные. Она стоит у меня среди ста различных медалей, кубков и призов, стоит важная и в то же время трогательно-нежная — маленькая фарфоровая дворняжка. Всякий раз, когда мой взгляд останавливается на ней, я вспоминаю эту сентиментальную историю. Я вообще за последнее время стала сентиментальная. А это потому, что уже старею и начинаю жизнь принимать всерьез...

■ ГОРЬКИЙ ЛЕД КАРУИДЗАВЫ

Япония, Страна Восходящего Солнца, долго мы добирались до тебя, через десятки государств, над самыми высокими на планете горами, над теплым океаном, над миром и войной, над джунглями, сжигаемыми напалмом, над виселицами, на которых болтались тела южновьетнамских патриотов.

Мы пролетели над всем двадцатым веком!

Нелегким было это путешествие — пятьдесят часов реактивный лайнер плыл к берегам острова Хонсю.

Много было остановок, встреч в пути. Словно из сказки, попала я в загадочную Индию. Загадочную вот почему: после войны на наших экранах показывали фильм «Индийская гробница».

Уже и не помню сейчас, о чем эта лента. Только отчетливо остались в памяти дворцы раджей и английских губернаторов, чудовищные змеи и тропические растения, не покорившиеся человеку джунгли — словом, экзотика.

И когда мы узнали, что летим в Японию через Индию, то, разумеется, очень обрадовались: редко кому выпадает в жизни такое счастье — за одну поездку побывать в нескольких государствах с различными традициями и обычаями, вероисповеданием, общественным строем. Мы начали тщательно готовиться к этому увлекательному перелету: учились работать с кинокамерами, постигали искусство фотографии, любители живописи запасались альбомами и красками, фломастерами и тушью. Все мы накупили различных разговорников — английских, французских и японских.

И вот летим. Оторвавшись от бетонной дорожки Шереметьева, самолет плавно набирает высоту. Он покачивает крыльями над Пироговским водохранилищем, стянутым могучим льдом. Урча, машина забирается в молочное облако тумана — и уже ничего не видно внизу. Оторвавшись от иллюминатора, пробую заснуть. Сделать это необходимо, ведь впереди пятьдесят часов полета, экскурсии по Дели, Калькутте, Сайгону. Надо спать. Ребята затевают игру в «балду», в слова, стучат костяшки домино; передвигаются на шахматной доске кони, слоны, ферзи. Я гляжу на деревянные фигурки и представляю: через несколько часов я наяву увижу живого слона, а в Японии очень возможно, на пер-

венство мира придет живой микадо — японский император. Чудеса — в середине двадцатого века, когда почти десяток космонавтов побывал в безбрежном, высоком и трудном небе, когда ученики Курчатова стали на пороге управления термоядерной реакцией, в мире живут и английские королевы, и наследные принцы, и японские императоры!

Просыпаюсь уже над Гималаями. Туман рассеялся. Самолет упрямо подвывал на высоте одиннадцать тысяч метров. Внизу оставались горы — синие и величественные, торжественные и, конечно же, неповторимые. Да, это настоящая мечта, ледяное безмолвие, каменный хребет нашей планеты. Рокуэлловские снеговые вершины. Синеватые скалы словно вышли из-под кисти русского художника Рериха. Смелые мазки кисти изумительного мастера пленяют воображение. Я и раньше с большим уважением относилась к альпинистам, а сейчас, глядя сверху на Гималаи, прониклась еще большей симпатией. Поняла: альпинизм не просто спорт, это целая философия, утверждающая, прославляющая и проверяющая простые истины — храбрость и товарищество, желание узнать и желание помочь, преданность цели, смысл и радость подвига, чуткость и поразительное мужество.

Горы не зря влекут людей — здесь в обнаженном виде выступает молчаливая история нашей планеты. Открытые изломы земной коры позволяют как бы читать эту историю, проникая пытливым взором в тьму веков.

Как-то в школе нас заставили сделать макет Гималайских гор. Я добросовестно вылепила из глины нечто напоминающее московские Воробьевы горы и сдала работу учительнице географии. Та посмотрела, поду-

мала, вымолвила: «Хорошо!» — и поставила макет на шкаф. Шли годы. Я выросла. Постепенно переходила от плана квартиры и схем метрополитена к карте мира. И всякий раз, встречаясь с новым для меня местом на карте, я невольно задумывалась, припоминая все связанное с ним: мечты, стремления, сказки, живопись, книги, музыку. И сейчас при встрече с Гималаями я чувствовала, что никакие книги, никакое искусство не могут с достаточной полнотой отразить эту застывшую и гордую сказку.

А реактивный лайнер тем временем пересекал самые высокие в мире горы, держа курс на Дели. Скоро под крылом машины поплыли леса, бамбуковые, как сказали нам, рощи, в которых гуляли слоны и тапиры, где прятались пантеры и тигры, где быстрых и озорных мартышек караулили питоны. Мы летели над джунглями.

Когда самолет приземлился на бетонную дорожку аэропорта индийской столицы, мы долго не решались выйти из кабины. Это и понятно: мы летели из суровой московской зимы, а попали в страну, где, безудержное, улыбалось солнце, где термометр показывал в тени больше тридцати градусов жары. Оставив в самолете свои вещи — меховые куртки, шерстяные свитеры, наши ребята и девочки побежали смотреть на сказочный город, встречи с которым мы так долго ждали.

Первое, что поразило нас, — цветы. Каких только цветов не было на газонах! Нам, россиянам, прилетевшим из морозной Москвы, даже не верилось, что это не сон, что это действительность. На деревьях кишели тучи мартышек. Они с удивлением смотрели на нас, но, когда Володя Гуров достал фотоаппарат и попробовал сделать экзотический снимок, мартышки встрепе-

нулись, запищали и побежали вверх по совершенно отвесной стене. Мы весело смеялись — ведь каждый из нас впервые в жизни видел мартышек на воле.

В зале ожидания нас встретил индийский таможенник. Он был в коротких брючках и с изящной бородой. Причем вся она состояла из сотен маленьких аккуратных косичек. Интересно, сколько часов тратит этот индус, чтобы причесать свою бороду?

На голове таможенника была чалма — огромная белая чалма, вобравшая в себя несколько метров белого полотна. Через день я стала свидетельницей, как одному индусу два его товарища помогали наматывать чалму. Они держали полотнище длиной в восемь метров, а индус наматывал его себе на голову.

Здесь же, в зале аэропорта, со мной произошел забавный случай. Таможенник, заинтригованный нас своей бородой и чалмой, приступил к своим непосредственным обязанностям — стал просматривать наши вещи. Первым чемоданом, который попался ему, оказался мой. Чиновник привычно осмотрел все вещи, не нашел ничего подозрительного, кроме... коньков. Житель тропической Индии, он ни разу в своей жизни не видел коньков, а потому был крайне удивлен. Он решил, что я везу с собой холодное оружие. Таможенник попробовал лезвие конька — оно было достаточно острым.

Чиновник сказал мне:

— Это провозить нельзя.

— Как нельзя? — удивились мы. — Ведь это коньки, мы же едем на первенство мира. Мы конькобежцы...

Таможенник стоял на своем:

— Я должен осмотреть коньки. Разрезать их, проверить.

Все наши спортсменки переглянулись.

— Значит, он осмотрит, разрежет и проверит коньки всех наших бегунов? А как же нам ехать в Японию без своего оружия?

Все ребята застыли в недоумении. Потом мы встали в «стойку» и принялись имитировать движения конькобежцев. Но и это было бесполезно. Мы надеялись, что индус вспомнит какой-нибудь кинофильм, телевизионную передачу, — вспомнит и не будет конфисковывать наши коньки. Но оказывается, этот индус не видел ни одного фильма про конькобежцев, а телевизионные передачи с первенства мира по конькам в Индии ни разу не транслировались.

К счастью, у кого-то из ребят оказались иностранные журналы, в которых были фотографии наших бегунов — золотой финиш Гришина на Олимпиаде в Скво-Вэлли, бег Косичкина на прошлогоднем первенстве мира в Москве. Эти снимки больше подействовали на таможенника, чем наши имитации. Коньки были возвращены мне, а над другими нашими спортсменами угроза конфискации уже не висела...

Когда кончилась проверка вещей, мы получили, наконец, возможность посмотреть индийскую столицу. Первое, что бросилось в глаза, — дети. Их было много, маленьких и безумно грязных индийских малышей. Они окружили нас и стали просить:

— Что-нибудь блестящее подарите!

На следующий день мы вылетели в Калькутту.

В гостинице меня поместили в один номер с Таней Сидоровой. Утомленные перелетом, мы решили сразу же броситься на постели и спать. Приняв душ, устремились к своим кроватям и вдруг неожиданно остановились. Ужас охватил нас обеих, но мы не кричали.

а лишь выжидающе смотрели на свои кровати. Под белыми простынями шла какая-то отчаянная борьба. Простыни подымались, опускались. Кто это? И Таня и я молчали, чтобы не сойти с ума.

— Простыни-то наши ходят, — сказала Таня.

— С чего бы это? — спросила я.

— Наверное, змей? — высказала предположение Таня. — Посмотрим?

— Терпеть не могу змей! — содрогнулась я.

— Но ведь надо спать, — грустно констатировала Таня. — А может, они не кусаются? Здесь есть змеи без ядовитых желез.

— Что же делать?

— Попросить их освободить наши постели!

— Будь вежливой и осторожной, — предупредила я свою подругу. — Если не ты, то кто же будет выигрывать в Японии спринт?

Тихонечко мы приподняли свои простыни и увидели на постелях ящериц. Они мирно спали, положив свои головы на подушки. Странно: они спали, хотя еще минуту назад боролись друг с другом...

Палочкой мы попросили «гостей» за дверь. Закрыли за ними. Легли спать. Таня тщательно проверила задвижку окна: мало ли что может быть в этой стране, где звери гуляют на улицах?

Честно говоря, мы не могли спать ночью. Я лежала не шевельнувшись, боялась раздавить ящериц или змей, которые могли запросто пробраться в кровать. Таня тоже пыталась уснуть. И ее старания тоже были тщетными.

В середине ночи раздался стук в окошко. Мы вздрогнули: за оконную скобу держалась большая обезьяна, а вокруг нее на подоконнике прыгали маленькие зверюшки.

— Попали мы в вагон для некурящих, — улыбнулась Танюша.

— И не говори, — покачала я головой.

Осмелев, я подошла к окну — победило женское любопытство. Картина, которая предстала моим глазам, была непередаваемой: на подоконнике устраивалась на ночлег обезьянья семья. Звери поднялись к окну по большому дереву, толстая ветвь которого упиралась в наше окно. Звери чесали друг друга, лизались, ласкались.

Заметив меня, самая большая обезьяна сделала удивленное лицо и показала язык. Я рассмеялась и почувствовала, что в этой тропической ночи для меня не найдется ни одной минуты сна.

Из Калькутты самолет вылетел в Сайгон. Мы молча ждали встречи с этим городом. Машина плыла над джунглями. Я чигала книгу джунглей с высоты двенадцати километров. Видимость была хорошей. Но настроение становилось все паскуднее.

Приветствую тебя, пустынный уголок,
Приют спокойствия, трудов и вдохновенья,
Где льется дней моих стремительный поток...

Я знала, что эти стихи, вернее начало стиха, Пушкин написал, наблюдая за «деревней» с высоты птичьего полета. А когда он спускался на землю, то видел иное: «Здесь рабство тощее... здесь барство дикое... здесь девы юные цветут для прихоти развратного злодея... Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный? — этим вопросом кончается стихотворение, которое начиналось плавными лирическими восторженными строчками.

Всегда в трудные минуты жизни мне на помощь приходит литература — я отвлекаюсь, перебирая воспоминания, забываю о сегодняшнем дне. Но в этот раз Пушкин меня не выручил. Мы летели в Сайгон. Навстречу войне грязной, бессовестной. Мы приближались к стране, в которой лилась кровь партизан, где южновьетнамский народ изнемогал от насилия американцев.

В Сайгоне нас не выпустили даже на трап самолета. На несколько часов, пока приводился в порядок самолет, мы вынуждены были замереть в креслах. Как олицетворение тупости, бездумности и держимордства, в дверях самолета встал невысокий южновьетнамский солдат с автоматом в руках. Стоило кому-нибудь из нас пошевелиться, как солдат подходил к креслу и на своем языке говорил что-то оскорбительное и вызывающее. Очевидно, не надеясь на свои слова, солдат махал автоматом и грязно ругался...

После Сайгона была Япония. Страна вулканов и трудолюбивых людей. Страна искусственных катков и американских военных баз. Страна, которая на следующий год соберет в своей столице самые представительные за всю историю Олимпийские игры.

Мы прилетели в Токио ночью. Плясали неоновые огни реклам. В аэропорту нас тепло встретили японские спортсмены. Ко мне подошел принц Токэда, мой старый знакомый с первенства мира 1958 года, и пожелал отличного старта в Каруидзаве.

После знакомства с японской столицей мы выехали в горный курорт Хаконэ, где тренировались на искусственном катке. Скольжение было отличным, воздух прозрачным, настроение веселым. Мы ждали первенства мира, готовые забрать все золото чемпионата. Ребята

решили не отставать от нас и тоже грозились отстоять лавровый венок, завоеванный год назад Витей Косичкиным. Мы же улыбались, слушая эти заверения. Единственный человек, в кого мы безоговорочно верили, был Женя Гришин. Он не претендовал на победу в многоборье, но отдавать золотую медаль в спринте никому не собирался.

Перед чемпионатом я заболела гриппом. Кружилась голова. Металась температура. Нос распух и покраснел. Тренеры начали серьезно задумываться: «А смогу ли я поправиться к дню открытия первенства мира?»

Не знаю, как в японские газеты просочился слух о моей болезни, но все они были полны догадок, предположений. Если до этого злосчастного гриппа пресса единодушно отводила мне первое место, то теперь меня уже не принимали всерьез — грипп есть грипп.

Девушки тренировались, а я сидела в гостинице, боясь выйти на улицу. Было тоскливо и скучно. Терпенью моему, сами понимаете, пришел предел, и я убежала с девчонками на тренировку. Правда, сама я не делала никаких упражнений, просто стояла у бровки и наблюдала за подругами.

Неожиданно ко мне подошел один японец. На ломаном русском языке он сказал:

— Госпожа, госпожа! Я купил вам повязку! — японец протянул мне марлевую повязку.

— Спасибо, — сказала я и, недоумевая, взяла повязку. Не понимая, что мне делать с ней, сунула марлю в карман. А сама продолжала переживать за своих девчат, готовящихся к первенству мира. Я помогала им советами, считала круги, проверяла по секундомеру графики.

Через некоторое время ко мне подошел еще один

японец. Он говорил примерно то же, что и первый молодой человек:

— Я принес вам повязку!

— Зачем она? У меня уже есть одна, — я спрятала марлю в карман пальто.

И этот второй японец не стал последним, кто предложил мне марлевую повязку. Двадцать марлечек скопилось за одну тренировку. Вечером мне объяснил переводчик, что японцы, прочитав в газетах о моей болезни, предлагали мне повязки, чтобы предостеречь от дальнейшей простуды.

— Им хочется видеть вас на льду Каруидзавы, — заверил меня наш гид. — Так уж не обманите их ожиданий.

— Постараюсь!

Перед первенством мира пресса неистовствовала. Газеты печатали статьи, очень пространные и содержательные. Журналисты рассказывали, что было на первенствах мира. Что может быть и чего не должно случиться.

Не забыть, как ответил юный Йонни Нильссон на вопрос одного из корреспондентов:

— Чем вы будете заниматься после чемпионата мира?

— Если выиграю, то буду пить вино и любить девушек, — признался Йонни со скандинавской непосредственностью, иронией и (что уж скрывать?) прямоотой.

В Каруидзаву — небольшой японский городок — съехалась вся конькобежная элита мира. Город принарядился, похорошел. Улицы заулыбались флагами, транспарантами, китайскими фонариками. В день торжественного открытия первенства была отличная погода. Дул небольшой ветерок. Он не страшил спортсме-

нов. Каток был защищен с одной стороны вулканом Асама, с другой — склоном безымянной сопки.

Парад был пышным. Небо улыбалось цветными глазами фейерверков. Девушки дарили спортсменам цветы. И вот здесь обнаружилось, что никому из членов американской команды этих цветов нельзя подарить. Американцы, которые во время торжественной церемонии улыбались и жевали резинку, решили, что им вовсе не обязательно ждать парада до конца, и разошлись кто куда: снимать парад на киноленту, отдыхать, играть в настольный теннис.

Японские девушки с цветами, предназначенными для американцев, встретили лишь мальчика, державшего знаменитую дощечку со словами «USA». Японец повторял:

— Здесь стоит американская команда. Она сейчас вернется.

Наивный, как он ошибался!..

Первыми стартовали девушки. Я не смогла победить в Японии, завоевала лишь серебряную медаль, уступив золото своей подруге из Челябинска Лиде Скобликовой. Она выступала превосходно, выиграла все четыре дистанции, установила мировой рекорд на тысячеметровой дистанции.

Что случилось со мной? Я не знаю. Так глупо подвела меня болезнь? Не оправдала я доверия друзей, брата, сестренки?.. Наверное, зря я выступала безотказно на всех соревнованиях в стране? Не сумела сберечь сил, достигнуть высшей формы к чемпионату мира?

Зачем я ищу оправданий? И нужны ли они? Разве плохо завоевать серебряную медаль? Неужели стыдно проиграть сильнейшей?

Победа Скобликовой обрадовала и окрылила мужчин. Все поняли: надо ждать рекордов. И они были, мировые рекорды. Феноменальные, не укладывающиеся в прежние представления о пределах человеческих возможностей. К сожалению, установили их не наши скороходы. Результаты советских бегунов были более чем скромные: Олег Шабаров занял одиннадцатое место. Никогда еще за последние десять лет наш спорт не знал подобного провала. Горьким оказался для нас лед Каруидзавы. Ясно было, что мы катастрофически отстаем от скандинавских конькобежцев.

Нужны были радикальные изменения в методике тренировки, в планировании нагрузок. Необходимо было переходить на ежедневные тренировки, творчески осваивать все новое, что тренеры шведов и норвежцев внедрили в жизнь.

Горьким был лед Каруидзавы. И это хорошо, что он был горьким. Мне сразу вспоминается десяток поговорок: «Лучше поздно, чем никогда», «Нет денег перед деньгами», «Нет худа без добра».

Разгром в Каруидзаве послужил нам хорошим толчком для быстрого движения вперед. Уже через год Антс Антсон стал первым конькобежцем Европы и чемпионом Олимпийских игр. Наш конькобежный спорт был здоровым внутри, и лишь сверху немного притупились коньки...

Но я отвлеклась. И теперь постараюсь из области философии и обобщений вновь вернуться на искусственный лед Каруидзавы, рассказать две забавные истории.

После того как Лида Скобликова выиграла тысячу метров, она уже стала чемпионкой мира. Тройка практически не имела для нее значения. Победа челябин-

ской спортсменки была настолько ошеломляющей, что все тренеры, взбудораженные и счастливые, забыли, что нам бежать еще последнюю дистанцию.

Перед самым стартом выяснилось, что мой помощник, который должен был стоять на «бирже» и вести меня по графику, куда-то скрылся. Я нервничала, оглядывалась по сторонам, но след его словно простыл. Заметив мое волнение, ко мне подбежал один из советских туристов, мой старый знакомый. Он сказал мне, заикаясь от волнения:

— Д-да-вай график, я т-те-бя поведу!

Я дала ему приблизительный план своего графика по кругам. Он был составлен с учетом времени Лиды, пока лучшего, показанного на первенстве.

Итак, начинается мой забег. Я резво беру старт и выхожу вперед. Приближаясь к «бирже», где стоит мой помощник, хочу услышать от него:

— Плюс два...

Или:

— Минус один...

Эти слова будут означать, что я или перевыполняю график на две десятых секунды, или отстаю от него на одну десятую.

Пробегаю мимо «биржи». Вижу дергающееся лицо своего «секунданта», слышу какие-то нечленораздельные звуки:

— Д-д-д...

И тут только я вспомнила, что мой знакомый заикается, что при всем его желании помочь он только помешал мне хорошо пройти дистанцию.

Еще семь раз я проносила мимо него, и всякий раз ветер доносил:

— Т-т-т...

Когда после забега «секундант» подошел ко мне и сказал:

— Ты п-пос-мотри с-свой график... Х-хо-рошо б-бе-жала! — я улыбнулась и поблагодарила его. И сделала это искренне: ведь нелегкая спортивная жизнь приучила меня знать цену не только победам, но и поражениям, которые надо принимать с усмешкой:

Принимаю тебя, неудача,
И удача, тебе мой привет!
И смотрю, и вражду измеряю,
Ненавидя, кляня и любя:
За мученья, за гибель — я знаю —
Все равно: принимаю тебя!..

После торжественного закрытия женского чемпионата мира все спортсменки разбрелись по своим номерам в гостинице — хотелось отдохнуть, сбросить немыслимое напряжение двух дней борьбы, побыть наедине с собой, почитать. Но не прошло и часа такого пассивного отдыха, как во всех номерах зазвонили телефоны:

— Что делаешь?

— Скучаю. А ты?

— И я тоже. Приходи ко мне!

Ко мне на «огонек» заглянули две польские бегуньи Пилейчик и Серочинска, потом зашла шведка Якобсон. Мы включили телевизор — на экране мелькали (кто бы вы думали?) американские ковбои, умирали индейцы. Потом неожиданно в фильм ворвалась реклама:

— Покупайте бюстгальтеры фирмы... Самые красивые в мире бюстгальтеры...

Совсем как в «Клопе» Маяковского:

— Бюстгальтеры на меху!..

После рекламы передавали поединок боксеров. Это

был не бой, а грязная драка. Смотреть ее могли только люди с ненормальной психикой. Нам надоела телевизионная программа, и мы решили веселиться. Сделали чучело, положили его на мою кровать, надели черные очки, шапку-парик, пальто, рейтузы, рядом положили коньки. При первом взгляде на это чучело создавалось впечатление, что это лежит человек, совершенно обессиленный и разуверившийся в себе.

Пилейчик позвонила доктору сборной страны Савелию Алексеевичу Мышалову:

— Мы говорим от Инги. После проигрыша ей стало плохо, потеряла сознание, лежит на кровати. Доктор, быстрее...

Я спряталась за шкаф. Когда в комнату вошел доктор, он попросил включить верхний свет. Взял руку чучела, долго искал пульс. Потом разразился смехом:

— Ничего не понимаю...

И наконец, последнее — говоря о своеобразии Японии, нельзя не отметить ее болельщиков. На первенстве мира было довольно много болельщиков. Но они не кричали, не шумели, а, сдерживая свои чувства, присутствовали на стадионе. Лишь когда на лед выходили японцы, трибуны взрывались и рукоплескали.

В южной Японии болельщики холодны и рассудительны.

В холодной Скандинавии болельщики темпераментны и неукротимы. Парадокс...

Признаться, нам было не по себе от такого «боления». Так, наверное, бывает не по себе актеру, когда зал никак не реагирует на его выступление.

Болельщики внимательно смотрели за борьбой на дорожках. Но не восхищались, не переживали. Они, ес-

ли можно так выразиться, административно присутствовали на катке. Присутствовали затем, чтобы завтра утром сказать сослуживцам:

— Был вчера на чемпионате.

— Ну и что?

— Смотрел.

— А...

Особенно мне было обидно за Лиду Скобликову. Она стояла на пьедестале почета, увенчанная лавровым венком, гордая и красивая уральская девушка. Я ей похорошему завидовала, вспоминала свои победы, свои лавровые венки, выигранные на катках Скандинавии, вспоминала оации, минуты счастья, когда ты одна проходишь пятую дистанцию...

А Лиде не пришлось испытать этого счастья. Лишь несколько хлопков раздалось, когда ей вручали Большую золотую медаль. Трибуны были пусты, японцы разошлись по домам — смотреть телевизоры, переживать за ковбоев, созерцать рекламу нижнего белья, выпускаемого фирмой Мицукури...

Скобликову окружили только журналисты, кинорепортеры и радиокомментаторы.

Я успокаивала подругу:

— На следующий год первенство мира будет в Швеции. Там тебя будут приветствовать горячее!

Лида призналась:

— Как мне хочется догнать тебя, стать тоже трехкратной чемпионкой мира.

— Догонишь, ты ведь и моложе меня.

Уверенная в себе, жаждущая новой борьбы, шла я в гостиницу. Знала: до следующего первенства мира остался целый год. И еще я знала: год — это всего лишь 365 дней. Как этого мало!

■ ЛИШЬ ТЕБЕ НЕ ДАНО ПРИМЕЛЬКАТЬСЯ

Недавно я просматривала свои дневники. Пожелтевшие страницы хранили мои сомнения, мысли, все то сокровенное, что было у меня. Восторженность девятнадцатилетней спортсменки и зрелость женщины почти тридцатилетней — все это есть в дневниках. Читала я с трудом: многое вспоминалось, наслаивалось, будило и жгло. Память ума и память сердца вспыхивали при одном взгляде на старые записи. Взять хотя бы вот эту:

«...Итак, два мировых рекорда в один день! Конечно, я счастлива! Бежала хорошо, легко и весело. Меня спрашивают: где тебе было особенно тяжело?

Не знаю. Не помню. Вероятно, летом...»

Вероятно, летом... Что это, игра слов, манерность?

Разумеется, нет! За этими словами скрыты суровые и тяжелые, как штанга, летние тренировки конькобежцев. Сейчас в коньках, как ни в одном другом виде спорта, возросли объемы тренировок.

Помню, как тренировались Мария Исакова, Зоя Холщевникова, Римма Жукова. Зимой они работали с полной нагрузкой — тренировались через день, выступали в соревнованиях в последние дни недели. А летом они могли позволить себе поотдыхать от тренировок, сбросить напряжение. Сейчас устраивать себе летние каникулы практически невозможно. В марте кончается зимний сезон, и в марте же начинается новый, еще более насыщенный соревнованиями. И часто бывает так, что скороход, кото-

рый всего лишь пять-шесть дней в апреле — мае не работал в полную силу, чувствует усталость перед самыми ответственными ледовыми стартами.

Однажды я выступила в устном выпуске журнала «Спортивная жизнь России» на комбинате «Стройпластмасс» в Московской области. Ехать до комбината было долго. Шоссе, весеннее, скользкое, коварное, было запружено машинами. Шофер беспомощно оглядывался кругом, выискивая малейший коридор, чтобы прорваться из скопища автомобилей.

Шофер спешил, он знал: в клубе нас ждут сотни людей, пришедших на встречу с чемпионкой мира. И обидно было злоупотреблять временем сотен людей, опаздывать на вечер. Но мы, затерянные в потоке машин, были бессильны прибавить скорость хоть на пять лишних километров.

Когда мы приехали к рабочим комбината, то думали, что все уже разошлись: шутка ли, мы опоздали на час! Но любители спорта сидели в зале. Они вовсе не скучали, занятые созерцанием соревнования силачей, которые проводились на сцене. Молодцы ребята, наши-таки выход!

Конкурс силачей подходил к концу. Оставались последние подходы. Самые сильные парни, выжав семьдесят килограммов, не решались идти на больший вес. Ну что ж, победителям вручили грамоты, товарищи тепло поздравили их, и начался устный выпуск журнала. Инструктор физкультуры комбината мастер спорта Валерий Кудрявцев предоставил слово мне. Я должна была рассказать о последнем чемпионате мира по конькам.

Свое же выступление я начала несколько неожиданно — подошла к штанге, оставшейся на помосте после

конкурса, измерила взглядом металлический снаряд весом в семьдесят килограммов, улыбнулась.

— На тренировках мы пробегаем по несколько километров кроссов, по два-три часа занимаемся греблей на академических лодках, поднимаем по десять тонн металла...

— По десять тонн? — усомнились в зале.

— Да, по десять! — ответила я. — Если хотите, я могу без особого труда толкнуть вот эту штангу, — я кивнула в сторону застывших семидесяти килограммов.

— Хотим! — крикнул мужчина, который несколько минут назад воевал с этой штангой на помосте. Он был бессилён покорить металл и вот теперь мечтал увидеть, как это сделает женщина.

«Назвался груздем — полезай в кузов!» — сказала я себе и, несмотря на то, что была в туфлях на высоких каблуках и в платье, далеко не спортивном, подошла к штанге. Напряглась. Толкнула ее вверх, поддержала на вытянутых руках, опустила за голову на плечи, присела с металлом, снова поднялась на ноги и положила штангу на место.

Рабочие комбината захлопали. Мне показалось, что они своими аплодисментами простили мне опоздание на вечер.

После упражнений со штангой я продолжала свой рассказ:

— Штанга занимает особое место в нашей тренировке. Я работаю обычно со средними весами — килограммов пятнадцать-двадцать. Но иногда иду и на пятьдесят, и на шестьдесят, и на семьдесят. Толкаю, рву, жму, приседаю, прыгаю. Очень люблю, к примеру, тридцать раз «пожать» тридцатикилограммовый снаряд. Глядя на меня, вы думаете: «Ну, вам, Инга,

сам бог велел так тренироваться. Вы сильная, большая». Да, меня бог и природа не обидели силой и ростом. Но ведь я не одна. Каждая из наших бегуний делает то же, что и я. Возьмите Валю Стенину. Ведь эта маленькая, миниатюрная тридцатилетняя женщина проделывает те же упражнения, что и все. Когда она наклоняется над штангой весом в шестьдесят килограммов, я боюсь, что Валя сломается — до того она кажется хрупкой и нежной. Но стоит посмотреть на лицо Стениной, как поймешь: да ей не только этот вес не страшен, но и любой другой.

Наверное, кто-то из вас помнит, как, вернувшись из Скво-Вэлли, где он стал двукратным олимпийским чемпионом, Евгений Гришин сказал в интервью журналистам:

— О чем я мечтаю? Трудно ответить. Хочу закончить институт и получить третий разряд...

Журналисты недоумевали: один из самых замечательных заслуженных мастеров, член сборной страны по конькам и велосипеду мечтает о третьем разряде!..

Но Гришин действительно мечтал о третьем разряде по штанге. Он один из первых скороходов уделил этому снаряду особое место в своей подготовке. А поскольку успехи Гришина были ошеломительны, все наши конькобежцы стали работать со штангой. А сейчас это стало просто необходимостью. Это понимает любой человек, который готовится к борьбе за корону чемпиона всего земного шара...

Десять лет назад на первенстве мира, которое проходило в Москве, я, начинающая перворазрядница, подошла к шведскому бегуну, чемпиону мира Сигге Эриксону. Я спросила, как ему, сыну простого лесоруба из глухой деревеньки на краю света, удалось стать пер-

вым конькобежцем мира. Сигге ответил, что его успехи зависят от «трех вещей». Я долго гадала: какие это «три вещи»? Расстояние, время, скорость? А может: настойчивость, работа, второе дыхание?

Эрикссон улыбнулся: «Тренировки, тренировки и снова тренировки. В это понятие входит многое, но самое важное — как тренироваться. И не так легко разобраться в этом, не затратив на обучение определенное время».

Сейчас, через десяток лет, я убедилась, что Сигге был совершенно прав. Теперь уже меня спрашивают: в чем секрет ваших успехов? Мне трудно ответить на этот вопрос. Я уже писала: у меня нет секретов. Просто я трезво смотрю на свои возможности. Мне уже много лет, но тем не менее я каждый день уделяю несколько часов спорту. Это стало моей насущной потребностью. Как чтение газет, как чистка зубов. Спорт никогда не был для меня самоцелью, я не смотрела на него потребительски через призму секунд, килограммов и километров. Я стремилась поставить его на службу делу, которому я посвятила всю свою жизнь. Спорт помог закалить мне силу воли. Позанимавшись на тренировках, я могла сесть за учебники и сделать за один час объем работы больший, чем сделала бы, не занимаясь спортом.

Каждый из нас знает, что пианист Рихтер восемь часов в день репетирует у рояля, а потом еще четыре часа разучивает новые произведения и бесконечно повторяет старые — Шопена, Чайковского, Рахманинова. Мы с горечью узнали, что в Боткинской больнице умер от рака крови русский хороший писатель Степан Злобин. И еще мы узнали, что, смертельно больной, он по десять часов в сутки работал над своим послед-

ним романом, стараясь закончить его. А Хемингуэй? В его жизни не было дня, чтобы он не написал строчки.

У нас многие сравнивают спорт и искусство. Не берусь утверждать правомерность этого сравнения, хотя я разделяю его целиком и полностью. И вот мне хочется заметить: чтобы стать настоящим большим спортсменом, подлинным художником своего дела, человек должен отдавать спорту так же много времени, как это делают виднейшие мастера искусства.

Поэтому-то на вопрос: «В чем секрет ваших успехов?» — я могу сказать:

— Самый главный секрет — я не боюсь работы на тренировках, простой, черновой, будничной работы. Тренировки привлекают меня своей целеустремленностью, строгостью. Пройдет лет десять, я оставлю спорт, но разве смогу я день прожить без тенистых аллей парка, где бегают кроссмены, разве смогу я не прийти в зал и не попрыгать со штангой, разве не сяду я за весла в гребном бассейне? Пройдут годы, вырастут и окрепнут уже мои дети, и им я передам, как эстафету, осознанное и гордое утверждение, что спорт делает человека полнокровным, здоровым и, если угодно, участливым! У меня никак не выходят из головы стихи Бориса Леонидовича Пастернака. Они обращены к Черному морю. Но я, читая их, думаю о своей работе, о тренировках:

Приедается все,
Лишь тебе не дано примелькаться.
Дни проходят
И годы проходят,
И тысяча, тысяча лет.
В белой рьяности волн,
Прячась
В белую пряность акаций,

Может ты-то их,
Море,
И сводишь и сводишь на нет...

Так и работа, тренировки. Единственное, что никогда, никогда не изменит. Могут отказаться друзья, отвернуться и позабыть товарищи, но никогда не обманет тебя любимая работа:

Придается все,
Лишь тебе не дано примелькаться...

Как я тренируюсь? И что делаю? Ответить на этот вопрос одним словом нельзя. Я люблю ходить пешком, моя дневная норма — двадцать километров; с увлечением катаюсь на академических лодках, почти все лето стараюсь проводить у воды.

Кстати, интересная деталь: чемпион Европы и олимпийский победитель Антс Антсон за период с мая по октябрь набегал 110 часов кроссов. А я лишь немного отстала от него — моя сумма около 90 часов. Наверное, любопытно будет узнать, что чемпион России Витя Кузовков смог осилить лишь 70 часов кроссов.

Что мне было важно в тренировках? Развивать силу, скорость, выносливость? Совершенствовать технику бега? Конечно! Впрочем, мне не хочется ограничиваться общими фразами, я приглашаю вас побыть неделю на моей тренировке. Предупреждаю: эта неделя отличается от других тем, что я более-менее освободилась в институте, что все театры уехали на гастроли и мне не надо выстаивать очереди за билетами на «Трехгрошовую оперу» и «Принцессу Турандот».

Итак, воскресенье! Просыпаюсь, бегу к водохранилищу, десять минут делаю гимнастические упражнения, купаюсь.

А днем уезжаю в лес. Я вообще люблю простор и свежесть. В березовой роще легко дышится. Мне кажется, что человек чувствует себя в лесу, точно в невесомости, — любая усталость быстро снимается. После бега по лесу, когда намаешься так, что еле представляешь ноги, ложусь на землю и бегаю глазами по небу. И уже минут через двадцать я «воскресаю» — чувствую себя бодрой, и окрепшей, и готовой к новым перегрузкам.

В этот день я занимаюсь легкой атлетикой — сорок минут бегаю, затем двадцатиминутная темповая зарядка, прыжки с места, прыжки в высоту. Нахожу какой-нибудь камешек килограммов на пять и толкаю его, словно ядро.

А после тренировки купаюсь. Это удивительное купание: в лесу, извиваясь между деревьями, течет маленькая речушка — ее можно перейти вброд. Ложусь в воду, отдыхаю. Течения почти не чувствую. Лежу на спине, лежу, разбросав руки в стороны и запрокинув голову. Спокойно и очень тихо кругом, потому что уши закрыла вода, иногда эта тихая вода заливает лицо, тогда я шевелю руками, чтобы всплыть...

Понедельник у меня абсолютно ничем не отличается от воскресенья — я имею в виду начало дня: небольшая пробежка, зарядка, купание. Все это я делаю каждый день, то есть триста шестьдесят пять раз в году.

А днем работаю над развитием скоростных качеств. Хотя я и являюсь мировой рекордсменкой, но все же на дистанции 500 метров выступаю не всегда ровно. А ведь ясно, как дважды два, что без улучшения результатов на самой короткой дистанции мне не видать отличных сумм многоборья.

Спринт я люблю. Он мне особенно нравится своей категоричностью и безоговорочностью.

В понедельник я еду в бассейн. Плаваю много — часа два. Всеми стилями. Любой отрезок преодолеваю, стараясь показать хорошую технику плавания.

Во вторник после обычных пробежек и купаний я иду к доктору, мне надо посоветоваться, почему ухудшилась реакция на спринт. Врач успокаивает, советует немного снизить нагрузки.

На водохранилище я усаживаюсь в изящную одиночку, вместе со мной тренируется чемпионка Европы по гребле моя подруга Галя Константинова. Я люблю Галкой и стараюсь не отставать. Вспоминаю, как тренировалась у Санина. Кстати, и Константинова пробовала свои силы в его секции.

В этот день я прохожу девять километров. Четыре из них работаю в темпе, два — гребу спокойно, а три — отрабатываю резкий гребок.

Почему-то я выбираю всегда одиночку. Наверное, оттого, что привыкла в коньках трудиться в одиночку, самостоятельно. Дерзать, находить, мучиться, рыдая от неумения! Какая я еще молодая! Я могу постигать такую яростную радость одоления собственной слабости, гордое чувство нужного человека. Именно поэтому о самостоятельной работе спортсмены помнят всю жизнь. Как о первой любви.

Среда и четверг у меня похожи — техническая и прыжковая имитация чередуется с многоскоками.

Я занимаюсь неподалеку от пионерского лагеря. После занятий в лесу прошу у инструктора лагеря штангу. Начинаю «железную игру», работаю с тяжестями. В прошлом году Антс Антсон за 166 тренировочных занятий поднял 360 тонн. Сегодня этот результат не

предел для мужчин-сорокоходов, да и мы, женщины, уверенно к нему подбираемся.

Я уже говорила, как работал со штангой Женя Гришин. Он заразил нас всех, и он же не дал нам остановиться на достигнутом. Как-то Жене случилось съездить в Норвегию по поручению общества «СССР — Норвегия». Утром Гришин выступал в соревнованиях, неизбежно побеждал всех спринтеров. А вечером он читал лекции о советском физкультурном движении. Но Гришин не был бы Гришиным, если бы он не приглядывался внимательно к скандинавским бегунам. Вернувшись на Родину, Женя рассказывал нашим спортсменам массу прелюбопытных подробностей. К примеру, мы узнали, что Фред-Антон Майер приседает с пятидесятикилограммовой штангой тысячу раз, а любой из членов сборной — не менее трехсот пятидесяти. Гришин же, который из наших спортсменов больше всего любит упражнения с металлом, может присесть с таким снарядом всего сто раз.

Система работы с тяжестями, которую вел норвежский тренер Йонсон, очень привлекла меня. Я распланировала свои тренировки так, чтобы последовательно подготовить себя к перенесению больших нагрузок.

Я уважаю штангу, но иногда боюсь переборщить. Я ведь женщина. Часто, когда бываю на вечерах и балах, когда надеваю открытые платья, то люди не верят, что я на этих плечах могла ворочать по десять тонн металла за тренировку.

Предпочитаю работать со средними весами. И вот почему — на одном из занятий я, рванув штангу, не удержала ее над головой и снаряд свалился мне на живот, надолго выведя меня из строя.

В пятницу и в субботу я тренируюсь на роликовых

коньках. Вместе с тренером Лило Горкуновым мы нашли недалеко от Москвы уютное местечко, где протянулась стрелочка асфальта. По ней-то и можно мчаться на роликах. Автомобили здесь бывают редко. Больше того — ссоры грачей даже помогают мне, отвлекают от мыслей об усталости.

На роликах я делаю все упражнения из учебника. Но одно из упражнений мы придумали с Лило Феодосьевичем. Мне нравится чувствовать скорость. Я привязываюсь веревкой к машине, которую ведет тренер. Машина бежит со скоростью сорок километров в час. Приучаю себя к скорости, побеждаю тошнотворное чувство страха, которое рождается, когда подо мной проносится зернистое, как наждачная бумага, полотно асфальта.

На одной из тренировок произошло такое, что я была на грани трагедии. Какой-то хулиган, который ехал на машине, решил попугать меня — дал неожиданный сигнал прямо над моим ухом. Я оглянулась, увидела наезжающую на меня машину, испугалась, потеряла равновесие, упала. А тренер не заметил падения и продолжал гнать машину. Я содрала себе бок, ноги, плечи...

К счастью, все кончилось благополучно. После месяца болезни приступила к тренировкам...

Вот и кончилась моя спортивная неделя, неделя работы, которая берет меня всю, давая взамен радостное чувство прочности и надежности, доверчивости и признательности, преданности и доброты. «Приедается все, лишь тебе не дано примелькаться», — в сотый раз повторяю про себя строчки Пастернака и думаю, неотвязно и упрямо, о черновой работе спортсменов, не легкой, но благодарной.

■ ВИСОКОСНЫЙ ГОД

Вот теперь лежи и думай. Обо всем. Большом и малом. Низком и великом. Сопоставляй. Вспоминай. Проверь: как жила, зачем жила? Что обуревало тебя: корысть или доброта? Была ли ты честной в дружбе.

Вот теперь лежи и думай...

Начинается високосный год.

Для меня високосные года не бывают радостными — я или болею, валяюсь по больничным койкам, или плохо бегу — падаю на дистанциях, не верю в себя.

Странно, все эти метаморфозы происходят со мной именно в високосные года. Жизнь спортсмена в общем и не очень уж долгая. В двадцать восемь лет тебя уже называют ветераном и за глаза поговаривают о замене. Хорошо, если ты выигрываешь, если ты остаешься на голову сильнее противников, тогда ты можешь работать и тренироваться спокойно, не форсируя нагрузок, не ломая себе настроения, не играя на нервах. И плохо, когда за твоей спиной есть достойные противники. Собственно, это и не очень плохо. Больше того — хорошо. Раз есть противники — значит, будут борьба, рекорды, проявления человеческой воли, мужество, трудолюбие, беспокойство. Плохо другое: когда у тебя есть замена, то тобой начинают не очень дорожить, придираются к мелочам, трепать нервы, дают понять, что замена есть, что время уходить из большого спорта уже подошло.

А что же делаешь ты? Ты, еще молодая и полная сил, опытная и пытливая, ты, которая не раз одерживала сенсационные победы? Что ты делаешь?

Пробуешь остаться в спорте, показываешь такие

секунды, которые тебе не снились и в пору расцвета. Ты все отдаешь спорту, но... дни твои, к сожалению, сочтены!

Сейчас мне двадцать восемь. Пора зрелости. Возраст уже не вопросов, но ответов. А для спортсменки это осень. Пора воспоминаний и грусти. Сплошной понедельник.

А может, зря я все это? Ведь была же в истории болдинская осень Пушкина. Осень, вместившая в себя столько гениальных вещей и немеркнущих мыслей!..

Сейчас все конькобежцы в Иркутске. Они катаются по голубому льду, тренируются. Я тоже должна быть с ними. У меня уже был билет на самолет, все вещи приготовлены, а потом неожиданный приступ, больница и — тоска от ожидания, от невозможности вырваться из этой тишины и приглушенных вздохов.

Новый сезон я встречаю в больнице. Раньше, когда я слышала от людей, что у них что-то болит, я не верила им, думала: «А как это — болит?»

Теперь знаю: когда болит — значит, очень больно. И эта боль ничем не убьется, она точит нервы методично и коварно — каждую минуту, каждый день.

Мне бы нужно было лечь на исследование еще летом. Тогда-то я впервые почувствовала, что-то во мне сломалось, болит и жжет внутри. Что это? Я приходила к доктору.

— Я заболела! — а сама улыбалась. Улыбалась, чтобы побороть стыдливость, скрыть застенчивость.

Врач мне не верил, думал, что я просто трудно переношу повышение нагрузки, что я устала от тренировок, которые не прекращаются ни на один день уже в течение пятнадцати лет. А чтобы не показать мне своей беспомощности, доктор гадал:

— Вы, должно быть, переели?

— Кто знает? — отвечала я и уходила. Он говорил, что я переела. А у меня со вчерашнего дня не было во рту ни кусочка хлеба — не могла даже думать о еде, настолько все внутри переворачивалось.

И вот приступ перед отлетом в Иркутск. Меня положили в клинику и при тщательном исследовании нашли язву. «Наконец у меня есть какая-то болезнь!» — улыбнулась я. А то ведь я уже сама начала подумывать, что симулирую.

Вот теперь лежи и думай... Я достигла верхушки спортивной формы в подготовительный период, готова была выйти на лед — время торопило, в феврале в Инсбруке открывались Олимпийские игры. Я мечтала попасть в сборную страны и бороться за олимпийское золото. Но я забывала об одном — начинался високосный год. А он не забывал о дурной традиции — выводить меня из спортивной формы....

Профессор лечил сном. Это было ужасно — ведь заставляли спать человека, который не любит спать, ибо он привык к скорости и движению.

Как ни пытались мне засунуть в рот зонд, ничего не получалось. Однажды мы промучились с врачом десять минут. Безрезультатно. Тогда я решила: заставляю себя проглотить кишку. Настроилась, как перед соревнованиями, сосредоточилась и с силой и наслаждением проглотила зонд. Обрадовалась: значит, есть сила воли, следовательно, рано списывать «старушку», стало быть, мы еще поборемся, вернемся за подснежниками!

Лежала, мечтала. О чем? Об Олимпиаде. Но не в Инсбруке, а в Гренобле. Потому что знала: чудес не бывает, я вряд ли войду в форму до февраля и не поеду в Австрию. Снова девочки будут добывать зо-

лото без меня, а я, прильнув к экрану телевизора, стану переживать за них, болеть.

Год 1964-й — год Олимпиады, второй Олимпиады, где будут стартовать женщины-конькобежцы. А после будет год 1968-й — год третьей Олимпиады, тоже високосный год. И в том високосном году мне будет уже тридцать два года. Не много ли, Инга?

Страшно подумать, но я знаю — на третьей Олимпиаде я буду обязательно. Я одолею проклятый рок високосного года!

Целый месяц я оставалась наедине со своими мыслями, нервничала, завидовала, подчас в мыслях была несправедлива по отношению к подругам, которые в далеком Забайкалье парили надо льдом. Я стремилась вырваться из больницы, но профессор знал, что я чувствую себя неважно. Да и сама я это чувствовала: раньше, да даже три недели назад могла пробежать кросс двадцать километров — и не устать, а сегодня стоит мне подняться на четвертый этаж не на лифте, я еле сдерживала биение сердца, а задыхаться начинала уже на втором этаже.

Вместе со мной в палате лежала Наталья Николаевна. Ее привезли в клинику задолго до моего появления. Сравнительно молодая красивая женщина не могла ходить. Казалось бы, это должно было угнетать ее. Но Наталья Николаевна слыла неисправимой оптимисткой. Она могла часами рассказывать о животных, которых очень любила. Забавно она говорила о своей собаке. Я слушала ее — и окуналась в мир детства, попадала в дом на Петровке, смеялась, озорничала, заражалась с утра хорошим настроением. И в минуты, когда страх перед будущим сжимал мне сердце, я говорила своей «коллеге»:

— Расскажите про собаку.

И она рассказывала. А я чувствовала, как стихает боль моя, как сердце переполняется желанием жить.

Вообще этой маленькой прикованной к постели женщине я обязана тем, что смогла выдержать испытание оптимизма и еще уверенней научиться ходить по земле.

За неделю до моей выписки из клиники Наталья Николаевна разрешили ходить. Она встала на ноги и... не могла сделать ни одного шага. Ноги не слушались. Они словно забыли, как в детстве отмеряли десятки километров, как первыми пробегали на соревнованиях в пионерском лагере, как выстаивали часами в очередях за мукой и подсолнечным маслом в военные годы. Ноги забыли буквально все. Не забуду, как Наталья Николаевна делала первые шаги, как мучилась и радовалась.

Я помогала ей ступать по полу и думала про себя:

«И вот снова человек учится ходить по земле. Учится, потому что человек переполнен любовью к жизни, к движению, потому что годы болезни не могли убить в человеке радости движения, не развили в нем успокоенности. И вот она, сорокалетняя женщина, учится ходить. Во второй раз. И мне, конечно, снова придется учиться бегать на коньках. И я научусь! Пусть всегда стоит передо мной воспоминание о мужественной женщине!..»

В тот день, когда меня выписали из больницы, я не поехала домой. Дошла пешком от Лужников до Красной площади, заскочила в ГУМ. Вспомнила, что у меня нет ни копейки денег, что я не смогу доехать до дома даже на троллейбусе. Улыбнулась. Пошла пешком. Воздух пьянил. Шум улицы будоражил. Я гуля-

ла по Москве. Шла под мостами. Слушала, как плескалась река в своем каменном ложе. Черная река, осенняя и хмурая. Вода сонно и неприятно чмокала гранит. Над водой стояли парочки. Обнимались. Наверное, мечтали. А о чем они мечтали, гадали, думали, глядя на мосты? О том, что часто мы не замечаем мостов и идем в обход, что мы иногда боимся счастья и бежим от него.

И вот иду я по грязной и мокрой Москве. Мечты, воспоминания, надежды — все это было, все это прошло. Молодость и самоуверенность остались трепетать на одном из мостов. Начался снег, первый снег, перемешанный с дождем. Молодость, ветер...

О спорте мне говорить вредно. Давайте о другом. Есть под Ленинградом станция Новинка. Там жил мальчик Толя Суханов. Было ему восемнадцать лет. Он работал помощником машиниста на тепловозе. Мальчик любил походы, он мог часами слушать песню «Ты уедешь к северным оленям», мальчик любил книги Гайдара и Паустовского. А еще он любил бокс. Он не стал большим спортсменом. Ему просто не хватало времени, просто на его жизнь было отпущено ни мало ни много — ровно восемнадцать лет. И в день рождения мама купила ему боксерские перчатки. Он был честным и хорошим человеком. И жизнь рано спросила с него по самому крупному счету. Вот как это было: два тепловоза с огромной скоростью мчались друг на друга — стрелочник ошибся. Толя вел товарный состав. А прямо на него летел состав пассажирский. Катастрофы было не миновать. Оставались считанные метры. Машинисты могли бросить свои тепловозы, выпрыгнуть, спастись, но тогда погибли бы семьсот двадцать человек, спавших в вагонах пассажир-

ского поезда. Машинисты и их помощники ни секунды не колебались. Они жали на песочницы, тормозили. Они знали, что погибнут, но они боролись за те семьсот двадцать жизней, которые доверились им. Два тепловоза всмятку растоптали друг друга. И железнодорожники погибли. Все четверо. И среди них юный Толя Суханов. Боксер, хороший спортсмен, мужественный парень, настоящий боец. Твои цветы не завянут, Толя! Над твоей могилой стояли тысячи людей — рабочих депо. Плакали, надрывались тепловозы. Старый рабочий сказал:

— Последний раз мы прощались такими гудками с Ильичем!

Ты не стал чемпионом города, области, страны, мира. Но ты сделал больше — доказал, что спортсмены шли и идут в первых рядах, что мужества у них хватало и хватает не только на трудных спортивных дорогах, но и на жестких жизненных путях-дорогах... А я ведь не хотела думать о спорте.

Хочу забыть о нем. Я ведь трудно и нудно болела. Что, я сдаюсь? Да? Нет, просто по мосту нельзя идти в ногу. Спросите у любого солдата, у моего брата Володьки спросите — сливаются удары, суммируются силы...

Скоро я закончу институт. Стану тренером. Приду на какой-нибудь небольшой завод, создам секцию, буду работать с мальчишками и девчонками. Я хочу быть нужной людям, научить их не только брать от спорта силу и здоровье, но и умение заряжаться на ежедневную борьбу за утверждение своего «я». Я не хочу думать о спорте. Видите, говорю о работе, о маленьком заводе.

Спорт бывает знаете каким капризным! Как жен-

щина. И даже хуже. Мне как-то пришлось слышать: одна женщина сказала человеку, обожавшему ее:

— Я не прошу тебя любить меня!

Она дала понять, что может отложить его в сторону, что она всегда будет права. Женщина не сделала больно, а человек закричал. Принцип относительности узнается в жизни. Вряд ли та женщина знала о нем, но она научилась поучать других. Гулливер был большим среди лилипутов, а когда он попал к великанам, когда великанша держала его в руке, чуть-чуть придерживала, потому что забыла выпустить, Гулливер закричал.

Мне вот тоже везло в жизни. Три раза стала чемпионкой мира, четыре раза побеждала на первенствах Советского Союза, установила более десяти мировых рекордов — «были когда-то и мы рысаками»; гулливерами. А вот сейчас я попала к великанам. Меня придерживает великанша — болезнь, и ее сестры — усталость и сомнение. Не поэтому ли я раскричалась? Хватит плакаться, Инга! Завтра ты уедешь в Иркутск. Начнешь тренироваться.

Когда я пришла домой, то почувствовала, что не могу сделать и двух шагов. Упала на кровать. Бабушка испугалась, запричитала:

— Может, вызвать «Скорую помощь»?

— Ба, да я ведь умираю от счастья. Знаешь, как приятно жить и сомневаться, топать по земле после месяца заточения, видеть хмурое небо, чувствовать, как на твои щеки падает снег, падает и тает! Завтра улетаю на восток — еду тренироваться. А сейчас — спать!

В середине следующего дня я уже каталась на льду. Я преодолела всего три километра и не могла больше.

Гудели ноги и руки. Кружилась голова. Я вспомнила, как Наталья Николаевна во второй раз училась ходить, и поняла: еще не один день у меня все будет болеть и гудеть. Нужно было собрать мужество и силу воли, чтобы не растеряться от одной мысли, что все надо начинать заново.

И все же мы допустили серьезный просчет — я начала форсировать спортивную форму, работала в полную силу. Другие девушки тренировались слегка, недокатывались, оставляли часть заданий на завтра, восполняя на следующий день вчерашние пробелы. И даже так, работая легко и непринужденно, они достигли хороших секунд. Они проносились мимо меня, а я, не привыкшая быть сзади, пыталась не отставать, ложное самолюбие подхлестывало меня. Я стремилась стать наравне с ними.

Так пролетели пятнадцать дней. Мы улетели из Иркутска. Все радовались — они возвращались домой более возмужавшие. А я сжимала пальцы, стараясь не смотреть ни на кого, — понимала, что ничего не сумела достичь, догнать, восполнить, что олимпийский год пропал для меня, а с Олимпиадой мы снова разошлись, как в море корабли. Грустный это был юмор. Но что оставалось делать?

На соревновании в Челябинске я не стартовала. Первый раз за всю свою жизнь подвела коллектив Москвы. Заболела. И в прямом и в переносном смысле. Болела ангиной и «болела» за друзей, за всех, не делая никакого выбора. А потому как я «болела» за всех, то, стало быть, мне и тяжело было тоже за всех. Каждая из подруг была моей противницей и каждая была другом.

А потом — Новый год, кремлевские куранты, воз-

вестившие, что начался он, високосный год, почти несчастливый и почти радостный.

В первый же день шестьдесят четвертого я стартовала в забеге на пятьсот метров. Короткая дистанция. Трудная борьба. Молчаливый укор себе со стороны себя же: зачем мне в Иркутске нужно было идти на поводу своего больного самолюбия, скакать вверх через две ступеньки, подгонять время и тем самым обкрадывать себя?

История конькобежного спорта сохранит для будущих поколений драматические дни подготовки к Олимпиаде в Инсбруке. Каждый спортсмен выступал с полной отдачей. Результаты подошли к уровню мировых рекордов. Стабильность стала основной чертой ведущих мастеров. И на фоне этого небывалого подъема мои усилия казались микроскопичными. Ну что ж, девочка, утешала я себя, кроме Олимпиады, в этом году будет первенство мира, завоевать путевку на которое ты вполне можешь, а позднее в Свердловске откроется чемпионат страны. И там ты должна попытаться дать решающий бой своим подругам и в пятый раз стать первым коньком страны. Не зарывайся, ты уже не школьница, работай по своему плану, не тянись за рекордами, все равно пока они не поддадутся тебе. Умей не бояться смотреть в будущее, оберегай себя от зависти, учись быть принципиальной, посмотри, как потрясающе бегут две «королевы льда» — Валя Стенина и Лида Скобликова, порадуйся их успехам!

И в самом деле, бег Лиды и Вали по праву должен войти во все учебники по конькам. Помню их битву лицом к лицу в Челябинске, когда они «катались» на дистанции в три километра. Это была настоящая поэма воли, симфония скорости и напряжения. Валя слишком

много сил отдала в тот день, она забыла, что Лида помоложе ее на пять лет (боже мой, пять лет!), а следовательно, и запас физических сил и нервов у нее побольше. А забыв об этом, Стенина не смогла распределить своих сил правильно. Вряд ли я ошибусь, но золотую медаль в «марафоне» Валя отдала Лиде еще в Челябинске, готовясь к Олимпиаде.

А когда я подошла к Вале в раздевалке, она сидела, сжав лицо ладонями. Умная и дальновидная, Стенина сразу же поняла, что совершила ошибку. Я хотела подбодрить ее, но потом раздумала — сильным людям не нужны слова утешения!

Валя, вздохнув, призналась:

— Век живи — век учись...

Решив, что мне нечего терять, я стала готовиться спокойно. И странное дело — результаты стремительно поползли вверх. Я удивилась. Удивились и тренеры сборной страны. Они сказали:

— Если ты на отборочных соревнованиях победишь Панову и Гулите, то поедешь на Олимпиаду.

— Только их? — уточнила я. — А если кто-то из спортсменов, явно не претендующих на место в сборной, обгонит меня?

— Мы же сказали: тебе нужно быть впереди Пановой и Гулите.

На отборочных состязаниях я выиграла у Пановой и Гулите, но впереди меня оказалась Клара Нестерова. Тренеры посоветовались — и...

Високосный год опять восторжествовал — я не попала в команду. В Инсбрук полетела Клара. А мне осталось утешать себя мыслью, что я могу выиграть соревнования в Алма-Ате и стать сильнейшей среди ос-

тавшихся в стране спортсменов. Это я и сделала в столице Казахстана...

В те дни мне было тяжело. Никогда в жизни у меня не щемило так сердце, никогда еще не было так трудно. Двойственное чувство — гордость за успех Лидии Скобликовой и обида за себя — вот что мучило меня. Я решила было оставить спорт, перейти на тренерскую работу. И кто знает, может, и сделала бы этот необдуманный шаг, если бы не одно «но».

А смысл этого «но» заключался в следующем: я всей своей жизнью убеждала себя и своих друзей, что человек выше своей судьбы, что когда на него наваливаются трудности, то человек гордо выпрямляется и идет им навстречу, что если на его пути встают горы, ветры, камнепады, то человек не поворачивается, а продолжает идти вперед! Если он, конечно, настоящий человек. Обстоятельства часто заставляют нас работать на пределе своих возможностей. Помните, у Экзюпери: летчик Гийоме потерпел аварию в Кордильерах. Один, в снежных горах, на обжигающем морозе, он настойчиво выползал из лап смерти, не теряя присутствия духа, зная, что шансов на спасение почти нет! Он полз! Его подгоняла мысль:

«Если жена думает обо мне, если она знает, что я пропал без вести, она верит, что я иду...»

В эти дни я сблизилась с Ниной Ереминой, комментатором Всесоюзного радио, заслуженным мастером спорта, чемпионкой мира по баскетболу. Мы с ней жили раньше в одном дворе, вместе учились, дружили. И вот сейчас Нина взяла надо мной шефство. Понимая, что мысли о коньках тяжелы для меня, Нина стала приглашать меня на тренировки баскетболистов:

— Если тебя не возьмут на первенство мира по конькам — не отчаивайся, есть еще и первенство мира по баскетболу, — шутила она.

А кроме шуток, она еще и тренировала. Да так тренировала, что я выматывалась не меньше, чем на катке.

И вот в эти дни внутреннего борения и обуздания самолюбия я прониклась одной из замечательных мудростей, данных человеку:

В грозы, в бури,
В житейскую стынь
И когда тебе грустно,
Быть улыбчивым и простым —
Самое лучшее в мире искусство.

Улыбаясь, готовилась я к первенству мира. Если получалось, радовалась: «Да, могу!» Шло плохо, отчаивалась: «Нет, хватит!»

— Но ты обязана, Инга! — говорили мне друзья.

Меня эти слова злили, я хотела услышать более мягкое, нежное человеческое слово «надо».

«Надо» — значит, стиснув зубы, забыв о гордыне, тренироваться и воспитывать в себе внутреннее утверждающее «да!», а если ты не воспитаешь этого «да!», то, как бы тебя ни заставляли побеждать, ты не сумеешь быть впереди...

Заметив, что мои результаты растут, я решила попасть на первенство мира в Швецию. Меня более всего подхлестывала мысль, что на Олимпиаде в Инсбруке наши девушки отдали серебряную медаль финской спортсменке К. Мустонен и кореянке Пил Хва Хан. Это был многозначительный сигнал перед чемпионатом мира. Где-то в глубине души я думала, что Олимпиада, потребовавшая от наших девушек колоссального сосредоточения сил, безусловно, отразится на результатах первенства

земного шара — секунды будут слабее, ведь не могут же одни и те же девушки в течение двух месяцев бежать на уровне мировых рекордов и сохранять свою форму. А если уж так получилось, что мне пришлось стать только зрителем, то надо готовиться к соревнованиям всерьез, чтобы «подстраховать» уставших девчонок...

Однажды на льду я увидела человека средних лет, который учился стоять на коньках. Вокруг него лихо кружился мальчик лет десяти. Этот ребенок все время показывал на меня и делал какие-то движения, словно копировал мой бег. Взрослый человек пытался повторить эти движения — не получалось. Очевидно, педагогических способностей у этого десятилетнего тренера было мало. Я подъехала к «ученику», показала ему технику посадки, проехала с ним два круга и ушла в раздевалку.

После мне сказали, что человек, которому я помогала на катке, был знаменитый летчик, заслуженный мастер спорта, мировой рекордсмен, Герой Советского Союза Георгий Константинович Мосолов. После аварии, когда Мосолов девять месяцев пролежал в больнице, летчик решил вернуться в строй. Он хотел летать. Его по-прежнему влекло к себе необъятное и трудное небо.

И свою подготовку к полетам Герой Советского Союза начал со спорта. Однажды его сынишка Жора пригласил отца на каток. До аварии Георгий Константинович отлично бегал на коньках, а потому он без колебаний пошел с сыном на каток. И что же? Он не мог сделать на льду ни одного шага — качался, пробовал принять стойку — ничего не получалось. Даже не верилось, что полтора года назад он мог стремительно мчаться по матовой ледяной дорожке.

Заметив, что папа не может сделать без его помощи ни одного шага, юный Жора добровольно принял на

себя обязанности тренера. Он учил, как мог, как хотел, не зная, правильно ли он советует. На одной из тренировок отца и сына я и решилась им помочь.

Мосоловы жили в доме напротив меня. Мы встречались довольно часто на катке. И чем больше я узнавала этого замечательного летчика-испытателя, тем больше преклонялась перед ним и тем больше требовала от себя, заставляя Ингу не хныкать, не ссылаться на усталость.

Мосолов — человек необычайно скромный, и все то, что я узнала о нем, я слышала от наших общих знакомых. А это «все» представляет, на мой взгляд, несомненный интерес.

«Плевать я хотел на пренебрежение к смерти. Если в основе его не лежит сознание ответственности, оно лишь признак нищеты духа или избытка юношеского пыла», — эти слова Антуана де Сент-Экзюпери можно поставить эпиграфом к жизни и творчеству Мосолова.

Мосолов не только выдержал весь суровый и беспощадный экзамен, который ему предъявила жизнь, но и доказал, что перед мужеством, силой воли, перед гармонично развитым и физически крепким человеком отступают все силы природы. Человеку нет предела — не эту ли философскую мысль доказывают нам своими выступлениями все сильнейшие спортсмены мира — и Юрий Власов, и Валерий Брумель, и Василий Кузнецов, и Евгений Гришин?

Возвращение в строй — вот самое большое спортивное достижение мирового рекордсмена Георгия Мосолова.

Хорошо, что я познакомилась с этим удивительным человеком до первенства мира. Я знала теперь, что выступлю на льду Швеции хорошо, если и не буду пер-

вой, то в любом случае не проиграю ни одной зарубежной спортсменке.

Так и получилось...

Моя старая подруга по сборной страны, экс-чемпионка мира Римма Жукова писала в одной из центральных газет статью-прогноз перед чемпионатом. В статье говорилось:

«Из-за болезни лишь сейчас входит в форму И. Артамонова. Зная ее волевые качества, можно надеяться, что она будет бороться за лавровый венок».

Всего несколько слов, а для меня они были поддержкой. Значит, в меня верили, от меня ждали победы.

На льду в Швеции я проиграла только шестикратной олимпийской чемпионке Лиде Скобликовой. Большая серебряная медаль, завоеванная в Кристинехамне, где шесть лет назад меня увенчали лавровым венком, была ярким свидетельством, что я смогла справиться с поставленной задачей. Пусть не совсем! Пусть наполовину! Но ведь сезон для меня, по сути дела, только начинался.

В Москву я вернулась с четырьмя серебряными наградами — за многоборье и за победы на трех дистанциях.

И теперь я могла всерьез мечтать о том, чтобы на первенстве страны в Свердловске выступить в полную силу.

На дворе стоял март. Смеялось веселое солнце. Не сдавался мороз. Все было, как в стихах Пушкина: «Мороз и солнце — день чудесный!» Спирт в термометре опустился ниже семнадцати градусов. Девчата приуныли. Они подумали, что хороших результатов при такой погоде показать невозможно. Я спорила с этими пессимистическими прогнозами в раздевалке, а когда

меня не поняли, то решила продолжить спор на льду.

Мне очень хотелось в пятый раз стать чемпионкой страны. Еще больше мне хотелось «лицом к лицу» выиграть у Лиды Скобликовой, доказать, что январские неудачи были случайными. В те два мартовских дня у меня получалось решительно все, что я хотела. Выиграла три малые золотые медали, стала в пятый раз абсолютной чемпионкой страны, обновила все свои личные рекорды, на равнине набрала лучшую сумму очков — 195.216! Словом, ни разу за свою жизнь я не бегала так хорошо на равнинных катках.

Особенно мне запомнился забег на три километра, где я боролась с «уральской молнией», замечательной спортсменкой Лидой Скобликовой. От этого забега ждали многого — настоящей дуэли, драматической борьбы, финиша «конек в конек», проявления фото-пленки, которая одна могла сказать, кто из нас двоих стал победителем.

Сосредоточенная и молчаливая вышла я на разминку. Трезво взвесила свои возможности, поняла — могу победить, но для этого надо осмелиться самой задать темп, измотать олимпийскую чемпионку и доказать, что мировой рекорд в «марафоне» по праву принадлежит мне.

А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой! —

напевала я про себя. Всегда в ответственный момент я вспоминала стихи юного Лермонтова. Вспоминала и жила ожиданием бури, борьбы. Да! Этого забега я ждала весь последний месяц, спала — мечтала, что мы встретимся с Лидой «лицом к лицу».

И вот старт. Молниеносно ухожу вперед. Навязываю такой темп, который может принять лишь человек,

взявший курс на мировой рекорд. Лида выжидает. Это на нее не похоже. Обычно она сама диктует свои условия, навязывает свой ритм, покоряет силой воли и настойчивостью. А сейчас? Она остается сзади. Может быть, я зарвалась? Не сумею выдержать? Выдохнусь? И тогда-то Лида умчится вперед?

Снижаю темп. И Лида снижает. Теперь все ясно, все стало на свои места — Скобликова не борется, она пытается не отстать больше, чем на сто метров.

Успокаиваюсь. Катаюсь легко. Даже не верится, что рядом со мной на дорожке бежит грозная и непобедимая в этом сезоне Лида.

На финише я впереди на сто метров. Победа? Да это победа достойно венчала мои усилия в нелегком високосном году.

Когда вручили медаль, то один из зрителей попросил ее у меня.

— Очень хочется поддержать! — признался он.

Я дала ему медаль. А у него попросил еще кто-то. Потом третий, четвертый, пятый... Я улыбнулась и стала кататься, чтобы не замерзнуть. Пустели трибуны. Крепчал морозец. Минут через сорок мне вернули медаль. Девушка, которая передавала мне ее, сказала:

— Вы, наверное, после первенства настолько в себя поверили, что вас теперь под пыткой не разуверишь? Правильно?

— Все бывает, все может стать, — отшутилась я

...Вот и кончился високосный год. Он был и горьким и радостным, но он был справедливым, ибо познакомил меня с Натальей Николаевной, заново учившейся ходить по земле, и с летчиком Мосоловым, вернувшимся в жизнь и мечтающим о новом полете в трудном небе. Високосный год стал для меня провер-

кой, пусть жестокой, пусть обидной, но проверкой на прочность моего жизнеутверждения. Наверное, права была та девочка в Свердловске, которая заметила:

— Вы, наверное, после первенства настолько в себя поверили, что вас теперь и под пыткой не разуверишь?

В Москве меня встретили радостно. Восьмого марта на торжественном заседании в Большом театре я выступала от имени советских спортсменов. Вместе со мной в президиуме была первая женщина, вырвавшаяся в космос, Валентина Терешкова, я была рада познакомиться с ней.

В тот же вечер мне позвонил поэт Роберт Рождественский, с ним мы знакомы давно — вместе работаем в Комитете молодежных организаций и в Обществе советско-американской дружбы.

— Слушай, старушка, — сказал Роберт. — Пора уже и совесть знать — пока тебя не было, всю общественную работу мне пришлось тянуть за двоих. Я рад, что ты выиграла первенство. Если ты гарантируешь успех и впредь, я согласен работать за двоих. Договорились?

— Ловлю тебя на слове! — сказала я. Сказала и задумалась...

■ ШАГИ КРУГЛО КАТИЛИСЬ ПО ТИШИНЕ

Вот и окончен сбор. Ничего не висит над тобой, ничто не давит: экзамены в Инфизкульте сданы, оценки даже по физиологии отличные. Наконец-то на несколько дней можно отложить штангу, ролики!

И все же один неотвязный вопрос не давал мне покоя после июньского сбора в Паланге: «Куда? Куда поехать отдохнуть?» В Карловы Вары? У меня есть десятки приглашений от чешских друзей. В санаторий? Отдохнешь, попьешь целебную водичку, подлечишь свою язву желудка, успокоишь нервишки! Чем плохо? А наверное, тем, что там режим дня слишком строгий, что там «тихий час», ограниченные купания... Нет, в моем возрасте от этого увольте.

Так, может, в дом отдыха махнуть? Неплохо, но опять же размеренная жизнь, подъем в семь утра, узаконенная физзарядка... Отпадает. В конце сборов все эти ограничения надоедают и очень хочется отдохнуть легко и свободно.

А где?

На вопрос: «Куда же поехать?» — один мой товарищ — Миня, сын народного художника Советского Союза — ответил:

— На свидание со сказкой.

Я удивилась:

— Куда-куда?

— В сказку! — был ответ.

И сразу же получила точный адрес этой сказки: Карелия, Онежское озеро, остров Киж.

Самолет переносит нас в Петрозаводск. Еще полтора часа на быстроскрылой «Ракете», рассекающей гладь второго по величине озера в Европе, — и...

Здравствуй, сказка!

Почти неслышно ускользают волны из-под крыльев «Ракеты». Стонут чайки. Тают в скорости острова, катера, моторные лодки. Тишина. И совершенно непередаваемый мир красок. Вспоминаю нелюбимую физику: глаз человека, оказывается, различает около полумил-

лиона цветов и оттенков. Жадно смотрю на воду, прозрачную и синюю.

— Вот бездушные! — услышала я за спиной.

Оглянулась, вижу, пожилой матрос совестит двух школьников:

— Души, что ли, в вас нету? Зачем окурки в воду бросаете? Ведь озеро мараете. Нет для вас ничего святого.

Улыбаюсь: ну, уж это он через край перегнул, а все же в чем-то прав старый матрос — бросишь в озеро окурок, замараешь воду...

А про эту воду радиодинамики и транзисторы целыми днями напоминают:

Долго будет Карелия сниться...
С голубыми глазами озер...

Солнце прощается с землей. Солнце устало за день. Оно уходит спать. Озеро стихает. Тоже, наверное, устает. Начинается как бы отлив.

Не устают лишь люди.

Текут минуты. Их можно прожить по-разному. Смотришь на часы: раз — нет секунды, два — нет секунды... Секунды спешат, сталкиваются, суммируются. Они сливаются в одно слово и твердят: «Работай! Ра-бо-тай!»

Прямо на нас несется (это ли не видение?!) лес деревянных главок, целый лес куполов. Стремительно приближается сказка. Замирает сердце. И чувствуешь: что, знакомясь со сказкой, ты должна много поработать — подумать, сравнить, объяснить, помыслить, проникнуть в простые слова о том, что за сутолокой рабочего дня человек не должен забывать о своей ответст-

венности перед народом, ответственности перед будущим, которое строит народ.

Знаю: завтра, послезавтра, и еще неделю, и еще месяц, когда я так и не смогу наглядеться на эту песню, спетую мозолистыми человеческими руками, знаю, я буду задавать себе один вопрос:

— Этот безымянный мастер сумел оставить в наследство людям все самое-самое выстраданное. И оно пронеслось сквозь века. Видело войны и крепостное право, революцию и становление колхозов, временную оккупацию фашистов и радостные послевоенные дни, когда возродилась слава Кижей и разнеслась по всему земному шару... Добрую память оставил о себе крепостной плотник — двести пятьдесят лет прошло, а его творения и сегодня делают людей счастливыми... А ты, Инга, что ты сделала и делаешь для людей?

Попробуй ответить. Это раньше многое было просто. Семимильными шагами рвалась вперед наука.

Развивалось искусство.

Архимеды занимались физикой.

Галуа — математикой.

Еврипиды — искусством.

Потом люди постигли удивительные тайны материи — появились новые науки: кибернетика, геофизика, химическая физика. Физиологи стали математиками, биологи — химиками, математики — философами.

Искусство не стояло. Но не люди искусства, а инженеры придумали фотографию, кино, и радио, и телевидение... Изобретения стали искусством.

Наука или искусство?.. Извечный спор. Дискутируют писатели и ученые, композиторы и инженеры. Но даже один и тот же человек не всегда бывает по-

следователен. К примеру, я, будущий педагог, вот уже много лет ищу и не найду ответа на этот вопрос. Для других этот ответ уже найден: глубоко права та девочка, которая написала в «Комсомолку» слова, ставшие афоризмом: «Человеку и в космосе нужна будет ветка сирени...»

А мне хочется самой дойти до этой несложной мысли, понять и объяснить. Объяснить, почему учение Коперника зачеркнуло космогонию Птолемея, а Данте не отменил Эсхила; отчего периодическая система Менделеева дала новые основы химии, а вот чеховская «Дама с собачкой» не затмила лермонтовское «Белеет парус одинокий», почему великие открытия художников не вытесняют того, что было сделано их предшественниками (в отличие от великих открытий ученых).

Здесь, в сказке, я обязана ответить на все эти вопросы...

Мы приехали на Кижы, когда стояла над севером ночь — нежная, призрачная, задумчивая. Белая ночь. Все ночи не спалось, смотрела в окно — видела над черными крышами светлую тусклость неба. Если человек проходил по острову, то шаги его гулко, кругло катились по тишине. Серебром отливал восток.

Белая бессонная ночь... Одолевало меня чувство такое, будто что-то важное недоделано, недосказано. И теперь надо это неотложно сделать. Светлая ночь смотрела, словно доверчивый ребенок, и никуда нельзя было уйти от своих дум. Непременно надо было встать, взять чистый лист бумаги... и рассказать людям о том, какие чудеса могут делать сами люди.

В школе по учебникам географии я вызубрила, что на Онежском озере около двух тысяч островов. На больших — деревни, поселки. На малых — одинокие

маяки. На иных островах — просто часовни. Кто в них молится, если нет на острове ни одного обитателя?

Может быть, построил эти часовни какой-нибудь очень одинокий и несчастный человек, построил для себя, выразив все свое «я» в ажурных сплетениях сосны и березы, в загадочных росписях стен? А что? Это может быть. Я говорю об одиночестве скульптора-плотника-зодчего, потому что у меня из памяти не идут слова Гёте: талант развивается в одиночестве.

Это — слова. А сколько примеров в жизни?

Великий Поль Гоген, устав от семьи, от сплетен и ханжества, бросил все и уехал на Таити. В сорок лет он нарисовал первую в своей жизни картину. И сразу же стал всемирно известным. Он умер на острове среди Тихого океана, умер от проказы. Перед смертью он, слепой, расписал свою хижину картинами. Они стали шедеврами искусства. Гоген завещал своей новой жене-туземке Ату сжечь хижину после его гибели. Хижина сгорела, но его слава, слава величайшего художника, распространилась по свету...

Когда смотришь на бесчисленные острова Онежского озера, то тысячи ассоциаций, десятки воспоминаний рождаются, сплетаются при одном только взгляде... Кто он, этот мастер, сотворивший сказку на синих валунах и пышных мхах Заонежья? Кто?

Не найдут ответа. Да и не очень он важен, этот ответ. Мы знаем одно — он был русским и выстрогал он свое произведение, в данном случае часовню, «для себя»! Так бывает. Ведь сложил же Пушкин «для себя» свою лучшую поэму «Медный всадник», а Лев Толстой «для себя» написал «Анну Каренину».

Кижи... Крохотный, всего-то в пять километров длины, остров вырвался из озера на великом пути из

Новгорода в «поморские страны». В 1714 году в честь победы под Полтавой на острове воздвигли церковь Преображения.

История не сохранила для нас ни одного рабочего чертежа постройки храма. Да и были ли они, эти чертежи? Наверное, нет. Не то, что сейчас, когда в одной лишь Москве работают сотни проектных институтов, где сотни тысяч специалистов тщательно разрабатывают чертежи будущих зданий и сооружений. Каждый инженер вооружен знаниями начертательной геометрии и сопромата...

А у того мастера из Кижей не было с собой ни логарифмической линейки, ни арифмометра, ни учебника Киселева по геометрии.

Но у плотника был четкий и безошибочный глаз.

Архитектуру называют окаменевшей музыкой. Если считать это сравнение правомерным, то про Кижи можно сказать, что церковь Преображения — это музыка, выстроганная руками талантливого плотника.

Из памяти не выходят слова Горького о том, как Ленин слушал Бетховена:

«Ничего не знаю лучше «Appassionata», готов слушать ее каждый день. Изумительная, нечеловеческая музыка. Я всегда с гордостью, может быть, наивной думаю: вот какие чудеса могут делать люди!»

Чем поражает храм Преображения? Смелостью архитектурного решения? Художественным чутьем строителя-самоучки? Конечно.

Поражает, что для «дивного» храма зодчий выбрал простую схему — из трех восьмигранников, один на другой. Основа эта, сами понимаете, геометрически очень четкая! На ней и покоится сказочный лес главок,

«луковиц», создающий величавый и стройный силуэт в виде шлема.

Церковь построена без единого гвоздя, ибо дорогое в те времена железо на онежских берегах достать было невозможно.

Итак, только дерево.

Резная черепица, которую в древности называли «лемехом», сообщает постройке воздушность, невесомость, торжественность.

Рядом с церковью Преображения поднимается другая — Покровская. Эта постройка выросла на острове двести лет назад. Ее возводило новое поколение плотников, но снова художники-мастера спели свою неповторимую песню.

Здесь же, на Кижях, приютилась крохотная церквушка Лазаря. Она старше всех своих блистательных соседок — ей уже шестьсот лет. Ласкаешь ее ребра, гладишь их своей благодарной рукой — и не перестаешь удивляться.

А в голове рождается озорное сравнение: не скрыты ли в скрипе бревен те же музыкальные звуки, которые таят в себе пастушьи свирели и торжественные переборы гуслей? А что? Может это быть? Конечно, может!

Рядом с храмами — старинные крестьянские избы. Они часть архитектурного заповедника... Зайдешь в одну из изб, остановишься. Все в этих домах как двести лет назад: дубовые лавки, горшки на печи, люлька под потолком, прялка у окна («В низенькой светелке огонек горит, молодая пряжа у окна сидит...»). Наверное, хозяева вышли на минуту из избы и сейчас вернутся?

Простая русская изба — для меня она также ше-

девр архитектуры, — это творение безвестного сельского зодчего...

Кижичи... Разве расскажешь о них? Разве можно пересказать свои впечатления о них? Нет, нельзя! Как нельзя пересказать прозой пушкинские «Я помню чудное мгновенье...», «Я вас любил...», как нельзя на балайке исполнить Шестую симфонию Чайковского, а «Девочку с персиками» выразить средствами графики...

Кижичи... Классика деревянной архитектуры. Монумент, воздвигнутый на века. Но дерево, к сожалению, не слишком вечный материал. За два с половиной века церковь обветшала, накренилась. Кое-где ее подправляли. Но никто не мог решиться на полную реставрацию.

В те дни, когда мы жили на Кижях, все телеграфные агентства мира облетела радостная весть: у гениальных строителей нашелся преемник.

Легенда гласит, что мастер-виртуоз, воздвигнув храм, бросил топор в Онежское озеро, сказав: «Церковь эту построил Нестор. Не было, нет и не будет таких».

Кто же этот мастер, решивший повторить подвиг своих предков?

Полностью реставрировать величайший памятник, используя приемы старого мастера, взялся онежский плотник Михаил Кузьмич Мышев.

Михайлу Кузьмичу больше семидесяти лет. Мы просили плотника уточнить: сколько? Семьдесят один, два, пять, семь, девять?

Михаил Кузьмич улыбается:

— Угадайте... Не больше, чем Буденному. И не меньше... Да что вы обо мне? Нравятся вам Кижичи? А? Без единого гвоздя ведь! — восхищается он.

Михаил Кузьмич, по заверениям архитектора и

строителей, плотник-виртуоз, фанатически преданный плотницкому делу. Иначе и быть не могло: ведь все его предки были по этому делу. Кто знает, может, прапрадед и ставил эту церковь. Неизвестно. Известно другое: такого мастера, как Кузьмич, на всем севере, да и во всей России вряд ли сыщешь.

Он валил деревья под Вологдой, ставил избы под Новгородом, работал в Ярославле, Ростове Великом, Данилове. Был и в Финляндии, изумляя своим искусством молчаливых и сдержанных жителей страны Суоми.

И снова, как перелетная птица, он грустил без своих Кижей. Бывало, вернется на остров, взглянет на церковь.

«Как она там, красавица?» — думает он. И точно доктор, чуткий, тактичный и внимательный, каждодневно выслушивает своих деревянных друзей — тысячи бревен и соединений: не завелась ли гниль? А если дерево «вело и уводило», то брал Кузьмич топор и начинал «колдовать» над новыми лемехами.

Давно уже, более двадцати лет, думка, смелая и настойчивая, властвовала над Кузьмичом. Он никому не говорил о своей мечте. Пытаясь проникнуть в тайну великого мастера, Михаил Кузьмич разнял несколько конструкций. Ему потребовалось двадцать лет, чтобы только изучить различные типы соединения бревен и смоделировать их.

Овладев техникой работы легендарного Нестора, Мышев заявил о своем желании вернуть храму первоначальный вид. С помощью нескольких друзей, таких же мастеров-умельцев, он изготовил пятьдесят пять тысяч деталей и наиболее сложных элементов церковного сруба.

Кузьмич решил использовать для реставрационных работ систему блоков и деревянных рычагов, применявшуюся древними строителями.

Мы знаем, что Лев Толстой без пишущей машинки, от руки семь раз переписывал «Анну Каренину». Мы знаем, что Святослав Рихтер, покоривший своим искусством весь мир, ежедневно по несколько часов играет упражнения для рук, а затем восемь часов разучивает новые вещи и без конца повторяет старые; выходных дней он не признает.

Мы восхищаемся этими явлениями, ставшими чуть ли не хрестоматийными, не догадываемся, чтобы где-то на острове в Онежском озере живет точно такой же подвижник — талантливый и самозабвенный художник. живет и делает такое важное для воспитания культуры народа дело...

Живет Мышев на острове, в большом доме возле церкви. Сейчас в доме его не протиснуться от приезжих. Летом к острову плывут белые «Ракеты», плоты, катера. Люди спешат на свидание со сказкой. Кого только нет среди туристов! Инженеры, плотники, архитекторы, химики, учителя. За лето на острове бывает до тридцати тысяч. Это ли не признание шедевра?

Тридцать тысяч человек стремятся на остров длиною в пять километров!

Летом много приезжих. А зимой и осенью вымирает поселок. Все вроде бы спит. Ни звука. Выйдешь на крыльцо, увидишь падучую звезду, постоишь, подумаешь... Зимой волшебная звенящая тишина плывет над церковью Преображения. Даже бревна трещат на морозе.

Каждый приезжающий на остров непременно под-

ходит к Мышеву, просит рассказать о Кижях. Старый плотник в который уже раз начинает:

— Лет восемьдесят мне — не могу говорить, могу смотреть и молчать... Деревянное кружево сплели старики, удивительно...

Все пристальнее заглядывает в окно белая ночь. Не уснуть. Хорошо, что я свой отпуск провела в Кижях, многое мне стало предельно ясным, для того чтобы определить свое маленькое дело в общем, народном.

Искусство огромно. Оно учит человека и приносит ему радость. Думаешь в эту белую ночь вот о чем: для чего мы следим за сложнейшими ходами толстовской мысли, всматриваемся в полотна Нестерова, вслушиваемся в раскаты аккордов Вагнера, читаем историю Руси по памятникам архитектуры, для чего?

Только ли для того, чтобы удивиться: ах, как это сделано! Если от искусства, от общения с ним мы не станем лучше, если не применяем идеал художника к своей жизни, к своим поступкам, то, право же, нет смысла в таком общении. Один немецкий поэт заметил, стоя перед Аполлоном Бельведерским: в нем все видит тебя и все взывает — ты должен изменить жизнь.

Двадцать лет назад на острове Кижь были фашисты. Они хотели, но все же не решились уничтожить памятник...

Тысячи людей приезжают сюда в отпуск за красотой и радостью. Здесь очень интенсивно думается, сравнивается. Представьте на минуту, что у человечества нет искусства. Нет Рублева, нет Репина, нет русского зодчества, нет ничего. Даже орнамента на обоях нету. И наши дома — просто безрадостные коробки.

Что бы тогда было? Большая драма для души и глаза.

Оставалась бы природа, так же метались бы по небу тучи, так же бы «волна на волну набегала, волна погоняла волну», так же бы и в декабре зеленела трава. Только, по всей вероятности, лишенные искусства люди просто бы не увидели этого...

Белая ночь. Долгая, беспокойная... Тихо и светло. Будто большая птица, раскинула над домами свои броские крылья белая ночь.

■ У МОРЯ СТУДЕНОГО

Несколько дней назад я выиграла в Свердловске матч городов. Причем довольно уверенно. На первых трех дистанциях даже не чувствовала рядом соперниц. Только тройку уступила «хозяйке льда» Вале Стениной. Она бежала легко. Маленькая, точеная, как стрела, фигурка спортсменки молнией проносилась мимо трибун. Казалось, она не знает усталости. Потом мне сказали: в тот день Вале исполнилось тридцать лет.

— Черт побери, девчонки, — сетовала Валя, — начинается четвертый десяток. Пора списывать в «архив».

— Шутишь ты все! — говорили мы.

И, споря со своими же словами, Валя «прокатила» три километра стремительно и впечатляюще. Умница! На трибунах Свердловска творилось неописуемое. Кто-то сказал, что на стадион приходил «болеть» за свою маму трехлетний Алешка...

После первого же старта тренеры пообещали мне:

— Не волнуйся. Ты уже в сборной. Шутка сказать — обыграла Рылову на три с половиной очка,

Стенину — и того больше! Все нормально. Пошлем тебя в Норвегию. Потренируешься с нашей мужской сборной. Ты чего хмурая?

— Ничего, — ответила я. — Просто все так неожиданно. Я очень рада.

Ну что ж... Норвегия так Норвегия! Сразу же после новогодних праздников старты. Первый из них беру в городе Гьевике. Этот тихий скандинавский городок собрал многих спортсменов СССР, Англии, Канады, Западной Германии, Швеции, Норвегии и Соединенных Штатов Америки. Погода была отличная. Еще утром, не выходя из гостиницы, наши ребята делали прогнозы:

— Могут быть рекорды!

И они были. Настолько ошеломляющие, что даже издавшие виды норвежцы сочиняли по этому поводу афоризмы:

— Умирать будем — не забудем, как Матусевич на равнине набрал астрономическую сумму...

Результат Эдика и впрямь был замечательным — 179,193 очка. И это на равнине! Нет, такая сумма не укладывалась ни у кого в голове. Но факт оставался фактом: Матусевич преподнес всем советским скороходам отличный новогодний подарок.

Я не могу не сказать, из чего сложился результат Эдика. Он промчал пятисотку за сорок одну секунду. Это его личный рекорд. Он не бегал быстрее даже в горах. И что интересно, кроме него, никто из многоборцев мира не закладывал такого уникального пробного камня в многоборье.

Пять километров Эдик прошел ровно и снова был лучшим — 7 минут 50,5 секунды.

Утро следующего дня началось с нового сюрприза.

На полуторке Матусевич установил новое мировое достижение — 2 минуты 7,3 секунды. Лишь чуть-чуть не достал Эдик до абсолютного мирового рекорда шестилетней давности, принадлежащего финну Юхани Ярвинену.

На десятке Матусевич развил такую скорость, которой он ни разу не показывал на этой дистанции. Что же в итоге? Личный рекорд улучшен на десять секунд.

После соревнований я увидела Эдика. Он сидел грустный, глядя в одну точку.

— Что с тобой? Переполнен счастьем? — спросила я.

— Думаю все. Мне говорят: зря ты рано открыл свои карты.

— А кто сказал, что ты их открыл?

— Говорят.

— Мало ли что говорят! Плюнь на все. Этот год будет твой! Вот увидишь, — успокоила я.

— Спасибо, — кивнул Матусевич. И замолчал. Потом спохватился: — Чуть не забыл поздравить тебя. Ты все же молодец!

— Это лишь начало, — пококетничала я.

А в самом деле мне было радостно: первый международный старт года, первая победа на всех дистанциях. И секунды обнадеживающие — сорок шесть секунд на пятисотке и 5 минут 9,8 секунды на тройке.

Следующие старты были очень комичными. В Осло, куда мы перебрались из Гьевика, все дни лил дождь. Он не прекратился даже к моменту старта.

— Надо замерять не в секундах, а в морских узлах, — пошутил Антс Антсон и провел рукой по льду — вся его ладонь «утонула» в воде. Вода покры-

ла лед сантиметра на два. Ужас! И все же старт не отменили.

Это даже хорошо. В программе подготовки к первенству мира такой старт просто необходим. Мало ли что ждет нас в Оулу, где будет первенство мира! Надо быть готовой ко всему.

На разминку я выехала с зонтиком в руке — уж очень мне не нравился вкрадчивый и надоедливый, ленивый и противный дождик.

Я выиграла у норвежских, шведских, голландских и австралийских бегуний с очень большим отрывом. Уже после первого дня оторвалась на три очка.

На второй день погода улучшилась, можно было разминаться без зонтика — дождь не надоедал. Но лед оставался вязким и скрипучим. Зарубежные спортсменки, несмотря на такую погоду, бежали старательно. Они тщательно изучали и копировали мой стиль.

«Со временем они станут грозными соперницами. И этому надо радоваться, — подумала я. — Ведь спорт немыслим без борьбы с сильными противниками».

(Я не ошиблась: уже через месяц голландская спортсменка Стин Кайзер стала третьим призером первенства мира, впервые за всю историю разрушив неразлучную тройку советских конькобежек.)

Конечную мою сумму для такой «плачевной» погоды можно было считать хорошей — я на семь очков опередила второго призера норвежку Коринг и на восемь очков свою юную подругу Таню Растопшину. На восемь очков! Это очень много. Последнее обстоятельство несколько смущало, ведь Танюшу специально послали со мной в Норвегию, чтобы «обстрелять» ее перед первенством мира, закалить в боях, поднакопить

опыт участия в международных состязаниях. Мне доверили дальнейшее совершенствование Танюшки.

Я смотрела на девочку ласково. Как мать. Шуткали, между нами была разница в десять лет. Тане всего восемнадцать. А это ровно столько, сколько я занимаюсь спортом. Страшно подумать. Сразу же становится грустно: вспоминаю свои годы, думаю о том времени, когда человек уходит из спорта.

И как он уходит? Тая секреты, как музыкальные мастера, делающие скрипки? Или щедро отдавая свои знания юной поросли?

Все это нелегкие вопросы. И лучше о них не думать. Не волновать себя. И не забывать о Тане. За эти дни тренировок в Норвегии я должна дать Тане максимум того, что я знаю, умею, могу.

Танюшу взяли в сборную еще летом прошлого года. Ей было семнадцать. Вот ведь какие темпы! Ей семнадцать. А я впервые надела «норвежки» в девятнадцать. Темпы, темпы! Как говорят журналисты и тренеры: «Ориентировка на молодость, на юность!»

Где-то они и правы. Юности все по силам. Даже невозможное.

Так вот я снова возвращаюсь к Тане. Она росла в Саратове. Ходила в школу, ездила отдыхать в пионерский лагерь. Дружила с мальчишками. Бегала с ними на Волгу. Виртуозно прыгала с вышки. Казалось, что ее спортивное призвание найдено, но...

Таня Растопшина очень завидовала своему брату. Он спешил зимой на тренировку:

— Ну, я на каток!

И Таня завидовала тому, что у него есть коньки, что он может на длинных блестящих лезвиях красиво бежать, даже не бежать, а парить надо льдом.

Таня впервые надела коньки ранней осенью. Асфальт был усыпан желтыми листьями. Девочка училась кататься на роликах.

Потом был первый выстрел стартера. Первый лед. Все первое... Таня сразу же полюбила дистанцию в тысячу метров.

— И знаете почему? — говорила она мне. — Бежать и не много и не мало...

А затем Растопшина озадачила всех скороходов Саратова — начала бить один за другим все рекорды области. Надо же, делала это никому не известная девочка! Даже не разрядница! И била все рекорды взрослых.

Потом Тане полюбилась тройка — дистанция самая трудная и самая длинная. Дистанция для взрослых и умных бойцов. Но Тане не разрешали бегать три километра на соревнованиях, говорили: «Еще рано!» А в шестьдесят втором году разрешили. И что же? С первой же попытки новичок выполнил норму мастера спорта.

Дальше было испытание высотой. Ангарск. Рекорды страны. А исполнилось Тане в ту пору лишь шестнадцать. И до сегодняшнего дня те девичьи рекорды Тани не побиты, ее имя четыре раза повторяется в таблице всесоюзных достижений.

Вот что я знала о Тане. И еще что эта очень ласковая и доверчивая девочка мечтает стать журналисткой, много читает.

В Норвегии Таня работала на совесть. Если даже ее труд проследить по техническим показателям, то можно без напряжения заметить: на каждом соревновании Танюша поднималась на более высокую ступеньку. Погода стояла плохая, лед был мерзким, а секунды

Растопшиной — обнадеживающими. Она внимательно следила за мной. И что мне нравилось — Таня не копировала мой стиль, понимая, что у нас разные физические данные, рост, да и мастерство (в те дни) разное. Танюша еще не учила в университете диамата, но понимала его. Она брала из моей техники все то лучшее, что могло принести ей пользу.

И когда мы прощались с Норвегией, то я знала: мои труды не пропали даром, я сумела помочь Растопшиной преодолеть робость перед именами и рекордами, а уверенность в себе Таня почувствовала после того, как узнала, что я в двадцать лет сумела стать чемпионкой мира.

— Но ведь мне еще восемнадцать! — улыбнулась она.

Эта улыбка, обаятельная и откровенная, еще больше вызывала чувство симпатии к Тане.

Вернувшись на Родину, Растопшина серьезно задумалась о том, чтобы завоевать путевку на чемпионат мира в Финляндию. Она не строила «воздушных замков», отдавала себе отчет, что для исполнения желания ей надо победить испытанных асов ледяной дорожки — Стенину, Нестерову, Егорову, Осинцеву, Рылову, Колокольцеву. Все эти опытные спортсменки были в разные годы чемпионками мира, призерами Олимпийских игр, победителями первенства страны и России. Титулов у них было много. И заслуг тоже. А Таня? Что она? Что успела сделать в свои девятнадцать?

На все эти вопросы Растопшина смело ответила на льду Алма-Атинского центрального стадиона, где шли отборочные соревнования к первенству мира. На этих соревнованиях Таня показала все, на что она была способна, проявила лучшие качества многоборки. Юная

волжанка четыре раза за два дня внесла поправки в таблицу рекордов. Правда, юношеских. Но о том, что эти рекорды не уступают взрослым, недвусмысленно говорит, к примеру, такой факт, что Растопшина опередила по сумме многоборья серебряную призерку Олимпиады в Инсбруке Ирину Егорову, чемпионку России Люсю Осинцеву. И на своей любимой дистанции — тройке — Таня проиграла только Стениной и Нестеровой — чемпионке мира и олимпийской чемпионке. А вот вторую чемпионку мира, Тамару Рылову, Растопшина опередила на пять секунд.

Очевидно, уроки на катках Норвегии не прошли для Тани даром — место в основном составе сборной страны было завоевано без разведки, прямо с «боем».

И вот Оулу! Отель «Арина». Танечка подходит ко мне и, не скрывая волнения, признается:

— Боюсь за нервы. Вдруг сдадут?

— Это лишь первый старт твой. А у меня их было восемь, — отвечаю ей. — И ничего, выдержала. А ты сильнее и перспективней меня. Будь мужественной. Помни, многоборье состоит из четырех дистанций, неудача на одной не зачеркивает трех остальных. Умей не падать духом.

В тот день, когда мы с Таней тренировались на льду, со мной произошел случай, который чуть-чуть не кончился трагически. Из-за слепящих лучей прожекторов я наскочила на неосторожно выдвинутую на дорожку скамейку. Хорошо, что успела притормозить, а то бы ноги как не бывало!

После многочисленных процедур, уколов и заморозок врачи наконец-таки оставили меня. В комнату втиснулась, стараясь казаться еще меньше, Таня. Она не отходила от меня, подбадривала, рассказывала раз-

ные истории про зверюшек, как настоящая подруга, делала все, чтобы отвлечь меня от мыслей о больной ноге. Это было очень важно для меня — и то, что у Тани хватило чуткости и такта, нежности и веры, чтобы прийти на помощь, заставило меня еще больше уважать юную волжанку.

...Первая дистанция стала роковой для Тани. Она бежала в паре с самой молодой участницей чемпионата — пятнадцатилетней шведкой Кристиной Карлссон. Растопшина стартовала слишком медленно, даже проиграла первую сотню метров шведке, но потом, спохватившись, приложила все силы, чтобы выиграть забег. Забег-то выиграла, но общий результат был довольно скромный — шестнадцатое место. Теперь наступила моя очередь успокаивать Растопшину.

На полуторке Таня уже передвинулась на седьмое место. Ее результат — новый рекорд Советского Союза для девушек.

А вот на марафонской дистанции — на тройке — Растопшина сумела пробиться в шестерку. По сумме многоборья восемнадцатилетняя волжанка встала на девятое место. Для дебютантки совсем не плохо. Но Таня была недовольна собой, она справедливо рассчитывала на более высокое место, но соревнования показали, что у будущей саратовской журналистки не выработано главное качество современного спортсмена самой высокой пробы — умения взорваться в нужную минуту, показать свой лучший результат на самом ответственном старте. А таковым был для Тани чемпионат мира.

Мы успокаивали Таню, подсказывали, что впереди еще не одно крупное состязание сезона — первенство страны, которое будет разыграно в последние дни февраля на льду горьковского стадиона «Динамо». И побе-

дить на этом первенстве не менее почетно, ведь до сегодняшнего дня наши конькобежки не знают себе равных, а потому на первенстве мира Таня боролась лишь с четырьмя спортсменками, представляющими Советскую Родину, а здесь их будет не менее ста!

— Вот там и покажи себя! — советовали Растопшиной.

Горький. Дистанция в три километра. Я стала чемпионкой страны в «марафоне». Валя Стенина осталась на втором месте. Кто же будет бронзовым призером? Мнения специалистов разошлись. Говорили, что победит Нестерова, Осинцева, Колокольцева, Тузова, может быть, Растопшина.

Я же верила в «звезду» волжанки. И когда она, выйдя на старт, побежала резво и красиво, мое мнение только утвердилось — Таня должна быть первой. И я не ошиблась. Растопшина показала отличные секунды. На пьедестале почета я стояла со своей Танюшкой и ее победе была рада, наверное, больше, чем своей. Мы стояли гордые, счастливые. Одна — уже довольно старая, восемнадцать лет жизни отдавшая спорту, и вторая — юная, открытая миру и людям, доверчивая и ласковая, как Наташа Ростова. И обе мы думали об одном:

«Жизнь прекрасна. Справедлива».

И обе мы мечтали об одном — об Олимпиаде в Гренобле. Но если мое участие в этой Олимпиаде стояло под сомнением — мне будет к моменту стартов уже тридцать два года, то для Тани вопрос о поездке в Гренобль не вызывал сомнений. Хороший стайер, она за эти два года наберет опыт, пройдет через огонь еще двух мировых чемпионатов и приедет во Францию зрелой, технически грамотной спортсменкой, одной из пер-

вых претенденток на золотую медаль. И я в те дни буду желать успеха Тане: ведь лучшей наградой для меня станет ее медаль. И вспомню я тогда и дождливые дни в Норвегии и доверчивого ребенка, который вверил мне свою судьбу...

Рассказывая о Тане, я несколько отвлеклась, забежала вперед, дала волю мечтам. А сейчас самое время спуститься на землю и вспомнить свое турне по Норвегии.

В середине января столица Норвегии Осло принимала спортсменов двух самых сильных и быстрых конькобежных держав. Матч «СССР — Норвегия» привлек внимание скороходов всей планеты, он стал одним из «самых-самых» принципиальных матчей. Объясню почему. Два года назад советские спортсмены проиграли норвежцам сто шесть очков. Это случилось в те дни, когда норвежская сборная уже перешла на новый рациональный метод круглогодичных тренировок, а мы продолжали работать по старинке. Эти сто шесть очков в те дни отражали реальное соотношение сил.

Год же назад наши спортсмены сумели выиграть у норвежцев. Реванш они взяли на катке Центрального стадиона в Свердловске. Разгром норвежцев был сокрушительный: мы впереди скандинавов на 99 очков. Значит, догнали? Не совсем так. Честно говоря, норвежцы к моменту соревнований в Свердловске вышли из боевой формы — на их полуострове лили бесконечные дожди, и конькобежцы не могли серьезно тренироваться.

На этих соревнованиях всех удивил Евгений Гришин. Лучший спринтер всех народов и времен пробе-

жал в тот день пятисотку за 40,4 секунды. И это на равнине! Если этот результат перевести на Медео, то получится новый мировой рекорд — тридцать девять секунд. Хочется отметить, что научные сотрудники Института физкультуры сумели отснять этот бег на киноплёнку и сделать его достоянием сотен и тысяч конькобежцев в любом уголке мира. Когда просматриваешь этот поэтичный, лаконичный и гениально простой бег, то не перестаешь чувствовать, что тебе самой еще надо над стольким многим работать, чтобы хоть в какой-то степени приблизиться к эталону спринтера, которым является Женья!

И вот, наконец, год шестьдесят пятый. Третье важнейшее состязание — матч двух гигантов ледяной дорожки. Его по своему значению можно приравнять ко встрече легкоатлетов Советского Союза и Соединенных Штатов Америки.

Газеты в течение трех дней перед матчем по косточкам разбирали преимущества и недостатки каждого спортсмена, прикидывали шансы команд на победу по сумме очков, набранных в этом сезоне каждым из двадцати участников матча. Большинство газет отчаялось предугадать результат и стало терпеливо ждать открытия забегов.

На стадионе, как говорится, не было ни одного пустого места. На трибунах располагались целыми семьями, с термосами, горячим кофе и горячительными напитками. Зрители держали в руках графики забегов. Мелькали секундомеры.

Скандинавские болельщики отличаются объективностью — они понимают драматизм борьбы, рекорды, цена побед у них выводится из главного правила: лучше красивое поражение, чем грязная победа.

Восторженное: «Хейя!» — неслось по трибунам. В субботу норвежцы выиграли у нас два очка и были преисполнены оптимизма, помня, что их скороходы проходят стайерские дистанции лучше, чем мы. Но надеждам этим не суждено было сбыться, наши парни в воскресенье вырвали победу у скандинавов, опередив их на 16 очков. Теперь на вопрос: «Какая держава является самой сильной в конькобежном спорте?» — было отвечено вполне определенно — Советский Союз.

Норвежцы достойно встретили свое поражение. Как подобает мужественным людям, они не стали искать утешений и оправдываться.

В перерывах между соревнованиями мужчин состязались женщины. Их забеги не очень популярны в Осло. Норвежцам обидно, что после двукратной чемпионки мира Лайлы Шоу-Нильсен они не могут победить на первенствах земного шара. Поэтому-то руководители конькобежной федерации попросили меня, желая поднять авторитет женских коньков, пробежать на «Бишлете» в полную силу и показать неограниченные возможности женщин-скороходов. Странное дело, женский спорт не очень популярен в Норвегии, но стоило мне появиться на льду, болельщики стали кричать, хлопать, приветствовать меня. Мое норвежское имя «Инга» было по душе им, и они без устали выкрикивали его. Я не могла хорошенько размяться, приходилось отвечать на приветствия. В конце концов я решила чередовать короткие пробежки с ответами на комплименты и, пристроившись за Виктором Косичкиным, хоть немного смогла подготовиться к старту.

Наступает моя очередь. Волнуюсь. Перед взыскательным зрителем я держу сегодня экзамен. Меня несколько смущают результаты мужчин на пятисот-

ке — экс-чемпион Европы Нильс Онесс смог преодолеть дистанцию лишь за 44,1 секунды, другой очень сильный многоборец, Гуттормсен, показал 44,4 секунды. Лил дождь. Температура была плюсовой. Как я пробегу?

Начинаю резво. Трибуны неистовствуют. На отдельных отрезках не уступаю в скорости мужчинам. А в итоге приличный результат — сорок шесть секунд. Немного проиграла я норвежским мужчинам.

После забега на лед вышел гранд-принц Норвегии. Он поблагодарил меня за бег и преподнес цветы. Гвоздики.

После моего забега на льду появились Людмила Белоусова и Олег Протопопов. Я не раз видела их выступления и каждый раз, особенно в последние годы, восхищалась ими.

Вам доводилось когда-нибудь видеть тишину? Именно видеть? На льду. В ледяном безмолвии огромного стадиона... Ту чарующую тишину, которая рождается всякий раз после того, как мы сбщаемся с искусством и, осененные им, не в силах шелохнуться, боясь потревожить, расплескать это неповторимое ощущение. Оно бывает у меня всегда, когда я вижу нашу «золотую пару».

И в то воскресенье на мокром льду «Бишлета» Олег и Людмила пленили своим искусством людей, на родине которых выросла легендарная Соня Хени.

Людмила искрилась счастьем, чувствуя свою власть над стадионом. Олег был отважен, стремителен...

Казалось, что фигуристы не прилагали никаких усилий, что какая-то неведомая сила увлекла их вперёд. Прыжок Людмилы. Она, подобно бабочке, порхает нежно и сильно. А спустя мгновение кружится, стелется

по льду, головой почти касаясь изрезанной поверхности. Движение полно трепета. Брызжащая через край жизнерадостность, энергичный ритм, смелость прыжков, резкая смена темпа, виртуозность и необычайная музыкальность. Людмила и Олег могут в любую минуту остановиться, замереть и сразу же помчаться в погону за стремительной мелодией.

Но вот меняется музыка. Задумчивая, она пленяет своей прозрачностью, так и видишь необыкновенной чистоты и свежести раннее утро. Звуки все льются и льются, а норвежцы, жадно вслушиваясь в них, следят за движениями наших фигуристов. И они о многом думают. Об искусстве. О спорте. О будущем...

Нам сказали, что первенство мира состоится в небольшом городке. И вот мы прибыли в Оулу, город, расположенный в восьмистах километрах от Хельсинки, край непуганых снегов и всполохов северного сияния.

Оулу расположен на северном берегу Ботнического залива. В переводе на русский язык слово «Оулу» означает — самый великий город... Великий — в смысле «самый большой в Финляндии по территории». Городу исполнилось 360 лет. Знакомясь с Оулу, мы поняли, что это самый большой из всех скандинавских городов, в которых когда-либо проходили женские чемпионаты. В Оулу есть самый северный в мире университет, технический и коммерческий техникумы, медицинское училище, театр, симфонический оркестр, бассейн в парке Раати.

По городу петляет река Оулуйки со своим экзотическим водопадом Мерикоски, возле которого находится городская электростанция.

Есть в Оулу и свои «Черемушки» — новый район в устье реки спроектировал академик Алвар Аалто.

Стадион «Раати», место будущих стартов, находился на острове Коскикескус. В городе стоял двадцатиградусный мороз, мы кутались в свои меховые шубы, пробираясь к стадиону. Вход на каток был закрыт. Что делать? Обходить? А ведь это несколько километров. Я вспомнила свое озорное детство на Петровке, когда мы прыгали на лед через забор, и предложила девчонкам воспользоваться этим нехитрым способом. Они меня дружно поддержали.

Финский лед нам не особенно понравился.

— Не то что у нас в Свердловске! — сказала Люся Осинцева.

— Не то что «Бишлет», — заметила я.

— А чем он интересен, «Бишлет»? — спросили девушки. И я рассказала им про секреты норвежского льда, который по праву можно считать самым быстрым в мире.

Секунды, показанные на этом льду, заставили многих специалистов конькобежного спорта серьезно задуматься — ведь на равнине скороходы вплотную подошли к мировым рекордам, установленным в условиях высокогорья.

Секреты феноменальных скоростей, показанных на «Бишлете» Пером-Иваром Му, Йонни Нильссоном, Эдуардом Матусевичем, заключены в быстром льде. Даже при плюсовой погоде скольжение здесь бывает отличным. На чемпионате мира среди мужчин, когда была плюсовая температура и дорожка напоминала скорее трассу стипль-чеза, результаты были показаны отличные.

Секрет льда заключается в том, что на «Бишлете» он вовсе не гладкий. Мы привыкли мчаться по зеркальному льду, а на «Бишлете» есть едва заметные на

взгляд волны. И по ним, этим волнам, коньки скользят быстрее, ибо уменьшается площадь трения, да и легче отталкиваться — не проскальзывает нога.

Я разговаривала с Одмунтом Педерсеном, «кулинарум льда», человеком, который готовит лед уже в течение двадцати девяти лет. Он признался, что к новому методу заливки льда пришли случайно. Вот как это было.

На «Бишлете» должны были тренироваться сильнейшие мастера Норвегии. Опытные заливщики готовили лед. Уже должна была начаться тренировка, но неожиданно Одмунт Педерсен заметил, что у заливочной машины чуть накренилось разбрызгивающее устройство. Струи воды стали бить немного вверх. И в тот день впервые на льду образовались знаменитые сегодня «волны». Заливщики хотели их сострогать, но потом не стали, ибо спортсмены, решив, что на таком льду все равно невозможно тренироваться, уехали на другой каток.

А на льду остался тренироваться лишь олимпийский чемпион и чемпион Европы Роуальд Ос. Он легко и непринужденно скользил по зеркальной глади, а после тренировки сказал Педерсену, что никогда еще ему не каталось так свободно и стремительно.

— Лед словно подгонял меня! — улыбнулся олимпийский чемпион.

И тогда-то старый заливщик решил провести эксперимент. Долго он искал угол наклона разбрызгивающего устройства и уточнял скорость движения машины. Теперь он может с уверенностью сказать, что при семи-пяти градусах ниже нуля скорость машины должна быть не больше пятнадцати километров в час. Если мороз крепче — скорость нужно прибавить.

Слушала я рассказ опытнейшего в мире заливщика льда и думала:

«Хорошо бы и нашим мастерам льда перенять у норвежцев этот метод. Как бы он помог нам в «погоне за скоростью!»

Зря я, должно быть, вспомнила о сказочном льде стадиона норвежской столицы, катаясь в городе Оулу. Словно решив отомстить мне за неблагодарность, финский лед приготовил мне «сюрприз».

Я уже говорила о том, что на тренировке чуть не сломала себе ногу — врезалась в скамейку. До соревнований оставалось два дня, и я сидела в отеле «Арина» и мрачно смотрела на все.

Борьба обещала быть жестокой. Ни на одном чемпионате мира еще не собирались такие грозные для нас противники. После Олимпийских игр в обманчивом затишье подросли способные конькобежцы. Особенно меня поразила голландская бегунья Стин Кайзер. Эта девушка не уступала мне в росте. Она бежала мощно и быстро. Внушительное впечатление произвели на нас корейки. Возглавляемые серебряным призером Олимпиады в Инсбруке Пил Хва Хан, они освоили широкий мужской шаг, научились развивать и удерживать такую скорость, которая позволяла им надеяться на самый серьезный успех.

Газеты разных стран, выдвигая предположения перед чемпионатом, единодушно отвели мне место абсолютной чемпионки. Один из финских журналистов рассказывал, что их редакция уже имела очерк обо мне с названием «Четырежды непобежденная», в котором подробно описывались будущие соревнования, было описано все, вплоть до мельчайших подробностей. Не были представлены только результаты.

Моя больная нога не смущала журналистов, они верили в то, что я, пользуясь их выражением, «могу собрать силу воли и сделать невероятное». Чтобы создать вокруг меня атмосферу уверенности, журналисты припоминали различные эпизоды из моей спортивной жизни, в которых я будто бы проявила свои волевые качества.

Расскажу одну из таких заметок. В прошлом году на соревнованиях в шведском городе Окселенсунд я стартовала в одном забеге с американкой Дженни Эшуорт. Прошли первый поворот. Дженни входила во второй вираж по малой дорожке. Чуть позади по большой бежала я. В свете ярких прожекторов мелькали две пары стальных трубок. Трибуны гудели. И вдруг наступила тишина. Под мои коньки беспомощно катилась упавшая американка. Я к тому моменту набрала огромную скорость. Что делать? На раздумья не было и десятой доли секунды. Столкновение должно было кончиться трагически для обеих. И притормозить невозможно.

Что же делать?

Решение приходит молниеносно: с полного хода бросаюсь в снежный барьер. Не знаю, какой снег ждет меня — мягкий или задубевший? К счастью, снег был не очень твердым...

Зрители наградили меня аплодисментами. Разумеется, не за время, показанное на пятисотке, а, как написали газеты, «за благородство».

В раздевалке Дженни никак не могла простить себе, что помешала мне показать высокий результат. Я с трудом удержала Дженни — она все пыталась пойти в судейскую коллегия и попросить для меня перебежки. Интересно, в этом обычном случае, где каждый

советский спортсмен поступил бы так же, как я, американка и скандинавские журналисты увидели проявление каких-то необыкновенных моральных качеств. А раз так, замечали они, раз у Инги хватило смелости броситься на рекордной скорости в снежный сугроб, то у нее и в этом году хватит смелости забыть о больной ноге и в четвертый раз стать абсолютной чемпионкой мира.

Мне эта логика показалась несколько наивной. Финские журналисты не знали, наверное, что по своим моральным качествам ни одна из наших спортсменок не уступит мне. А раз так, следовательно, любая из нас с полным правом могла претендовать на звание «королевы коньков».

...Церемония открытия чемпионата была торжественной, нам сказали, что в этот день на стадион «Раати» придет сам губернатор. Но, как нарочно, он заболел в день открытия чемпионата, а потому поручил сказать приветственное слово мэру города Калле Маатену.

— У нас в Оулу, как и во всей северной Финляндии, впервые такой спортивный праздник. Это большая честь для города и для губернии. Мы старались сделать все возможное, чтобы вы чувствовали себя как дома. Даже суровая природа смиростивилась и отступила перед теплотой дружеских улыбок. Такие соревнования укрепляют дружбу между посланцами разных стран. Этими словами я открываю соревнования, — сказал мэр.

Вспыхнул фейерверк, в воздухе заметались ракеты, огненные буквы начертали на темном небе эмблему чемпионата.

Жребий был явно не в мою пользу — на всех четырех дистанциях мне приходилось бежать в первой

паре, прокладывать дорогу остальным, давать им в руки свои графики.

Все свои силы я вложила в первую дистанцию — решила сразу же ошеломить соперниц. Промчалась пятьсот метров за 46,8 секунды. Для такого льда совсем неплохо. Во время бега я заметила, как за мной следит глазок телеоператора. Значит, подумала я, мой бег видят в Москве, родные, друзья. И я бежала еще быстрее.

В следующей паре старт взяла наша лучшая спринтерша Ира Егорова. Это как раз та Ира, которая в Инсбруке уступила победу в спринте только Лиде Скобликовой. А сейчас, в отсутствие олимпийской чемпионки, Ирина оставалась бесспорным фаворитом. Как пробежит она? Честно говоря, не боясь показаться нескромной, на этой дистанции я опасалась только Ирину. Если бы она пробежала лучше меня, то я, наверное, выступила бы более скованно, ибо на других дистанциях меня подстерегали сильные специалисты — средневики и стайеры — Валентина Стенина, Стин Кайзер, Пил Хва Хан. Моя судьба и настроение зависели от результата Иры. Поначалу она бежала лучше меня, но к финишу скисла и не дотянула до моего результата всего одной десятой секунды.

Трудно передать, что я почувствовала после первой победы. Не хочется лицемерить, ханжествовать. Цитирую строки из статьи специального корреспондента «Комсомольской правды» Николая Семеновича Киселева, человека, знающего и понимающего коньки. Киселев, анализируя ситуацию, сложившуюся после спринтерской дистанции, делал вывод:

«Итак, Инга Артамонова сделала первый шаг к победе. Теперь, после того как ей не оказалось равной сре-

ди спринтеров, можно было предполагать, что путь к пьедесталу почета расчищен».

Так думали все. И я, к сожалению, поддалась на удочку, решила, что победа уже гарантирована мне, успокоилась.

И за эту успокоенность сразу же поплатилась поражением на дистанции, которая всегда считалась «моей», на которой я установила один из самых лучших своих мировых рекордов. Я проиграла полуторку Вале Стениной. Это меня не очень смущало. Ей не страшно было проигрывать — она же подруга по команде, на наших свитерах написаны одни и те же гордые буквы. А вот то, что впереди меня оказались голландка Стин Кайзер и кореянка Пил Хва Хан, было тревожно.

И хотя я оставалась по сумме двух дистанций на первом месте, тревожное состояние не оставляло меня всю ночь. Не скажу, чтобы я боялась, просто была бдительна и к любой спортсменке относилась с должным вниманием, ожидая от нее сенсации.

Такое обостренное чувство особенно помогло мне в воскресенье — второй и решающий день чемпионата.

Снова я открывала забеги. На этот раз в паре со мной стартовала двадцатилетняя машинистка из голландского города Дельф Стин Кайзер. Эта девушка вчера сумела выиграть у меня. А сегодня, возобновив трудную битву на льду, она мечтала опередить меня в забеге, выиграть лицом к лицу.

Стин Кайзер очень похожа на меня. В раздевалке даже произошел забавный эпизод: Валя Стенина и Ирина Егорова сидели со мной. Мы делились впечатлениями и от вчерашнего посещения театра Ристо Вэсте, режиссера, поставившего в Финляндии чеховский

«Вишневый сад». Незаметно я отошла от подруг и прилегла на раскладушку, стараясь отвлечься, стала читать повесть Хемингуэя «За рекой, в тени деревьев». Валя и Ирина спохватились — меня нет, стали искать — не нашли, вышли на лед, смотрят, а я уже катаюсь на льду, разминаюсь. Они даже обиделись — мы ведь хотели вместе выйти на лед, но я «изменила» им и катаюсь одна.

Каково же было их разочарование и изумление, когда, вернувшись в раздевалку, они увидели, что я лежу и мирно читаю историю о любви юной итальянки и изломанного жизнью и войной американского полковника. Оказалось, что они приняли Стин Кайзер за Артамонову, настолько она своей фигурой и манерой бега походила на меня.

Стин не скрывала, что она старается выиграть. Мне досталась внутренняя дорожка. Это хорошо. Значит, два поворота я могу идти против ветра. И оба этих поворота — малые. Борьба шла только первые полкруга. А затем я убежала от «летучей голландки» на тридцать метров, недвусмысленно показав, что и на этот раз лавровый венок останется в СССР — у Валентины Стениной или у меня.

От того, как пройдет Валя тысячу метров, зависела прописка лаврового венка — или Москва, или Свердловск. Стенина бежала стремительно, но на финише секундомеры зафиксировали результат почти на две секунды слабее, чем мой.

На последней дистанции я завоевала третью золотую медаль.

Вот и свершилось — я стала в четвертый раз абсолютной чемпионкой земного шара. Ни одному спортсмену после войны, когда коньки стали по-настоя-

щему массовым видом спорта, не удавалось добиться того, что выпало на мою долю. Я побила в тот день рекорд норвежца Ялмара Андерсена, советских спортсменов Марии Исаковой и Олега Гончаренко, которые по три раза были чемпионами мира. Я — четырехкратная!

Не верится! Вбегаю в раздевалку. Меня окружают мальчишки, просят автографы.

— Ну, ты понимаешь, что снова стала сильнейшей? — спрашивают подруги.

— Ой, девчонки, я так рада! И за нас за всех! Снова с победой на родную землю!

Печально подмигивало мне северное сияние, вспыхнувшее над студеным северным морем. У меня было хорошее настроение — были сотни телеграмм от незнакомых, но дорогих мне людей. Я бродила одна по заснеженному городу, стояла над морем, вспоминала Гайдара:

«Море здесь очень глубокое, и если поставить сто домов один на другой, все равно потонут. В этом море водятся всякие рыбы...»

Река, замершая под горой... Фонари, захлестнутые темнотой... Тишина такая пронзительная, что слышен шум в сопках, в тундре. Снег лежал мягкий, но ненадежный. Океан воздуха плыл над Оулу — бури остались позади, и очень хотелось жить, работать, побеждать и проигрывать, сомневаться и спорить. Мороз будоражил. Снег от северного сияния казался красным. В усыпанном звездами небе метались разноцветные лучи. Неуверенно трепетали желтые дуги, их обвивали широкие, зеленые, а затем рубиновые ленты. Небо полыхало над Оулу, и всем этим, казалось, руководил какой-то опытный дирижер, властвовавший над снеж-

ным безмолвием. И имя этому режиссеру было одно — Жизнь!

Радостная, справедливая, совсем хорошая!

Жизнь, давшая человеку крылья, мечту, научившая нелегкому труду, показавшая, как надо ходить по Земле.

Почти тридцать лет осталось позади. Тридцать! В эти годы люди достигают своей вершины, постигают искусство «ходить по земле».

Идет по жизни Человек!

Делает жизнь Человек!

Он уже все умеет! И все может — кроме одного. Он не признает тишины и спокойствия. Страстный, одержимый, сильный Человек учится ходить по Земле...

Умирает ночь над тихим Оулу.

Я не нахожу себе места от счастья. Брожу по улицам, мечтаю о рассвете, который вольется в окошко гостиницы, заскользит по подушке, разбудит меня, чтобы сказать:

— Это вершина не последняя, Инга! Восхождение не кончилось — впереди еще целая Жизнь!

...И снег!

Снег!

Снег!

■ ОТ РЕДАКЦИИ

Мы должны были увидеться с Ингой четвертого января — договорились работать в январе интенсивней, чтобы успеть закончить книгу до очередного первенства мира. Ждали ее звонка. Она же, обычно пунктуальная, молчала. Тогда мы позвонили сами... То, что узнали, не укладывалось в сознании.

«Я учусь ходить по земле» — так она назвала свою книгу — взволнованный рассказ о судьбе спортсменки, лирическую исповедь. Книга подводила итог прожитым годам — поражениям и победам. Больше года мы трудились рука об руку. Инга уверенно постигала непривычное для нее ремесло — журналистику, быстро и цепко ликвидируя свою «безграмотность» в этой области.

Книга захватила Ингу. В последнее время чемпионка мира буквально разрывалась: тренировки, книга, занятия в институте, работа над статьями для нескольких журналов, домашние дела... У нее было столько планов, что даже друзья, знавшие ее непреклонность и настойчивость, скептически улыбались.

А Инга работала...

И вот ее нет... Тысячи москвичей прощались с нею.

Осиротели ее рекорды. И тоскливо делается ее друзьям, и они еще и еще раз задумываются над трагедией семьи Ворониных...

Эта трагедия представляется нам не просто семейной историей.

Есть в ней подводное течение. Его нельзя не видеть, и глупо не обращать на него внимания. История нравственного падения Воронина — бывшего мастера спорта и чемпиона мира на дистанции 500 метров — заставляет нас кропотливо и тщательно изучить причины этого падения.

Как он пришел к преступлению?

Два слова о возникновении семьи Ворониных. В одной квартире дали по комнате двум молодым людям — Воронину и Инге. Оба они — конькобежцы, члены сборной страны, оба динамовские спортсмены. Сначала были соседями, потом возникла семья. «Самая быстрая семья в мире!» — писали о ней журналисты.

Поначалу все складывалось хорошо. Воронин помогал Инге Артамоновой — он был ведь старше ее на два года, лучше знал жизнь, научился преодолевать жизненные невзгоды. Воронин стал как бы тренером Инги. Он научил ее бежать самую короткую дистанцию быстрее всех в мире. На первых порах семья Ворониных была здоровой и дружной.

Шли годы. Неумолимое время со всей строгостью показало, что элемент случайности, который присутствовал при возникновении семьи, вырос в парадокс: в одной семье сложились два разнополярных отношения к спорту. С одной стороны — возвышенное и трепетное. С другой — потребительское, иждивенческое.

Олицетворением первого была Инга. Носителем второго стал Воронин.

Как он превратился в рвача и эгоиста? Объяснить это нетрудно: Воронин сделал главную в жизни ставку на спорт, на коньки. И надо сказать, он неплохо устроился. Была слава, заграничные командировки, длительные сборы, автомашина «Волга» — все это было. И Воронин «прекрасно жил». Так ему казалось. Когда он выиграл одну из дистанций на чемпионате мира в 1959 году, его самолюбие было удовлетворено. Он достиг вершины славы. Он не знал, что делать с этой славой. Его хвалили газеты, называли преемником Гришина в спринте. И он возомнил себя великим спринтером, потеряв чувство меры, забыв, что Гришин был не только неповторимым спринтером, но и замечательным человеком, бескорыстным другом.

Итак, вершина достигнута. А дальше что?

Инга тоже достигла вершин — она четыре раза была абсолютной чемпионкой мира, более десяти раз побеждала на отдельных дистанциях, установила свыше десяти мировых рекордов, из которых два до сих пор не побиты. Инга не знала, как это останавливаться на достигнутом. Она понимала: если человек ограничивает свою жизнь только спортом, он обкрадывает самого себя.

Уже после смерти Инги мы еще и еще раз перечитали рукопись книги «Я учусь ходить по земле». Всюду беспокойство спортсменки о том, что «вершина для многих является началом спуска. Не все выдерживают испытания высотой». Мы знали: последние слова она писала, думая о своем муже. Он не выдержал испытания высотой, испугался, смалодушничал, обворовал себя. Когда он оставил большой спорт, то понял: хотя прошло тридцать лет, он ничего не достиг в жизни. Вещи и автомашина его радовали все меньше

и меньше. Кончился спорт. И Воронину стало неинтересно — вокруг него был вакуум, пустота. Воронин запил... Пил довольно часто — на сборах, на соревнованиях. Что еще он делал? Играл в карты? Кажется, все.

Думая над его драмой, мы внимательно изучили газеты, которые писали о Воронине во времена его чемпионства. Некоторые излишне ретивые репортеры рассказывали, что Воронин живет не только спортом, что его занимают десятки интересных планов. Это не совсем так. Хотя формально все было правильно — Воронин ведь кончил химический техникум, числился студентом Института физкультуры. Наверное, читая эти газеты, Воронин сам удивлялся. А потом перестал удивляться — подумал, что все наши спортсмены, подобно ему, лишь числятся где-то в институтах, но приходят туда только затем, чтобы проставить оценки в зачетные книжки. Воронин, например, совершенно искренне не верил нам, что четырехкратный чемпион страны по фигурному катанию, мастер спорта Петр Чернышев стал Героем Социалистического Труда, лауреатом Государственной премии, главным инженером ленинградского Металлического завода — одного из крупнейших в мире. Воронин сомневался, что Юрий Власов сам пишет рассказы. Он не мог представить себе, что капитан сборной страны по волейболу Юрий Чесноков учится в адъюнктуре. Воронин мерял их судьбы по своей мерке.

Разумеется, такое отношение к спорту коробило Ингу. Она пыталась переубедить Воронина, доказать ему, что спорт не может быть кормильцем всю жизнь. И Воронин кое-как закончил институт, даже поступил на курсы английского языка, но...

Он опять продолжал пить водку, играть в карты и все ниже опускаться, опустошаясь морально.

Итак, в одной семье сосуществовало два разных отношения к спорту. И естественно, что возникла борьба. Инга — коммунистка, принципиальный и чуткий человек — вела в своей семье последовательную, но ни на один день не прекращающуюся борьбу с мужем. За него же самого. История конькобежного спорта сохранила десятки рассказов о мужестве и стойкости Инги на чемпионатах мира и Советского Союза. Там свидетелями этих побед были сотни и миллионы людей. Здесь же — о самой тяжелой в ее жизни борьбе — не догадывались даже близкие друзья. И здесь Инга одержала победу. Правда, слишком дорогой ценой.

У нас из головы никак не выходит один из вечеров — мы обсуждали с Ингой главу о ее семейной жизни: «Любовь — крупным планом».

Мы спорили: надо ли в исповеди спортсменки говорить о семье, о любви?

Инга настояла на своем. Последнюю главу она начала с обращения к мужу. Она писала в своей книге о нем, воюя за него. Инга не испугалась домыслов, которые могли возникнуть в связи с такой главой. Инга писала:

«Я видела: он не находил себе места. Метался по квартире, мрачно сидел у телевизора, подходил к «горке» с медалями и призами. Там было много медалей. Гена завоевал их в мужественной борьбе. Мужественной и нелегкой. Было время — он умел побеждать. Один год у него не было соперников в спринте в нашей стране.

И все это ушло?

...Гена продолжает тренировки. Он зол и настой-

чив. Но секунды не слушаются его. Гена выполняет объем работ не меньше Гришина. Но... результаты у них разнополярны. Женя по-прежнему не знает себе равных. Если он и проигрывает иногда Васнецову или Каплану, то это не угнетает спортсмена. Он готовится к главному старту — первенству страны. Я даю голову на отсечение, что Гришин снова будет чемпионом...

А Гена? Он ведь моложе Жени на три года. Но что-то у него не получается. Скованные движения. Унылые секунды. Я катаюсь с ним на тренировках — и не верю: где его техника? Он ведь почти не уступал Гришину. А сейчас?

Поэтому-то Воронин и волнуется. Он снова начал курить. Сначала делал это незаметно, чтобы я не догадывалась. Потом махнул рукой — все равно кто-нибудь наябедничает. Стал дымить в открытую. Раньше мы вечерами гуляли по снежным аллеям Нескучного сада. А последнее время Гена часто сидит за расписыванием «пули». Ему везет в преферанс. А вот в коньках не очень везет.

Значит, уходить? Прощаться со льдом, со скоростью? И это в тридцать! Когда человек становится и сильнее и умнее, когда он так много узнал и постиг!

Ничего, Ген, подумаем: ты не уйдешь из спорта незаметно. За последние шесть лет ты и я стали одним человеком. Не было в жизни дня, чтобы ты не помог мне. А я — тебе. Если могла. Мы вместе побеждали.

Ты уходишь, Ген. А я — остаюсь. Одна за двоих. Даже не представляю, как сумею выдержать все это. Но ты же поможешь? Ты учил меня бежать спринт.

Не тебе ли я обязана своим мировым рекордом на пятисотке? Давай и сейчас: ты станешь моим общественным тренером. Ладно? И мне будет отлично. И тебе не так тяжело уходить... сразу.

Итак, тренируемся вместе? И отложи в сторону карты, не гадай, что играть: «мизер» или «десятирную». Не дыми, как пароход. Сейчас, как никогда прежде, я желаю тебе мужества, Гена».

Она желала ему мужества.

После январской трагедии мы долго думали, что делать с теми страницами, на которых присутствует Воронкин. Хотелось оставить их — ведь это голос Инги! Ведь это она, живая, говорит о муже прямо и честно. Но с другой стороны голову сверлила мысль: как же может убийца быть на страницах этой чистой исповеди? По какому праву?

Нет такого права, нет оправдания. Мы вычеркнули его имя из книги так же, как народ вычеркнул его из истории советского спорта.

Имя же Инги Артамоновой осталось. И сверкает по-прежнему. Остались непобитыми ее рекорды. Они служат маяком для советских конькобежцев. Многие поколения спортсменов еще будут изучать технику Инги, думать о ее славном спортивном пути. И пусть во имя Инги, во имя того, что ей было трижды дорого — Спорта! — пусть люди, вспоминая о январской трагедии, поймут, что трагедия эта не только в том, что ничтожный человек убил великую спортсменку. Трагедия в том, что один из спортсменов докатился до преступления — обокрал себя, опустошил свою душу, заболел завистью ко всем спортсменам, которые были выше его в спорте. Вырвать почву из-под ног Геннадиев

Ворониных! — с мыслями об этом мы заканчиваем затянувшееся послесловие.

Инга Артамонова мечтала выступить на Олимпиаде в Гренобле, а потом заняться спортивной журналистикой. К тому времени Инга была намерена изучить все скандинавские языки, языки, на которых говорят сильнейшие конькобежцы мира, — английский она уже знала...

«Я учусь ходить по земле» — это заголовок ее книги. Это она, живая, неисправимая оптимистка говорит всем нам: «Я учусь ходить по земле».

Дорогой наш юный друг, читатель, какая бы усталость ни сгибала тебя в жизни, еще раз возьми в руки эту книгу. Задумайся над ней. Мы верим: она поможет тебе не только в спорте. Надо учиться ходить по земле.

МЕДАЛИ, ТИТУЛЫ, РЕКОРДЫ

ЗАСЛУЖЕННЫЙ МАСТЕР СПОРТА СССР.

МАСТЕР СПОРТА СССР МЕЖДУНАРОДНОГО КЛАС-
СА.

4-КРАТНАЯ АБСОЛЮТНАЯ ЧЕМПИОНКА МИРА.

10-КРАТНАЯ ЧЕМПИОНКА МИРА ПО ОТДЕЛЬНЫМ
ДИСТАНЦИЯМ.

5-КРАТНАЯ АБСОЛЮТНАЯ ЧЕМПИОНКА СССР.

26-КРАТНАЯ ЧЕМПИОНКА СССР ПО ОТДЕЛЬНЫМ
ДИСТАНЦИЯМ.

10-КРАТНАЯ РЕКОРДСМЕНКА МИРА.

ЧЕМПИОНКА СПАРТАКИАДЫ НАРОДОВ СССР.

3-КРАТНАЯ АБСОЛЮТНАЯ ЧЕМПИОНКА РОССИЙ-
СКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.

8-КРАТНАЯ ОБЛАДАТЕЛЬНИЦА ПРИЗА ИМЕНИ
С. М. КИРОВА.

■ СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЙ

29 августа 1936 года родилась Инга Артамонова.

1949 год.

Первые тренировки по академической гребле
в «Юном динамовце».

1950 год.

Чемпионка Москвы по гребле.

1951 год.

Член ВЛКСМ.

1953 год.

Чемпионка СССР по гребле среди девушек.

1954 год.

Мастер спорта СССР по гребле.

Чемпионка СССР по гребле среди взрослых.

26 декабря 1954 года.

Первые тренировки по скоростному бегу на коньках.

Январь 1955 года.

Обладательница приза имени Анатолия Капчинского.
Чемпионка Москвы по конькам.

21-е место на чемпионате Советского Союза.

1956 год.

Мастер спорта по скоростному бегу на коньках.
Абсолютная чемпионка СССР с новым мировым рекордом в многоборье.

1957 год.

Иматра. Абсолютная чемпионка мира в 20 лет — такого до сих пор не знает история женского конькобежного спорта.

Награждена орденом «Знак Почета».

1958 год.

Абсолютная чемпионка СССР.

Кристинехамн. Абсолютная чемпионка мира.

Член Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами.

1959 год.

Мировой рекорд на 1500 метров.

Абсолютная чемпионка РСФСР.

Победительница приза имени С. М. Кирова.

1960 год.

Абсолютная чемпионка РСФСР.

Победительница приза имени С. М. Кирова.

1961 год.

Победительница приза имени С. М. Кирова.

1962 год.

Абсолютная чемпионка СССР.

Четыре мировых рекорда.

Иматра. Абсолютная чемпионка мира.

Победительница Спартакиады народов СССР.

Абсолютная чемпионка РСФСР.

Победительница приза имени С. М. Кирова.

Заслуженный мастер спорта.

За выдающиеся спортивные достижения награждена
четырьмя золотыми медалями.

Итог года — ни одного поражения.

1963 год.

Абсолютная чемпионка страны.

Вице-чемпионка мира.

1964 год.

Из-за болезни не участвует в Олимпийских играх.

Лучшее время сезона в мире на дистанции 1000 метров.

Вице-чемпионка мира.

Абсолютная чемпионка страны.

1965 год.

Принята в ряды Коммунистической партии Советского Союза.

Оулу. В четвертый раз абсолютная чемпионка мира — впервые в истории женского конькобежного спорта.

В 26-й раз выигрывает первенство страны по отдельным дистанциям.

В 8-й раз подряд побеждает на розыгрыше приза имени С. М. Кирова.

Мастер спорта СССР международного класса.

Награждена вторым орденом «Знак Почета».

На первомайской демонстрации вместе с Юрием Власовым ведет радио- и телерепортаж с Красной площади.

Лучшие результаты сезона в мире на всех дистанциях классического многоборья.

1967 год.

Центральный Совет «Динамо» учредил мемориал имени Инги Артамоновой.

■ ОГЛАВЛЕНИЕ

Доктор был прав, к сожалению	3
Мне так не хотелось в землю!	9
Дорогие мои мальчишки	12
А у нас пекут блины	19
А вы ноктюрн сыграть могли бы?	27
Вершина — начало спуска?	39
Пожелайте мне всяческого беспокойства	51
Гулливер в стране великанов	64
Разведка боем	91
Пятая дистанция	110
Испытание высотой	120
Моменты оптимизма	136
Я вернулась за подснежниками	153
Сувенир	177
Горький лед Каруидзавы	191
Лишь тебе не дано примелькаться	208
Високосный год	219
Шаги кругло катились по тишине	237
У моря студеного	249
От редакции	274
Медали, титулы, рекорды	282

Артамонова Инга Григорьевна.

Я УЧУСЬ ХОДИТЬ ПО ЗЕМЛЕ. Лит. запись
А. Юсина. М., «Молодая гвардия», 1967.

288 с.

7А4.3

Редактор *М. Лаврик*

Художники *А. Блох и Л. Белов*

Фото на обложке *Д. Кричевского*

Худож. редактор *Л. Белов*

Техн. редактор *А. Захарова*

А09051. Подп. к печ. 10/VI 1967 г. Бумага 70×108¹/₃₂.
Печ. л. 9(12,6). Уч.-изд. л. 11,9. Тираж 50 000 экз.
Заказ 147. Цена 48 коп. Т. П. 1967 г., № 249.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Москва, А-30, Сушневская 21.

БРАВО, ИНГА!

Перед самым началом нынешнего первенства страны по конькобежному спорту многие знали, что этого года англо-американский чемпион Инга Артамонова выиграла.

Вспомните, как в прошлом году она выиграла чемпионат мира в Хельсинки.

Инга Артамонова серпеләйтіін

Suomalaisista suolaia päättäjäispäivänä.

Eev. ... 1000 p

今ぞひらく

スピード・スケートの覇

Такого не знало
ММА даже Медео!

Neuvostoliitto hallitsi MM-kis
ilonaiheita oli kuitenkin Suomella

Neuvostoliiton Inga Artamonova voitti naisten pikaluistelun maailmanmestaruuden kamppailuissa, jotka pidettiin Suomessa sunnuntaina Iimatralla. Myöskin neljä neuvostoliittolaista, josta käytin 1. maailmanmestaruus.

MAAILMAN HUIPUT

OMENNA KLO 18 HIPPOKSELLA

★ Valentina Stenina ★ Ljudmila Osintseva ★
★ Rylava ★ Tatjana Rostopshina ★ Irina Jegorova ★
★ Lore Strauss ★ Jaanne Faith ★ Doreen McCannel ★
★ Mustonen ★ Kaija-Liisa Keski-Virttikka ★ ym. ym.

世界の強豪一堂に会す

スピードの女王

48 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ